

Цитаты номера

Стратегические ракетные системы в неядерном оснащении способны оказать серьезное негативное влияние на международную безопасность и подорвать стратегическую стабильность. Их использование может лишь помешать скорейшему разрешению конфликтов. Более того, такие системы могут усилить международную напряженность и увеличить вероятность применения оружия массового уничтожения с учетом риска, что Россия или Китай неправильно истолкуют цель запуска СНВНО.

Ключевым партнером России в АТР сейчас становится Китай, отношения с которым находятся на самой высокой точке за всю историю. Китай является крупнейшим торговым партнером, и для него очень важно, что впервые за много тысяч лет он имеет северную границу, на которой не надо строить очередную Великую стену. Сейчас, учитывая характер американо-китайских отношений, Россия пошла вверх в системе приоритетов китайской внешней политики, и не случайно председатель Си Цзиньпин осуществил свой первый визит именно в Москву.

Намечающийся кризис престолонаследия в Саудовской Аравии может вылиться в ожесточенную борьбу этих группировок за власть на фоне обостряющихся социально-экономических и политических проблем: растущей безработицы, в том числе среди получившей образование молодежи; назревающего конфликта между традиционалистами и сторонниками ограниченной модернизации; недовольства шиитского населения в восточной части страны и сокращения по сравнению с предыдущими десятилетиями финансовых ресурсов в результате растущего внутреннего энергопотребления, уменьшающего объем нефтяного экспорта.

С нашей стороны была акцентирована необходимость более ответственного отношения государств к своим обязательствам в области физической ядерной безопасности. Речь, в частности, идет о том, что многие государства — участники саммита под тем или иным предлогом до сих пор не присоединились к основным международно-правовым инструментам в этой области — поправки к КФЗЯМ и МКБАЯТ. Примечательно, что США и Республика Корея до сих пор не присоединились ни к тому, ни к другому документу. Наш призыв был широко поддержан большинством участников саммита, что позволило нам занять наступательную позицию по этому важному вопросу.

У России в этом контексте всего две, но очень существенные проблемы: отсутствие у руководства чувства времени, что побуждает использовать исключительно прежние модели поведения, и катастрофически нарастающее технологическое и инфраструктурное отставание. В какой-то мере негативную роль сыграл и определенный угар суверенизации, когда восстановление контроля национального правительства над политикой государства (сам по себе исключительно отрадный факт) начал восприниматься как некая панацея, обеспечивающая защищенность страны от воздействия внешнеэкономических факторов.

Анатолий Антонов

Вячеслав Никонов

Юрий Федоров

Григорий Берденников

Дмитрий Евстафьев

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 2 (105) 2013

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 2 (105), Том 19

ЛЕТО 2013

Журнал ПИР-Центра

Анатолий Антонов

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НЕЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ –
ВЫЗОВ ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ

Вячеслав Никонов

МЕСТО РОССИИ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ АРХИТЕКТУРЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Андрей Баклицкий

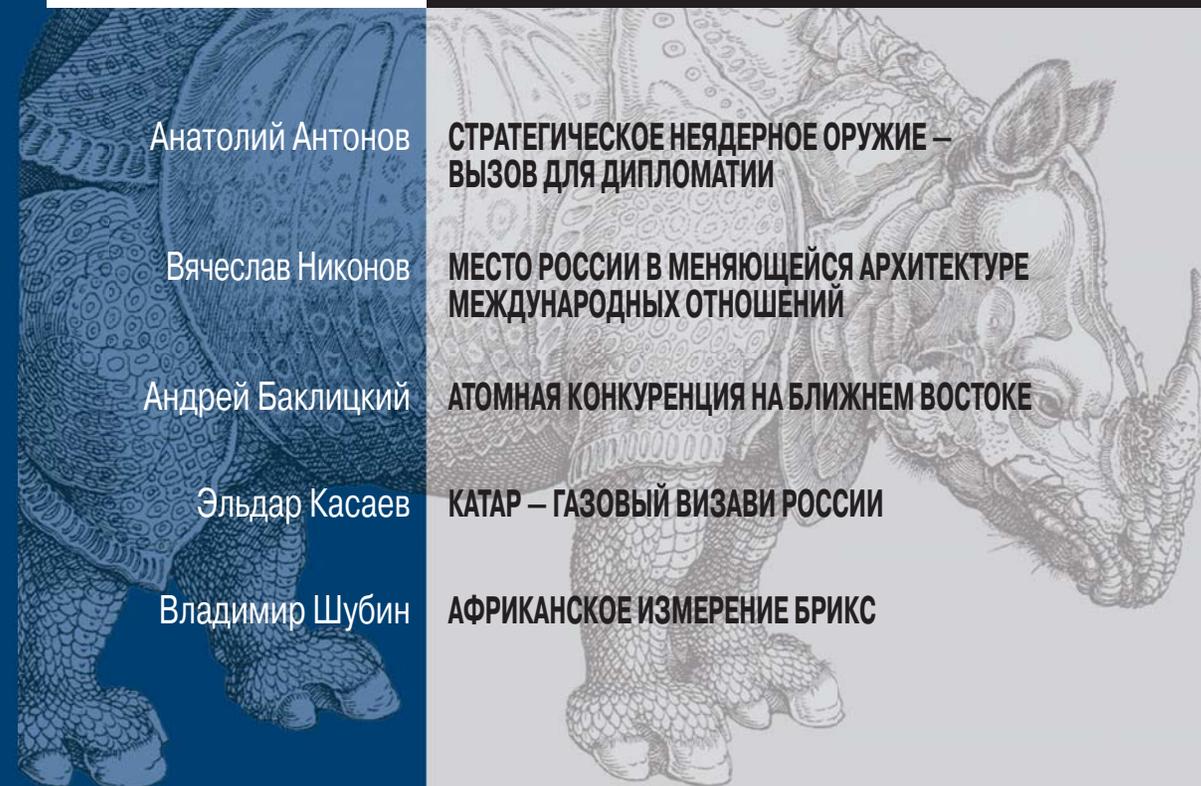
АТОМНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Эльдар Касаев

КАТАР – ГАЗОВЫЙ ВИЗАВИ РОССИИ

Владимир Шубин

АФРИКАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БРИКС

2780
1.01.20132811
1.02.20132826
1.03.20132795
1.04.20132771
1.05.2013

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ ТРИАЛОГ

ТРАДИЦИОННОЕ МЕСТО ВСТРЕЧИ
КРУПНЫХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ
ПОЛИТИКОВ, ДИПЛОМАТОВ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА,
УЧЕНЫХ И ЖУРНАЛИСТОВ

Международный клуб Триалог — это:

- эксклюзивная аналитика по актуальным проблемам международной безопасности;
- подписка на журнал *Индекс Безопасности*, бюллетень эксклюзивной аналитики *Russia Confidential*;
- пять встреч в году с высокопоставленными докладчиками и участие во всех мероприятиях ПИР-Центра.

Среди наших тем:

- Конфронтации в киберпространстве и кибероборона по-русски.
- Как договориться с Ираном?
- Противоракетная оборона: компромисс возможен.
- Афганистан–2014 и Талибан с гордо спрятанной головой.
- Противоборство Китая и США в Азии: выводы для России.
- ДОВСЕ: чего добивается Россия?
- Военное использование космоса.

В год 20-летия Клуба мы предлагаем новым членам **20% скидку** на членство в 2013–2014 гг. с **освобождением от уплаты вступительного взноса**, что позволит Вам сэкономить **13000 рублей!** Предложение ограничено и действует **до 1 сентября 2013 г.** только для читателей журнала *Индекс Безопасности*.

Просто укажите код предложения — **TRI-SI20** — в Вашем обращении на наш электронный адрес: dialogue@pircenter.org, тел.: +7 (495) 987-19-15, факс: +7 (495) 987-19-14.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1, 2013

Победителем, первым приславшим правильные ответы, стал **Максим Владимирович Старчак**, выпускник Летней школы–2006.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

И
С
Т
И
О
С
Т
А
С
П
О
З
Д
Р
А
В
Л
Я
Е
М

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 2 (105), Том 19
Лето 2013

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Дмитрий О. Rogozin
Сергей А. Рябков
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском и английском языках. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр политических исследований

Андрей А. Баплицкий, директор информационных проектов
Артем В. Блащаница, стажер
Евгений П. Бужинский, генерал-лейтенант, старший вице-президент
Дженнифер Данке, стажер
Олег В. Демидов, координатор проекта «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом»
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зульхарнеев, исполнительный директор
Галия Р. Ибрагимова, консультант
Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., старший научный сотрудник
Александр С. Колбин, координатор программы «Ядерное нераспространение и Россия»
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Павел А. Лузин, к.п.н., помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Екатерина А. Степанова, д.п.н., член Совета
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Александр Я. Чебан, научный сотрудник
Александр Д. Чеков, координатор образовательной программы
Александра В. Чепелева, координатор образовательной программы
Михаил В. Якушев, председатель Совета
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 2 (105), Том 19
Лето 2013

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Павел А. Лузин, помощник главного редактора [editor@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания [petelin@pircenter.org]
Татьяна В. Жданова, референт главного редактора [zhdanova@pircenter.org]
Екатерина А. Труханова, технический редактор
Елена И. Макеева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия

Представители журнала

Алма-Ата: Даурен Абен
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Вена: Никита В. Перфильев
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Киев: Сергей П. Галака
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Одесса: Александр Я. Чебан
Пекин: Ван Чэньсин
Рим: Юрий Е. Федоров
Санкт-Петербург: Анастасия А. Малыгина
Томск: Лариса В. Дериглазова

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119019, Москва, а/я 147
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7 (495) 987-1915 (многоканальный)
Факс: +7 (495) 987-1914

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Подписка:

- по России и СНГ: Роспечать, индекс 80666 (см. с. 154)
- по России и СНГ: Пресса России, индекс 10337, <http://www.ppressa-rf.ru/cat/>
- по России: Интер-Почта, индекс 11893, <http://www.interpochta.ru/>
- по всему миру: ООО *Триалог*, <http://pircenter.org/club>, trialog@pircenter.org
- по всему миру: East View Information Services, <http://www.eastview.com/>
- международное издание: Routledge (Taylor & Francis Group), <http://www.tandf.co.uk/journals>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Международного Фонда Технологий и Инвестиций.

Тираж (российское и международное издания) 2000 экз. Подписано в печать 21 июня 2013 г.
Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2013

О Т Р Е Д А К Т О Р А

7 **Политические элиты в эпоху дефицита** — Павел Лузин

Политические элиты являются главными носителями и выразителями политических идей, ценностей, ответственности, но именно здесь наблюдается дефицит, оказывающий негативное влияние на международные отношения и международную безопасность.

Ключевые слова: *политические элиты, международные отношения, международная безопасность, эффективность институтов.*

В Д Е С Я Т К У

10 **О мирных инициативах**

И Н Т Е Р В Ь Ю

11 **Россия вынуждена заняться созданием стратегического оружия в неядерном оснащении** — Анатолий Антонов

Стратегическое оружие в неядерном оснащении имеет мощный наступательный потенциал, и благодаря своим характеристикам оно позволит выполнять задачи, которые сейчас могут быть выполнены только с помощью ядерных сил. Наилучшим решением в данной ситуации мог бы стать полный запрет СНВНО, однако на этом пути была совершена ошибка — Россия и США после подписания нового договора СНВ прекратили дальнейшие переговоры. Заместитель министра обороны РФ Анатолий Антонов рассказывает о проблемах СНВНО и перспективах их решения.

Ключевые слова: *СНВНО, новый договор СНВ, стратегическая стабильность, отношения России и США, ПРО.*

19 **Россия сохраняется как мировой центр силы, но не ставит глобальных целей** — Вячеслав Никонов

Политика направлена на решение задач развития и обеспечение безопасности. В то же время по всем основным внешнеполитическим направлениям — СНГ, ОДКБ, Европейский Союз, США, Азиатско-Тихоокеанский регион — имеются противоречия. Вячеслав Никонов, председатель комитета Госдумы РФ по образованию, в открытом разговоре о динамике и перспективах внешней политики России.

Ключевые слова: *СНГ, ОДКБ, Украина, Европейский Союз, США, АТР, Иран, противоракетная оборона, международное сотрудничество в образовании, модернизация Дальнего Востока.*

А Н А Л И З

25 **Атомная энергетика на Ближнем Востоке: интересы и место России** — Андрей Бакицкий

Обострение конкуренции за рынок атомных электростанций на Ближнем Востоке для Росатома несет в себе как возможности для расширения присутствия в регионе, так и серьезные риски — российской государственной компании приходится конкурировать с мощными зарубежными консорциумами, что отражается, в первую очередь, на ценовой политике. Тем не менее, пози-

ции *Росатома* останутся довольно крепкими до тех пор, пока на рынок не выйдут китайские производители.

Ключевые слова: атомная энергетика, *Росатом*, Ближний Восток, политические аспекты экономической конкуренции на атомном рынке.

39 **Роль Катара на газовых рынках: перспективы взаимодействия с Россией** — Эльдар Касаев

В статье приводится системный анализ экономических отношений России и Катара, в том числе на полях международной организации Форум стран — экспортеров газа, а также состояние и перспективы газового сектора эмирата, который не только является основой финансового благосостояния этой монархии Персидского залива, но и тяжелым камнем преткновения для российских интересов. В последние годы Доха все активнее налаживает сбыт сжиженных углеводородов на европейский рынок, тем самым понижая конкурентоспособность отечественного сырья. Статья завершается долгосрочным прогнозом развития ситуации.

Ключевые слова: Катар, Россия, Европа, Азия, ФСЭГ, сжиженный газ, энергоносители.

57 **Зачем Южной Африке БРИКС и зачем БРИКСу Южная Африка** — Владимир Шубин

Присоединяясь к БРИКС, ЮАР преследовала долгосрочные цели: недопущение международной маргинализации себя и размывания своих позиций как лидера и выразителя интересов всей Африки. В то же время у ЮАР есть растущий интерес к сотрудничеству с Россией, который сталкивается с проблемой отсутствия должной координации между государственными органами и коммерческими организациями в обеих странах.

Ключевые слова: БРИКС, внешняя политика ЮАР, российские интересы в Африке, российско-южноафриканские отношения.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

71 **Опыт и перспективы международного сотрудничества в сфере ядерной безопасности: между Сеулом и Гаагой** — Григорий Берденников, Сергей Воробьев, Наталья Зайцева, Дмитрий Ковчегин, Владимир Кучинов, Михаил Лысенко, Виктор Муроров, Владимир Орлов, Пак Чжи Ын

Соблюдение решений Саммита по ядерной безопасности в Сеуле в 2012 г. станет предметом пристального внимания на следующем саммите в Гааге в 2014 г. Полноценное привлечение промышленного сектора к участию в саммите в Сеуле подтвердило настрой на дальнейшее развитие атомной отрасли и атомной энергетики в мире. Однако на повестку дня выходят вопросы участия отрасли в укреплении ядерной безопасности, регистрации и защиты всех ядерных материалов, включая радиологические материалы и ратификации Конвенции по физической защите ядерных материалов со стороны передовых атомных стран.

Ключевые слова: физическая ядерная безопасность, атомная промышленность, атомная энергетика, радиологические материалы, политические проблемы ядерного нераспространения.

К О М М Е Н Т А Р И И

85 **Создание ЗСЯО в Юго-Восточной Азии: почему ядерной пятеркой до сих пор не подписан Протокол к Бангкокскому договору?** — Александр Колбин

Подписание ядерными державами Протокола, завершающего создание в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия сталкивается с целым спектром международных политических противоречий, включающих проблемы экономического и политического контроля континентального шельфа, спорных территорий и различных подходов к военной безопасности. Надежд на подписание Протокола в 2013 г. мало, однако перспектива у такого шага все же обозначилась.

Ключевые слова: Бангкокский договор, зоны, свободные от ядерного оружия, ядерное нераспространение, ядерное разоружение, безопасность в Юго-Восточной Азии.

91 **Вопрос ПРО в российско-американских отношениях — как выйти из тупика?** — Игорь Томашов

Решение проблемы развертывания Соединенными Штатами системы противоракетной обороны в российско-американских отношениях автор видит в расширении совместной работы по глобальной оценке угроз, связанных с баллистическими ракетами; возвращении к замороженной идее создания совместного центра по обмену данными; а также в политике взаимных уступок России и США.

Ключевые слова: противоракетная оборона, российско-американские отношения, международная безопасность, стратегические ядерные силы.

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

- 98 **Индекс iSi за январь–май 2013 г.: Хаотичная изменчивость** — *Галия Ибрагимова, Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей Корунов, Сехларе Макгетланенг, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Константин фон Эггерт*

Ситуация в Сирии и окрестных странах продолжает оказывать влияние на показатели iSi, вызывает беспокойство и ситуация на Африканском континенте. Обострение вокруг КНДР закончилось быстро и не имело серьезных последствий. Политические сложности в Европе не позволяют прогнозировать ее социально-экономические перспективы. Эпистолярное общение президентов В.В. Путина и Барака Обамы не привело к положительным сдвигам в российско-американских отношениях.

Ключевые слова: гражданская война в Сирии, ситуация в Африке, ЕС, КНДР.

- 105 **Глазами либерала: Психопатология международных отношений** — *Юрий Федоров*
Ближний Восток фактически превратился в зону турбулентности и ни одного оптимистичного сценария развития ситуации в ней сегодня не существует. Одновременно США завершили переориентацию своего внешнеполитического курса на Азию, но его успешность тоже зависит от событий на Ближнем Востоке. Российско-американские отношения в этом контексте находятся скорее на периферии мировых процессов.

Ключевые слова: внешняя политика США, гражданская война в Сирии, российско-американские отношения, стратегические ядерные силы.

- 117 **Глазами консерватора: У надколотого корыта мировой политики** — *Дмитрий Евстафьев*
В мировой политике все более явным становится демонтаж финансовой системы, завязанной на США. Кризис банковской системы Кипра стал не только событием для европейской экономики и тесно связанной с ней экономикой России. В этой связи Запад имеет все меньше возможностей влиять на политические и военные события, происходящие на мировой периферии — в Сирии, в КНДР, в Латинской Америке. Результатом этого является формирование постнеоколониальной реальности, где фактор силы приобретает все большее значение.

Ключевые слова: США, российско-американские отношения, гражданская война в Сирии, КНДР, Венесуэла, мировой экономический кризис, ЕС.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 131 **Тройной агент** — *Евгений Бужинский*
«Джоби Уоррик сумел очень реалистично показать внутреннюю кухню одной из наиболее эффективных разведывательных служб мира. При этом он сумел так построить повествование, что у читателя не складывается впечатление, что книга посвящена разбору крупнейшего провала в истории ЦРУ», — рецензия на историческую публицистику в жанре журналистского расследования: *Warrick Joby. The Triple Agent. The al-Qaeda Mole Who Informed the CIA. New York, London, Toronto, Sydney, Auckland. 2011.*

Ключевые слова: Пакистан, Аль-Каида, терроризм.

- 139 **Повести и предсказания у кипящего котла** — *Владимир Орлов*
«Е.Я. Сатановский честен с читателем: он не верит в возможность создания самостоятельного и эффективного Палестинского государства, больше того, он убежден, — на мой взгляд, ошибочно, — что этого подспудно не хотят сами палестинцы, которые гораздо больше выигрывают в нынешней ситуации неопределенности и, по его мнению, отсутствия ответственности», — рецензия на книгу: *Евгений Сатановский. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями. М.: Эксмо, 2012.*

Ключевые слова: израильско-палестинский конфликт, Ближний Восток.

- 143 **Космическая ностальгия по Маккиндеру** — *Павел Лузин*
«Метагеополитика космоса, как, впрочем, и классическая геополитика морей и континентов в духе сэра Х.Д. Маккиндера, сродни метафизике и политической мифологии. Кроме того, она лишена ортодоксии, свойственной многим современным приверженцам геополитических построений», — рецензия на монографию: *Nayef R.F. Al-Rodhan. Meta-Geopolitics of Outer Space. An Analysis of Space Power, Security and Governance. Palgrave Macmillan, 2012.*

Ключевые слова: использование космоса в мирных и военных целях, геополитика.

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 147 *Артем Блащаница, Дженнифер Данке, Шахноза Джаббарова, Дерек Йохансон, Анастасия Ковалева* — стажеры ПИР-Центра готовят обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

Р Е Д А К Т О Р У

- 155 **Дополненная реальность: игра, бизнес, безопасность** — *Виталий Каберник*

- 157 **Размышления о ядерных амбициях КНДР** — *Владимир Хрусталеv*

- 159 SUMMARY

- 163 ОБ АВТОРАХ

- 169 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

- 173 СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

- 174 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

ГОЛОВОЛОМКИ БЕЗОПАСНОСТИ

- Обл. III **Ответы на кроссворд, опубликованный в № 1, 2013**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ЭПОХУ ДЕФИЦИТА

Международные события в первой половине 2013 г. продолжили развиваться по инерции: опустошенность в мыслях и делах ощущается повсеместно, ключевые мировые игроки проводят свои внешнеполитические линии *без искорки*, и в целом политика из искусства возможного стремительно вырождается в череду ритуалов, в некий шаманизм.

Задачей для исследователя является определение того подхода, который позволит рассматривать каждую из существующих международных проблем в широком политическом и социально-экономическом контексте. Говоря проще, необходимо нащупать *нерв* времени. И состояние политических элит — это именно такой *нерв*.

Политическая элита в любой стране играет роль носителя основных ценностей, стратегии развития, политической и исторической ответственности, поддерживает правила распределения власти и собственности. И сегодня практически повсеместно наблюдается *дефицит* в исполнении политическими элитами своих основных обязательств перед гражданами.

Дефицит идей. Какую ситуацию в сферах международных отношений и международной безопасности сегодня ни взять, везде мы видим нехватку концептуальных идей, ориентированных в будущее, определяющих внешнеполитическое мировоззрение и целеполагание. Идеи, мотивирующие к действиям, во многом оказались заменены иллюзиями или чистой *обломовщиной*. Это является следствием того, что окружающая реальность и происходящие в ней объективные изменения осмысливаются все хуже. Таким образом, дефицит идей является еще и симптомом кризиса науки о международных отношениях.

Дефицит ценностей. Политические ценности рождаются на основе исторического опыта и меняются под его же воздействием. На основе ценностей формулируются национальные интересы, представления о политике разумном и политически приемлемом. Но мы совершенно четко видим размывание таких представлений, а значит и размывание ценностей. Самым ярким примером здесь является Европа, фактически отказавшаяся от инициативы в деле распространения своих ценностей и похоже смирившаяся с растущей этнической и религиозной напряженностью внутри себя. Удивительно, что Россия, будучи частью европейской традиции, в погоне за крайним прагматизмом вообще постулировала отказ от ценностей во внешней политике.

Дефицит ответственности. На фоне дефицита идей и ценностей рождается дефицит ответственности политических элит. Решения лучше не принимать, отложить до *лучших* времен — таков основной постулат сегодняшних международных отношений. Это видно по всем направлениям: Сирия, Иран, КНДР, территориальные споры. За уверенной, а иногда и воинственной риторикой не следует никаких действий, и пантеон симулякров в мировой политике множится с невиданной скоростью.

Дефицит легитимности. Проблема легитимности с той или иной остротой встает сегодня перед большей частью политических элит. И если с Сирией в этом смысле все ясно, то, глядя на недавние волнения в Швеции, в Турции, в Бразилии, усиление пограничного контроля в КНДР на границе с Китаем, создается впечатление, что от этой проблемы не застрахован никто. Меньше риска у тех элит, которые совсем недавно прошли через процедуру выборов, например, в США и Иране.

Дефицит институциональной эффективности. Если говорить об эффективности международных институтов, то в последние годы критика в их адрес стала общим местом, другое дело — эффективность государственных институтов. Измельчание решаемых этими институтами проблем стало хорошей подпиткой идеей либертарианцев, выступающих за сокращение численности и полномочий органов законодательной и исполнительной ветвей власти. Но как быть с военными и внешнеполитическими ведомствами? Это еще один серьезный теоретический вызов для ученых и специалистов-практиков по всему миру.

Результатом всего этого совершенно точно становится *дефицит* свободы внешнеполитического маневра, свободы внешнеполитического выбора. Но это уже чревато и сужением пространства свободы внутриполитической, и в целом — свободы, которой не бывает в отсутствие ответственности и в отсутствие ценностей, заставляющих политические элиты вступать в борьбу на мировой арене.

Однако мы также наблюдаем, что чувство самосохранения заставляет политические элиты искать устойчивости в экономической сфере и военном деле. Попытка создать понятные материальные основы для внешней политики в непонятном мире вполне закономерна. В чем-то эта попытка перекликается с классическим тезисом марксистов об экономическом базисе и политической надстройке, но также перекликается и с куда более ранним меркантилизмом, когда полнота казны считалась главным критерием успеха властителей, а на баснословно дорогих пушках писали *ultima ratio regum*.

Существует разница в поведении политических элит авторитарных и демократических государств. В условиях дефицита идей, ценностей и ответственности авторитарные политические элиты склонны проводить скорее консервативную внешнеполитическую линию, в то время как демократические политические элиты так или иначе пытаются образовавшийся дефицит восполнить, а значит — они лучше готовы к неизбежным переменам. Другое дело, что положительных результатов не гарантирует ни одна из выбранных линий.

В то же время ключевое сходство между авторитарными и демократическими политическими элитами заключается в происходящем процессе их *замыкания*. Даже в странах *арабской весны* очень быстро прекратился приток *свежей крови* в политику. Это можно наблюдать не только на уровне государств, но и в их отдельных регионах. Чем это грозит сфере мировой политики — вопрос для глубоких философских размышлений.

Именно поэтому роль политических элит в международных отношениях, влияние выбора этих элит на международную безопасность — вот нить, кото-

рая зримо или незримо связывает материалы очередного номера *Индекса Безопасности*.

Неопределенность внутривнутриполитической ситуации в Казахстане, о которой пишет Юрий **Федоров**, заставляет задуматься о перспективах российского курса на развитие Таможенного союза, а также приближающейся естественной смене выходцев из позднего СССР новыми поколениями политиков на всем постсоветском пространстве.

Экономический крен во внешней политике государств в статьях Андрея **Баклицкого** и Эльдара **Касаева**. Ставший традиционным для журнала акцент на сектор энергетики — атомной и газовой соответственно — здесь дополнен общим фокусом на государства Ближнего Востока и интересы России в этом регионе.

Актуальная тематика БРИКС в статье Владимира **Шубина** обращена к ЮАР. Политическая элита этой африканской республики, которой уже много лет прочат упадок, пытается укрепить свои позиции, а заодно выгодно продать развивающимся державам выход на континент.

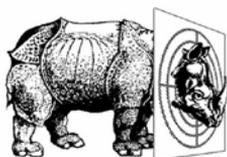
Политические проблемы физической ядерной безопасности между прошедшим саммитом в Сеуле и грядущим — в Гааге обсуждают участники круглого стола. Показательно, что политические элиты ведущих государств пытаются в этой сфере часть ответственности делегировать промышленности, а общий градус их интереса здесь уже не столь высок. Инерция?

И пристального внимания в этой связи заслуживают интервью представителей российской политической элиты — Анатолия **Антонова** и Вячеслава **Никонова**. Все основные на сегодняшний день приметы международных отношений в них отражены очень ярко.

Разумеется, сегодняшняя ситуация, когда политические элиты испытывают идейно-ценностный дефицит, зародилась не в последние месяцы и завершится не осенью. Однако сообществу исследователей и профессионалов-практиков настала пора поднимать брошенную перчатку. В этом и заключается искусство возможного.

Павел Лузин
Помощник главного редактора

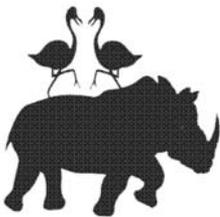

В ДЕСЯТКУ: О МИРНЫХ ИНИЦИАТИВАХ

«Я тебе вот что скажу: если бы наступил настоящий мир — это скорее всего тоже было бы опасно. Почему нам нужна холодная война? При подлинном мире блекнет испытанный образ врага, а это может внезапно поставить под угрозу ассигнование миллиардов на вооружение. И потому наша армейская верхушка невысокого мнения о так называемых мирных инициативах, она мыслит реалистически: швейцарскую армию сохранит от ликвидации не мир во всем мире, а не-война».

Макс Фриш. Швейцария без армии? Февраль—март 1989 г.

Анатолий Антонов:

«РОССИЯ ВЫНУЖДЕНА ЗАНЯТЬСЯ СОЗДАНИЕМ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В НЕЯДЕРНОМ ОСНАЩЕНИИ»

Стратегические вооружения в неядерном оснащении становятся новым фактором стратегической стабильности. Их разработка и потенциальное развертывание уже сейчас ставят острые вопросы не только в рамках российско-американских отношений, но и шире — в рамках перспективы подключения к переговорам о сокращении стратегических сил других стран ядерной пятерки. В то же время именно Россия и США, обладающие наибольшими стратегическими потенциалами, несут ответственность за то, чтобы диалог по этому вопросу все-таки начался.

Каковы подходы российской и американской сторон к проблеме СНВНО? Для решения каких задач предназначен этот тип вооружения? Какие риски для международной безопасности несет его появление? Как связана проблема СНВНО с проблемами противоракетной обороны, милитаризации космоса и обычных вооружений? Способны ли неядерные стратегические системы заменить ядерное оружие в деле поддержания стратегической стабильности? На эти и другие вопросы журналу Индекс Безопасности ответил заместитель министра обороны Российской Федерации, д.п.н. Анатолий Антонов¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько вопрос стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении (СНВНО) актуален в контексте отношений России и США?

АНТОНОВ: Вопрос СНВНО был одним из наиболее острых в ходе российско-американских переговоров по новому договору СНВ, и под это определение подпадают любые баллистические ракеты, в том числе МБР и БРПЛ, оснащенные неядерными боеголовками. В то же время тяжелые бомбардировщики, хотя и считаются стратегическим оружием, не представляют такой же серьезной угрозы в контексте рассматриваемых вопросов в силу ряда особенностей их использования.

Было бы неправильно утверждать, что вопрос СНВНО раньше, до работы над новым договором СНВ, не стоял. Здесь важно подчеркнуть, что новый договор, так же, как и договор СНВ-1, является договором о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Не случайно слово *ядерный* в данном определении отсутствует. Это не упущение со стороны наших делегаций, а результат сложного компромисса с США. Вашингтон всегда стремился к заключению договоренностей, которые бы не затрагивали так называемые обычные вооружения и СНВНО, а касались бы только ядерного оружия.

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

Россия, напротив, всегда настаивала на том, что новый договор должен распространяться на все виды стратегических вооружений. Мы всегда подчеркиваем неприемлемость компенсирования ядерных сокращений путем наращивания стратегических неядерных систем. Это не является равноценным обменом.

Дело в том, что разрушительный потенциал СНВНО становится все ближе к уровню ядерного оружия. Российская сторона тщательно отслеживает планы, касающиеся передовых технологий в области неядерных стратегических ракет. Поступающая информация недвусмысленно показывает, что США стремятся к развитию значительного нового сегмента своего стратегического арсенала, способного решать широкий круг задач, которые раньше можно было решить исключительно с использованием стратегического ядерного оружия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Для решения каких задач Соединенные Штаты ведут работу над созданием данного типа оружия?

АНТОНОВ: Эта работа ведется в рамках так называемой концепции *быстрого глобального удара* (Prompt Global Strike). США приступили к развитию данной концепции на рубеже 1980–1990-х гг. Окончательной целью концепции является достижение Соединенными Штатами полномасштабного глобального превосходства, в том числе путем разработки новых эффективных неядерных стратегических вооружений, с сохранением американского ядерного арсенала.

Если концепцию *быстрого глобального удара* удастся воплотить в жизнь, у США появится возможность наносить неядерные удары по целям в любой точке планеты в течение часа после принятия соответствующего решения. При этом принимается во внимание изменение природы угроз безопасности США, которые исходят не только от России или, к примеру, Китая, но и от так называемых *государств-парий*, террористов и экстремистских групп. Считается, что использование ядерного оружия против таких противников было бы контрпродуктивным. По сути дела, речь идет о трансформации военного потенциала США с целью приведения его в большее соответствие с природой будущих конфликтов.

Сторонники этой концепции считают, что СНВНО будет наилучшим средством сдерживания агрессивных противников регионального уровня, и нанесение высокоточных неядерных ударов большой дальности по таким противникам станет адекватным ответом. Следовательно, СНВНО более приемлемо и более эффективно в качестве инструмента сдерживания государственных и негосударственных игроков. Высокоточные неядерные удары большой дальности могут стать единственным средством предотвращения атаки с использованием оружия массового уничтожения либо предотвращения дальнейших атак после первоначального акта агрессии.

Дальность, скорость, поражающий потенциал и эффективность СНВНО в сочетании с возможностью быстрого реагирования с использованием такого оружия позволят вооруженным силам выполнять практически все те задачи, для которых ранее требовалось ядерное оружие. Американские военные считают, что СНВНО помогут перейти к быстрому планированию и нанесению ударов по целям, находящимся на расстоянии тысяч километров, в случае принятия президентом США соответствующего решения на основании оперативных разведданных. Они утверждают, что воплощение концепции быстрого удара потребует очень быстро — в течение нескольких минут — сбора данных, принятия решения и выполнения этого решения.

Еще одним преимуществом СНВНО, по словам американских экспертов, является относительная дешевизна такого оружия по сравнению с неисчислимой ценой последствий возможного применения ОМУ.

В то же время США в основном говорят о возможных ударах по базам, местам встречи террористов или их лидеров. Однако указанный тип вооружений не слишком хорошо подходит для решения таких задач.

Во-первых, такие встречи редко проходят в отдаленных и слабозаселенных районах, поэтому использование такого оружия в силу его большого разрушительного потенциала приведет к массовым жертвам среди мирного населения.

Во-вторых, такие цели являются высокоомобильными. Длительность подлетного времени МБР, а также время, необходимое на подготовку и принятие решения о запуске, не позволят гарантированно уничтожить движущуюся цель. Достаточно взглянуть на ситуацию с беспилотными летательными аппаратами, которые используются в Афганистане для борьбы с бойцами Талибана. Несмотря на относительно небольшой размер, низкую эффективность управления и ограниченный огневой потенциал беспилотников, их применение, в том числе в населенных районах, ведет к значительным жертвам среди мирного населения. Отсюда гуманитарные аспекты использования СНВНО для избирательно-го уничтожения боевиков и террористов вызывают огромные сомнения, а цену возможной ошибки при сборе или интерпретации разведанных невозможно прогнозировать.

В-третьих, США имеют развернутые военные силы в ключевых точках планеты, что уже сейчас позволяет им в случае необходимости наносить мощные удары по противнику с использованием высокоточного оружия. В этой связи вероятность ситуации, в которой США будут вынуждены прибегнуть к использованию СНВНО, крайне низка, особенно учитывая возможные побочные эффекты такого шага в плане стратегической стабильности. Имеются также серьезные сомнения в том, насколько рациональными были бы расходы на разработку и создание столь дорогостоящего оружия с единственной целью уничтожения лидеров террористов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Если заявленные задачи столь явно не соответствуют потенциалу СНВНО, что же США рассчитывают получить в итоге?

АНТОНОВ: Очевидно, что в случае успешного внедрения концепции быстрого глобального удара, основанной исключительно на СНВНО, вооруженные силы США получат мощное и современное наступательное оружие, которое создаст прочный фундамент для выполнения глобальных миссий на море, на суше и в космосе. Благодаря своим отличительным характеристикам такие ракетные системы смогут выполнять задачи, которые сейчас могут быть выполнены только с использованием стратегического ядерного оружия.

Вместе с тем уровень принятия решения о применении СНВНО может быть значительно снижен по сравнению с арсеналом ядерного сдерживания. Здесь также необходимо подчеркнуть тот факт, что в случае развертывания СНВНО ключевой фактор ядерной неопределенности и непредсказуемости никуда не денется, поскольку все заявленные Соединенными Штатами потенциальные цели для ударов в рамках *быстрого глобального удара* находятся в непосредственной близости от российских и китайских границ.

Поэтому запуск неядерных МБР или БРПЛ в направлении территории России или Китая может быть воспринят в качестве ракетной атаки по этим странам, резко повышая риск запуска их ракет для нанесения ответного удара. Мы считаем, что американские военные эксперты хорошо понимают невозможность определения после запуска, какой тип боеголовки установлен на МБР или БРПЛ — ядерный или неядерный.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каким образом будет реагировать российская система предупреждения о ракетном нападении в случае применения СНВНО американской стороной?

АНТОНОВ: Система предупреждения о ракетном нападении спроектирована таким образом, чтобы предоставить как можно больше времени на принятие решения военным и правительству. Принимая во внимание, что наиболее опасные в плане терроризма регионы примыкают к российской территории, любые ракетные запуски по целям в этих регионах будут обнаружены российскими средствами и восприняты, скорее всего, как враждебные. Это диктует физика и география обнаружения запуска ракет.

Принимая решение о мерах реагирования, российские военные будут исходить из предположения о том, что ракета несет ядерную боеголовку. Более того, в условиях явного дефицита времени на проведение всесторонней оценки оперативной ситуации основные меры реагирования будут выполнены в автоматическом режиме. В этой связи возникает очевидный вопрос: понимает ли кто-нибудь в полной мере катастрофический риск, который несут в себе неопознанные боеголовки?

В контексте этой проблемы остаются серьезные вопросы относительно последствий частичного переоснащения американских стратегических подводных ракетносцев неядерными БРПЛ. Остается проблема предотвращения случайных или несанкционированных запусков БРПЛ, оснащенных ядерными боеголовками, во время боевого дежурства подводных лодок со смешанным составом ракет. Здесь возникает необходимость в многократном дублировании санкции на запуск. Однако не ясно, возможно ли это с технической точки зрения. Неясно также, каким образом уведомлять государства, над территорией которых будут пролетать баллистические ракеты, и где будут падать отработанные ступени ракет. Все это несет чрезмерно высокий потенциал для конфликтов и напряженности в международных отношениях.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Существуют ли пути достижения компромисса между Россией и США по вопросу развертывания и применения СНВНО?

АНТОНОВ: Один потенциальный вариант уменьшения озабоченности России по этому поводу заключается в рассмотрении американцами возможности размещения своих МБР в неядерном оснащении на отдельных базах, подальше от баз с ядерными ракетами. К примеру, это могла бы быть база *Ванденберг* или мыс Канаверал.

Само собой разумеется, что МБР в неядерном оснащении должны иметь какие-то характерные черты, чтобы отличаться от ракет в ядерном оснащении. Они также должны подпадать под режим инспекций или демонстраций. Однако такие процедуры верификации не могут дать полной гарантии того, что при определенных обстоятельствах некоторые из таких неядерных МБР не будут вновь оснащены ядерными боеголовками.

Кроме того, складывается впечатление, что никакие меры прозрачности не будут достаточными в условиях ограниченного времени и отсутствия исчерпывающей информации в случае конфликта, если США примут политическое решение о нанесении удара с использованием СНВНО.

Нужно также сказать, что многие из способов уменьшить озабоченность России касательно неядерных МБР невозможно применить к БРПЛ. К примеру, неядерные БРПЛ предполагается разместить на подводных лодках, несущих ядерные ракеты. Таким образом, возможность раздельного базирования, как в случае с МБР, исключается.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Получается, что ситуация со стратегической стабильностью в любом случае меняется с появлением СНВНО?

АНТОНОВ: На ситуацию со стратегической стабильностью надо смотреть шире, и, с точки зрения российской безопасности, здесь складывается довольно неприятная картина. Реализация планов по созданию глобальной системы ПРО, ведущиеся программы НИОКР по обычным силам в Европе и общий явный дисбаланс по обычным вооружениям между НАТО и Россией, двусмысленные намерения США в отношении размещения оружия в космосе, резкое ускорение развития военных информационных технологий, перспективы внедрения программы *быстрого глобального удара* с использованием СНВНО; дальнейшие сокращения ядерных арсеналов России и США — все это может подрвать стратегическую стабильность и сделать российский оборонный потенциал уязвимым. Такая эволюция, конечно же, не отвечает российским национальным интересам.

Ссылки Соединенных Штатов на новое качество двусторонних отношений, которое не предполагает военного конфликта между нашими странами, снять нашу озабоченность не в состоянии. Российская сторона неоднократно отмечала, что в военном деле принимать во внимание нужно реальный потенциал, а не намерения сторон, которые могут измениться со временем, в том числе в зависимости от имеющегося военного потенциала.

Американские планы по созданию СНВНО могут стать серьезным стимулом к ракетному распространению. Что, если другие обладающие ракетами страны тоже решат развивать и улучшать свои стратегические ракетные вооружения? Вы можете взглянуть на карту и увидеть, сколько стран могут разрабатывать подобные системы вооружений. К примеру, на территории бывшего СССР можно назвать Белоруссию, Украину и Казахстан. Поэтому речь идет в возможном новом опасном витке гонки вооружений, основанном на самых передовых ракетных и космических технологиях. При этом на международном уровне признанных ограничений на такое оружие не существует.

Принимая во внимание все вышесказанное, мы считаем абсолютно обоснованной ту озабоченность, которая высказывается авторитетными экспертами в отношении развития и улучшения неядерных высокоточных стратегических ракетных систем, учитывая, что этот процесс идет параллельно с развитием систем противоракетной обороны. Все эти тенденции могут не просто заморозить процесс сокращения ядерного оружия, но и обратить его вспять. Сложно себе представить, как такой сценарий может отвечать интересам международного сообщества.

Разработка СНВНО может положить начало стратегической гонке вооружений по двум параллельным направлениям — ядерному и неядерному. Более того, исследования и разработки в этих двух областях могут быть взаимодополняющими. Показательно, что создаваемый в США научный и технический потенциал в области высокоточных ракетных систем для доставки неядерных боеголовок на межконтинентальные расстояния может использоваться и для разработки высокоточных ядерных боеголовок, МБР и БРПЛ.

Подводя итоги, можно утверждать, что стратегические ракетные системы в неядерном оснащении способны оказать серьезное негативное влияние на международную безопасность и подрвать стратегическую стабильность. Их использование может лишь помешать скорейшему разрешению конфликтов. Более того, такие системы могут усилить международную напряженность и увеличить вероятность применения оружия массового уничтожения с учетом риска, что Россия или Китай неправильно истолкуют цель запуска СНВНО.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Ведется ли в самой России работа по созданию СНВНО? И если ведется, то какие формы контроля над такими вооружениями Россия и США могли бы применять в будущем?

АНТОНОВ: Первоначальная позиция России по данному вопросу сводилась к запрету СНВНО, но теперь, учитывая действия США, она вынуждена будет заниматься разработкой этого оружия. И пока не ясно, какого характера должно быть соглашение по этому типу ракет, однако наилучшим решением, конечно, было бы совсем запретить СНВНО.

Пока же, по условиям нового договора СНВ (этот подход использовался еще при заключении СНВ-I), все носители считаются способными нести ядерный боезаряд, и поэтому они подпадают под оговоренные предельные уровни. Неизвестно, когда будет подписан следующий договор, но мы в любом случае будем требовать, чтобы все СНВНО подпадало под будущие предельные уровни.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сможет ли СНВНО полностью заменить ядерное оружие в качестве сил сдерживания и таким образом стимулировать появление безъядерного мира? Не будет ли в таком случае логичнее США и России делиться такими технологиями друг с другом и со своими союзниками?

АНТОНОВ: Довольно трудно представить, чтобы США, которые сегодня владеют такой технологией, поделились ею даже со странами НАТО, не говоря уже о России. В американских списках экспортного контроля Россия стоит в одном ряду с Ираном, Северной Кореей и т. д. Точно так же США совершенно не хотят делиться с другими технологиями ПРО. Идея мира, свободного от ядерного оружия, разумеется, хороша, и Россия привержена этой цели. Но для ее достижения нужно, чтобы все предприняли определенные шаги.

Если США планируют частично заменить ядерный потенциал стратегическими неядерными системами, которые могут выполнять те же задачи, что и ядерное оружие, нам довольно сложно будет думать о каких-то дальнейших сокращениях. В этой ситуации было бы неправильно вести переговоры о новом договоре в области ядерного разоружения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Но не являются ли предельные уровни по количеству стратегических носителей и развернутых на них ядерных боеголовок, 800 и 1550 единиц соответственно, что прописано в новом договоре СНВ, избыточными для обеспечения безопасности России даже с учетом развития Соединенными Штатами СНВНО и ПРО?

АНТОНОВ: На данном этапе России нужно 1550 боеголовок плюс 700 развернутых ракет. Во время следующего раунда переговоров и дискуссий с США, с другими членами *ядерной пятерки* мы все вместе сядем за стол, рассмотрим ситуацию, и наши военные эксперты скажут, сколько нам нужно боеголовок. Сегодня нам еще многое предстоит сделать, в первую очередь выполнить новый договор СНВ. Однако сейчас уже невозможно предугадать, как в будущем сложится ситуация, принимая во внимание лишь только один параметр — ядерный баланс между США и Россией.

У нас есть и другие проблемы. К примеру, США, Германия и некоторые другие страны поднимают вопрос о нестратегическом ядерном оружии и неразвернутых боеголовках. Так что есть такая проблема. Но все проблемы нуждаются в серьезном обсуждении, по каждой проблеме надо обстоятельно работать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие вопросы необходимо решить в первую очередь, чтобы все-таки сблизить позиции России и США и начать следующий раунд российско-американских переговоров по стратегическим вооружениям?

АНТОНОВ: *Во-первых*, это, конечно же, противоракетная оборона. Если взглянуть на новый договор СНВ, то можно увидеть, сколько раз там упоминается ПРО. В преамбуле мы согласились, что нынешнее состояние систем противоракетной обороны не представляет никаких проблем для российского потенциала ядерного сдерживания. В самом тексте договора мы упоминаем, что все ракеты на базе Ванденберг, которые переоснащены для неядерных задач, находятся под строгим контролем. А в конце договора российская сторона оставила за собой право выхода из договора в случае изменений в области ПРО, которые будут сочтены подрывающими российский потенциал сдерживания. Система ПРО не должна подрывать безопасность России, ракеты-перехватчики не должны размещаться поблизости от российских МБР, американские военные корабли не должны патрулировать районы, где они будут подрывать российский потенциал сдерживания.

Во-вторых, это проблема стратегической стабильности с учетом СНВНО. В двустороннем документе, который российский и американский президенты подписали в 2009 г., четко указано, что СНВНО — это проблема, которую необходимо решить. Правда, в документе не было подробностей относительно того, каких последствий для стратегической стабильности мы ожидаем от этого типа вооружений.

В-третьих, это ситуация с ядерными арсеналами Франции и Великобритании. Конечно, некоторые мои коллеги могут сказать, что у каждой из этих двух стран всего несколько сотен боеголовок и средств доставки. Но реальность состоит в том, что у нас с ними, т.е. между странами НАТО и Российской Федерацией, недостаток доверия. Нам многое предстоит сделать, чтобы стать настоящими партнерами во многих сферах. Именно поэтому мы рассматриваем потенциал Франции и Великобритании с той точки зрения, что они — члены одного альянса. Именно поэтому мы настаиваем на том, что следующий раунд переговоров должен быть многосторонним, по крайней мере, мы должны учитывать потенциал Великобритании и Франции. Также в ходе будущих переговоров нужно принимать во внимание упоминавшийся уже огромный дисбаланс в обычных вооружениях между Россией и странами НАТО.

В-четвертых, это проблема космоса. До сих пор не ясно, рассматривают ли США возможность размещения оружия в космосе или же они решили этого не делать. И здесь речь идет о предсказуемости, а мы не знаем, что завтра Соединенные Штаты будут считать угрозой, как они себя поведут. Надо понимать, что сегодня это в немалой степени зависит от того, какая администрация сидит в Белом Доме. Но если мы не знаем, что будет завтра, то не можем начинать переговоры о сокращении стратегических сил. Именно поэтому, кстати, мы и добиваемся гарантий.

Во время переговоров по новому договору СНВ я предлагал американским коллегам продолжить диалог после его подписания — со стороны России и США было ошибкой прекращать обсуждение реальных проблем. Наши делегации уважали друг друга, и для нас было важно продолжать такой диалог, независимо от того, насколько сложная проблема обсуждается. Но в то время я поддержки не получил. Я надеюсь, что в очень скором времени мы сможем вернуться за стол обсуждений. Но для начала следующего раунда переговоров предстоит провести очень большую работу.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А есть ли какие-то угрозы, общие для России и США, для России и НАТО, которые играют на сближение сторон?

АНТОНОВ: Основная угроза для НАТО и России заключается в сочетании терроризма и оружия массового уничтожения, т.е. в том, что нашло свое отражение еще в Резолюции СБ ООН № 1540. Я абсолютно уверен, что вместе со странами НАТО,

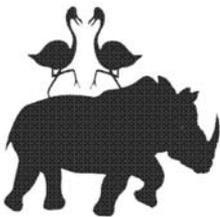
вместе с внеблоковыми странами мы должны очень многое сделать, чтобы защитить себя. Но при этом, к примеру, невозможно укрепить собственную безопасность ценой безопасности Великобритании. Иначе говоря, во всей нашей работе нужно принимать во внимание принцип неделимости безопасности.

Еще одна будущая угроза — это ситуация на территории Афганистана. НАТО рассматривает ситуацию в Афганистане с юга. А мы предложили странам НАТО взглянуть на ситуацию с севера, из Таджикистана, из Киргизии — с точки зрения наших союзников. Если мы объединим свои возможности и наши усилия, особенно после 2014-го года — это будет в интересах безопасности всех европейских стран, а также Российской Федерации.

Что касается распространения ракетных технологий — все стороны здесь очень обеспокоены. Однако проблема в том, что Россия настаивает на политических, дипломатических средствах и инструментах решения этого вопроса. И мы не должны развивать такие системы обороны, которые создают проблемы друг для друга. Мы должны забыть о том, что в прошлом были врагами. Сегодня мы должны быть полноценными партнерами. Европа — наш общий дом, и мы должны вместе укреплять безопасность этого дома. 🐜

Примечания

¹ Текст подготовлен на основе фрагментов выступления А. И. Антонова на совместном заседании членов *Centre russe d'études politiques* и Международного клуба *Триалог 24 апреля 2013 г., Женева, Швейцария*.

Вячеслав Никонов:

РОССИЯ СОХРАНЯЕТСЯ КАК МИРОВОЙ ЦЕНТР СИЛЫ,
НО НЕ СТАВИТ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

В феврале 2013 г. была представлена обновленная концепция внешней политики России. В меняющемся мире крайне важно иметь четкие принципы и ориентиры для эффективной реализации интересов страны, но в то же время необходимо постоянно держать руку на пульсе и сверять свою систему координат с окружающей действительностью. При этом также важно не просто реагировать на события и рождающиеся вызовы, а добиваться долгосрочных целей — поступательного развития, улучшения позиций в мировой политической, экономической и технологической иерархии.

Приоритеты и задачи российской внешней политики, причины проблем в российско-американских отношениях, перспективы укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, основные проблемы на пространстве СНГ — обо всем этом в интервью журналу Индекс Безопасности рассказывает председатель комитета Государственной Думы ФС РФ по образованию, историк и международник Вячеслав Никонов¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как можно в целом охарактеризовать нынешнюю внешнеполитическую линию России?

НИКОНОВ: Сегодня Россия окружена со всех сторон центрами силы, которые либо крупнее, чем она сама, либо развиваются более динамично. С запада это Европейский союз, с востока это Китай, с юга — огромный растущий мир ислама, и большое количество горячих точек по всей периферии российской границы.

В то же время Россия — это сохраняющийся центр силы, одна из великих держав. Москва сейчас исходит из того, что Россия по большому счету обречена оставаться самостоятельным суверенным центром силы, который не интегрирует какие-то другие центры силы. Страна по-прежнему остается ядерной сверхдержавой, энергетической сверхдержавой, ресурсной сверхдержавой, космической сверхдержавой, является членом Совета Безопасности ООН. И роль самостоятельного центра силы предполагает равноудаленные или равноприближенные отношения со всеми другими центрами силы, существующими сегодня.

Россия усиливает свои позиции в мировой экономике, если считать по паритету покупательной способности, то это шестая экономика мира, если считать по обменному курсу, то это девятая экономика мира. Вместе с тем Россия сейчас не имеет глобальных внешнеполитических целей и не реализует какой-то глобальный внешний дискуссионный проект. Политика России весьма прагматична. Она направлена прежде всего на решение проблем развития и обеспечения собственной безопасности.

В географии российских приоритетов за последнее время произошли определенные изменения. Как и в концепции внешней политики 2008 г. на первом месте стоит сотрудничество со странами СНГ, на втором месте — сотрудничество с Европейским союзом. Но дальше в концепции 2008 г. стояли Соединенные Штаты с Североатлантическим блоком, а в последней, 2013 г., на третье место вышли отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). И дальше, как и раньше, стоят страны Латинской Америки.

Но именно СНГ — основной приоритет в последние годы, и здесь виден прогресс. Это прежде всего создание Таможенного союза и продвижение создания экономического пространства с Казахстаном и Белоруссией. К этому формату сотрудничества проявляют интерес Киргизия и Таджикистан. Но СНГ сейчас развивается как организация с разными скоростями, и внутри нее есть разные клубы по интересам.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы перспективы развития отношений с нашими партнерами на указанных направлениях и каковы основные трудности, с которыми там сталкивается Россия? Можем прямо с СНГ и начать.

НИКОНОВ: Будущее содружества в большей степени зависит от того, куда пойдет Украина. Сейчас очевидно, что подавляющая часть украинской элиты смотрит преимущественно на Запад, а не на Россию. Хотя население Украины, напротив, испытывает некий прилив русофильства. К тому же для Украины участие в Таможенном союзе и едином экономическом пространстве было бы очень выгодно экономически.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В этом контексте нельзя игнорировать Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) — единственную организацию, где Россия ощущает своих реальных союзников или, по крайней мере, должна их ощущать. ОДКБ сегодня адекватна ставящимся Россией задачам? Если нет, что должно измениться?

НИКОНОВ: Если коротко отвечать на вопрос — нет. ОДКБ не выполняет те функции, которые теоретически могут быть возложены на нее. Пока что военно-политическое сотрудничество в рамках СНГ находится на более низком уровне, нежели даже, скажем, экономическое сотрудничество.

Я считаю, одна из больших проблем заключается в том, что всем этим странам очень сложно себе представить общего врага. Естественно, что проблемы Таджикистана и Белоруссии немножко разные. Кроме того, все наши партнеры боятся военного доминирования России, которая в военном плане, естественно, гораздо сильнее всех остальных.

Что делать для укрепления организации? Я лично всегда верил в бюрократию. Где бы был, например, Европейский Союз, если бы не брюссельская бюрократия? С точки зрения институционализации, думаю, нигде. Что же касается структур ОДКБ, мне они сейчас представляются в своей бюрократической части весьма неадекватными. Если будут созданы адекватные структуры координации, адекватные структуры штабные, адекватные военно-политические структуры, которые будут заниматься анализом, это может стать более серьезной организацией.

Всё это будет упираться в деньги, людей и организацию. Еще один фактор, который может теоретически усилить организацию, это, не дай бог, война где-то на пространствах Содружества. И это бы, я думаю, придало сильный импульс военно-техническому и военно-политическому сотрудничеству, но это как раз тот вариант, которого хотелось бы избежать. Поэтому будем лучше надеяться на мирное развитие событий. Впрочем, то, что происходит сейчас в Афганистане и что может происходить после 2014 г., настраивает все-таки на то, что структуры ОДКБ надо укреплять, предвидя, что они могут понадобиться.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А что у России на остальных направлениях — Европа, Соединенные Штаты, Азия?

НИКОНОВ: *Европейский Союз* — достаточно тяжелый, вязкий партнер. Конечно, существует соглашение о стратегическом партнерстве, соглашение партнерской модернизации, но мало что происходит в стратегических отношениях между Россией и ЕС. Россия остается третьим крупнейшим партнером ЕС. А ЕС является крупнейшим торговым партнером России. Но при этом торгово-экономические отношения по-прежнему определяются соглашениями о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.

Сейчас серьезные противоречия наметились с ЕС в связи с кипрской ситуацией. ЕС принял решение о конфискации вкладов российских граждан и компаний, что, естественно, не вызывает в Москве большого энтузиазма. Кроме того, это решение вызывает в Москве большие сомнения в способности ЕС в тяжелых условиях принимать адекватные решения. Понятно, что если конфискуются российские капиталы, вряд ли Россия будет еще вкладывать деньги.

Еще одним спорным вопросом в отношении с ЕС является проблема безвизовых поездок. Мое ощущение, что проблема не будет решена до тех пор, пока режим не установится среди стран восточного партнерства. Вряд ли Россия получит безвизовый режим до них.

В целом сейчас ЕС больше обеспокоен своими внутренними проблемами, чем отношениями с Россией. Саммиты Россия–ЕС проходят все менее содержательно, по-моему, они перестали интересовать даже средства массовой информации. Но в целом, Россия желает развития связей с европейским союзом и успеха Европейскому Союзу в преодолении различных трудностей.

Соединенные Штаты — отношения с ними в настоящее время являются довольно мелкими. При этом сохраняется общая основа для российско-американского диалога, которая на протяжении нескольких последних лет была связана с нераспространением, противодействием терроризму, афганским транзитом и сотрудничеством в решении региональных проблем.

В то же время отношения России и Соединенных Штатов всегда будут в числе приоритетов для обеих сторон. А поскольку они представляют друг для друга еще и экзистенциальную угрозу, вопросы жесткой безопасности останутся в их общей повестке дня. В то же время возможности прогресса в направлении дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ) представляются на данный момент проблематичными.

Россия с большим беспокойством отмечает продолжение работы по созданию системы противоракетной обороны (ПРО), которая представляет большую проблему для российского потенциала сдерживания. Кроме того, Соединенные Штаты обладают огромным превосходством над любыми другими странами в обычных вооружениях, и Россия всегда будет испытывать желание иметь абсолютные гарантии безопасности в виде ядерного оружия.

Соединенные Штаты в то же время являются партнером, абсолютно неизбежным для любой страны. Но в России это государство и дальше будет восприниматься в качестве источника угрозы, что, безусловно, будет отражаться на проводимой ею политике. Так, Россия является одной из четырех целей для возможной американской ядерной атаки — вместе с Китаем, Ираном и Северной Кореей. И, конечно, Соединенные Штаты в последнее время стремятся создать достаточно много проблем для России на ее периферии.

В России восприняли с очень большим недоумением заявление тогдашнего государственного секретаря Хилари Клинтон о том, что США сделают всё от них зависящее, чтобы предотвратить интеграцию в рамках СНГ. Получается, что интеграция приветствуется везде, кроме пространства бывшего Советского Союза. В дополнение принятие закона Магнитского, на мой взгляд, является серьезным шагом к тому, чтобы Россию повысить до разряда страны-изгоя, потому что до настоящего времени подобные списки составлялись только в отношении исключительно стран-изгоев.

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

Азиатско-Тихоокеанский регион становится всё более значимым в системе российских приоритетов. В этом регионе Россия решает три вида задач.

Первое — это модернизация российского Дальнего Востока.

Второе — это интеграция России в экономические структуры Азиатско-Тихоокеанского региона и превращение России в часть азиатско-тихоокеанской экономики.

И третье — это встраивание России в региональную архитектуру организаций, которых, как вы знаете, в АТР очень много.

Модернизация Дальнего Востока сейчас стартовала, идет очень медленно, но следует подчеркнуть, что темпы экономического роста в дальневосточных регионах России сейчас выше, чем в целом по стране. Экономические связи с АТР тоже растут, хотя сейчас на страны региона приходится чуть больше четверти российской внешней торговли.

Россия становится всё более значимым фактором на энергетическом рынке Восточной Азии. Если три года назад доля России составляла 0,1% в общем энергетическом балансе АТР, то сейчас порядка 3%, а цель в течение ближайших десяти лет — выйти на уровень 15%. Также Россия становится очень серьезным игроком на восточноазиатском рынке атомных электростанций, космических запусков и военно-технической продукции.

В последние годы страны Восточной Азии опережали страны Европы в наращивании своих инвестиций в российскую экономику. Во всяком случае все крупнейшие японские, корейские и китайские корпорации так или иначе инвестируют в Россию либо осуществляют здесь производство.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Влияет ли Россия на выстраивание политической архитектуры АТР? И, в целом, какие тенденции в отношениях основных игроков региона сегодня актуальны для нашей страны?

НИКОНОВ: К настоящему времени, пожалуй, архитектура в АТР определилась. Хотя она по-прежнему развивается, сейчас уже более или менее понятна иерархия институтов и то, чем они занимаются. Очевидно, что сейчас ключевой организацией сотрудничества будет механизм восточноазиатских саммитов по форме АСЕАН+8. С 2011 г. к этому формату присоединились Россия и США.

Экономическое сотрудничество будет осуществляться в рамках АТЭС, сотрудничество по безопасности — в рамках механизма совещаний министров обороны тоже в формате АСЕАН+8 и в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ). Ключевым партнером России в АТР сейчас становится Китай, отношения с которым находятся на самой высокой точке за всю историю. Китай является крупнейшим торговым партнером, и для него очень важно, что впервые за много тысяч лет он имеет северную границу, на которой не надо строить очередную Великую стену.

Сейчас, учитывая характер американо-китайских отношений, Россия пошла вверх в системе приоритетов китайской внешней политики, — не случайно председатель Си Цзиньпин в свой первый визит посетил именно в Москву. Конечно, проблемы в отношениях с КНР существуют, но это не мешает партнерству на двусторонней и многосторонней основе, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества и в рамках БРИКС.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Говоря о принципе равной удаленности от других центров силы, мы все-таки не можем игнорировать тот факт, что отношения России с Китаем гораздо более близкие, нежели, например, с США. В чем здесь дело?

НИКОНОВ: Ну, если ответить очень коротко — *it takes two for tango* (то есть, чтобы танцевать танго, нужны два человека). Когда в одном государстве только что избранный глава совершает свой первый визит именно в Москву, а в другом

государстве принимается закон Магнитского, асимметрия обеспечивается автоматически.

К тому же есть определенная история отношений: с какими-то странами наши отношения менее проблемные, с какими-то странами — более проблемные. Например, наши отношения с Индией ни разу не обращались к конфликтам или даже серьезным разногласиям.

В то же время в отношениях с Соединенными Штатами у нас была история многолетней биполярной конфронтации. Трудно быть равноудаленным от всех, учитывая достаточно большое количество факторов как сближения, так и возможного отталкивания. Но то, что Россия желает иметь хорошие отношения со всеми основными центрами силы — это безусловно.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каково Ваше восприятие перспектив развития стратегического диалога между Соединенными Штатами и РФ в свете объявленного недавно решения не продвигать дальше определенного уровня четвертую фазу развития системы ПРО в Европе?

НИКОНОВ: Я не думаю, что изменение конфигурации системы ПРО что-то кардинально меняет. Во всяком случае, Аляска находится от России ничуть не дальше, чем Румыния. Поэтому если компоненты четвертой фазы будут расположены на Аляске, я не думаю, что это сильно что-нибудь изменит. К тому же уже третья стадия представляет уже достаточно серьезную проблему для РФ. Я думаю, что гораздо большее значение для будущего стратегического диалога будут иметь последствия финансового обрыва в США и сокращение расходов на вооружения, которые действительно могут больше ограничить развитие системы ПРО, нежели решения, принимаемые сейчас.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Из этой картины российской внешней политики выпал Иран. Не вполне понятно, как Россия должна выстраивать отношения с Ираном, каковы перспективы этих отношений и их общая значимость для нашей страны?

НИКОНОВ: Иран для России не враг. И это главное отличие отношений России с Ираном от отношений Ирана со многими другими, с большинством западных стран. Хотя у нас непростые отношения и непростая история отношений, и в Иране очень сложные отношения с Россией, тем не менее, у нас во многом совпадающая повестка дня. Мы с Ираном разделяем позицию в отношении радикального суннитского ислама, который оставляет большую проблему. У нас схожие подходы к ситуации в Сирии, к проблеме Каспийского моря и к целому ряду региональных проблем.

Что касается ядерной программы Ирана, России не нужен ядерный Иран. В то же время в России идут дискуссии, в которых участвует и ПИР-Центр, в отношении того, реально ли Иран собирается получить ядерное оружие или он собирается обзавестись потенциалом создания ядерного оружия.

Я считаю, что, скорее всего, если не произойдет каких-то внешних интервенций, Иран может остановиться перед созданием ядерной бомбы хотя бы для того, чтобы не провоцировать подобные интервенции. Все российские предложения о том, чтобы наша страна (вместе с Францией или самостоятельно) обеспечила безопасность иранского ядерного топливного цикла и чтобы вывозила ядерное топливо и отходы на свою территорию — все эти предложения лежат на столе, и, я думаю, для Ирана будет очень правильно, если он этими предложениями воспользуется.

То, что Россия предлагает Ирану и по Ирану, — проблему решает. Что же касается возможности нанесения удара по территории Ирана, это первый способ обеспечить создание Ираном ядерного оружия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вопрос, касающийся Вашей новой роли руководителя комитета Государственной Думы по образованию. Какую роль может сыграть международное сотрудничество в области образования, чтобы оно служило интересам развития образования в России?

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

НИКОНОВ: Я — большой энтузиаст международного сотрудничества в области образования. Я учился и преподавал в США. И особенно меня вдохновляет сейчас сотрудничество с нашей научной диаспорой за рубежом, которая по своему размеру сопоставима с корпусом ученых в РФ. Конечно, сейчас ЦЕРН в Женеве и Кремниевая долина говорят во многом по-русски, но привлечение этих умов в Россию — это очень нетривиальная задача.

Естественно, привлечение зарубежных специалистов в Россию очень проблематично. Ученым нужна среда, а среда не обеспечивается только деньгами, она обеспечивается огромным комплексом обстоятельств: от наличия или отсутствия пробок на дорогах до наличия или отсутствия необходимого оборудования. Но мы также выяснили, что многие западные профессора, которые имеют или не имеют русские корни, готовы сюда приезжать, чтобы учить, создавать лаборатории, создавать временные научные коллективы и работать дистанционно. Это более перспективная площадка, чем ожидание массового притока сюда на постоянную основу профессуры из-за рубежа.

Существует программа больших грантов для привлечения в страну ученых со всего мира. Очень большое количество российских студентов учится сейчас за рубежом. Большое количество студентов из других стран учится в России, хотя значительно меньше, чем в СССР.

Что важно для международного сотрудничества — мы перешли на ту же систему образования, которая принята в западных странах (бакалавры–магистры), что сделало уровни образования совместимыми. И с прошлого года начали действительно революционные изменения — начали признавать дипломы зарубежных высших учебных заведений.

До прошлого года выпускники Гарварда не считались людьми с высшим образованием. Для признания в России PhD, надо было перевести ее на русский язык и отправить на экспертизу в ВАК. Люди без высшего образования и без PhD не могли преподавать в российских вузах. Сейчас есть список из 228 признанных западных университетов (я называю их в шутку *кошерными*), но остальные выпускники вузов до сих пор не имеют соответствующих документов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Еще об образовании, но уже с *ядерным оттенком*: Россия не только поставляет на мировой рынок атомные станции, но и готовит иностранных специалистов для тех стран, которые впервые осваивают мирный атом. Этот вызов типичен не только для России — Франция и США находятся в аналогичной ситуации. Но при передаче знаний у нас нет границы, какие знания можно передавать только для ядерных стран, а какие для новых. Как быть в этой ситуации?

НИКОНОВ: Проблема, безусловно, интересная, она реально существует. Я не думаю, что можно принять какой-то закон, в котором будет написано, какие формулы студенты должны знать, а какие нет. Это все-таки, наверное, должны подсказать специалисты в этой области. И это должно быть отражено в ведомственных актах и в документах соответствующих учебных заведений.

Законодатель должен предусмотреть ответственность за то, чтобы соответствующие нормы были реализованы, и ответственность за то, что будет, если они не будут реализованы. Ну а сама проблема, конечно, заставляет прилагать усилия для укрепления режима нераспространения и для того, чтобы договор по нераспространению работал. Укрепление режима нераспространения, действительно, является сейчас одной из самых важнейших задач, стоящих перед человечеством. 🐘

Примечания

¹ Текст подготовлен на основе неконфиденциальных фрагментов выступления В. А. Никонина на заседании Международного клуба *Триалог*, состоявшемся 27 марта 2013 г.

Андрей Баклицкий

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ИНТЕРЕСЫ И МЕСТО РОССИИ

В апреле 2008 г. правительство Объединенных Арабских Эмиратов объявило, что планирует провести тендер на строительство первой в стране атомной электростанции. Динамичная деятельность Абу-Даби, завершившаяся заключением контракта с корейской *KEPCO*, показала, что развитие атомной энергетики на Ближнем Востоке¹ перестает ассоциироваться только с рисками и угрозами ядерного распространения и становится еще одной (и высокодоходной) отраслью промышленности.

С тех пор прошло пять лет. В мире начался и перешел в затяжную фазу глобальный экономический кризис, по странам Ближнего Востока прокатилась *Арабская весна*, произошла авария на АЭС *Фукусима*, концепцию *ядерного ренессанса* успели похоронить, но оказалось, что отрасль и не думает умирать или значительно сокращаться.

В данной статье будут оценены положение и конкурентные преимущества ГК *Росатом* в регионе, а также его конкуренты, представлено текущее состояние и основные тенденции развития отрасли как на Ближнем Востоке, так и применимые в мировом масштабе.

РАСКЛАД СИЛ

За это время энергетический ландшафт Ближнего Востока в части развития его атомной составляющей изменился до неузнаваемости. На сегодняшний день в регионе запущена первая атомная электростанция — АЭС *Бушер* в Иране, построенная российской корпорацией *Росатом*. Заключены контракты на строительство еще двух станций: АЭС *Аккую* в Турции будет строить *Росатом*, АЭС *Барак* в ОАЭ — корейская *Korea Electric Power Corporation (KEPCO)*. Последним, в мае 2013 г., было подписано межправительственное соглашение между Японией и Турцией о строительстве АЭС *Синоп* (будет вестись франко-японским консорциумом во главе с *GDF Suez* и *Mitsubishi Heavy Industries*).

Нет необходимости объяснять заинтересованность стран региона в развитии атомной энергетики. Богатые углеводородами государства хотят перенаправить нефть и газ на экспорт и диверсифицировать экономику, страны — импортеры энергоресурсов пытаются избавиться от поставок нефти, газа и электроэнергии из-за рубежа. Энергопотребление стабильно растет как в первых, так и во вторых (8% в год для Саудовской Аравии, 7% в год для Египта²). На пресс-конференции в апреле 2013 г. министр финансов Турции Мехмет Симсек сообщил, что в 2012 г. страна

А
Н
А
Л
И
З

импортировала энергоресурсов на 60 млрд долларов и запуск АЭС позволил бы сократить дефицит платежного баланса Турции примерно на 3 млрд долларов³.

Поэтому перспективы для дальнейшего развития отрасли выглядят многообещающими. Остается открытым тендер на строительство АЭС в Иордании. После завершения переговоров по строительству АЭС *Синоп* правительство Турции планирует выбрать площадку для строительства третьей электростанции. Саудовская Аравия высказала заинтересованность в строительстве 16 атомных реакторов. О желании продолжить строительство атомных электростанций также неоднократно заявлял Иран. Таким образом, рынок атомной энергетики Ближнего Востока сегодня выглядит вполне состоявшимся, и как молодой региональный рынок он интересен не только сам по себе, но и в качестве модели для рассмотрения процессов, набирающих оборот в мировой атомной промышленности. Что можно сказать уже сейчас?

Следует начать с того, что *западные* компании (сюда мы относим европейские, канадские, американские и японские фирмы) оказались на этом рынке значительно потеснены новыми конкурентами. АЭС *Бушер* была построена российским *Росатомом*, он же заключил контракт на строительство четырех энергоблоков АЭС *Аккую* (что стало первым случаем прямой конкуренции *Росатома* и западных компаний за строительство АЭС). Никогда до этого не строившая атомных электростанций за рубежом корейская *KEPCO* выиграла тендер в Объединенных Арабских Эмиратах, обойдя французские и американские компании. Совместная заявка французской *GDF Suez* и японской *Mitsubishi Heavy Industries* была выбрана в мае 2013 г. для строительства АЭС *Синоп*, став первым крупным контрактом для Токио и Парижа после *Фукусимы*. Вместе с этим франко-японское предложение было далеко не самым выгодным для Анкары, но в связи с тем, что китайские компании, выражавшие интерес к реализации проекта, пока не были готовы к строительству АЭС последнего поколения за рубежом, Турции пришлось идти на уступки и заключать соглашение с Японией.

На открытом в данный момент иорданском тендере западные компании тоже не выглядят лидерами. Несмотря на успех консорциума *Areva* и *Mitsubishi* в Турции, финансовые сложности Аммана могут потребовать большей готовности к инвестициям, чем в случае с Анкарой, особенно в свете выгодных предложений *Росатома*, также участвующего в тендере.

О будущих тендерах в Саудовской Аравии и Турции сложно сказать что-то определенное, но очевидно, что западные компании будут продолжать сталкиваться со все возрастающей конкуренцией.

На данном фоне достаточно ярко смотрятся достижения *Росатома*. Помимо строительства первого в регионе энергоблока в Иране и крупного контракта в Турции, государственная корпорация будет участвовать в поставках топлива на АЭС в ОАЭ (принадлежащая *Росатому* канадская компания *Uranium One* обеспечит часть необходимого природного урана, поставки половины обогащенного урана возьмет на себя *Tenex*).

И если для российских компаний участие в эмиратском проекте является приятным дополнением, то *Areva*, которая также будет обогащать уран для АЭС *Барака*, едва ли может быть удовлетворена подобным результатом. Наконец, любое новое строительство АЭС в Иране почти наверняка достанется *Росатому* в силу международной ситуации вокруг ядерной программы Тегерана.

РОССИЙСКОЕ НОУ-ХАУ

Одним из самых важных преимуществ российских компаний (и единственным абсолютным преимуществом) является то, что Россия, в отличие от других участ-

ников ядерного рынка (за исключением Франции, принимающей поставленное ей топливо от семи европейских стран и Японии), забирает назад поставленное ей и отработанное ядерное топливо (ОЯТ).

В данный момент проблема ОЯТ в мире не решена и находится в подвешенном состоянии. Период полураспада радиоактивных изотопов, входящих в состав ОЯТ, может достигать десятков тысяч (в случае с Pu-239) и даже миллионов (Np-237) лет, крупномасштабной переработки ОЯТ не ведется, а геологических хранилищ, где была бы возможна окончательная изоляция этих отходов, пока не существует. Таким образом, их хранение ложится тяжелым грузом на государство-реципиент как в финансовом, так и в экологическом плане. Россия наряду с Францией и Великобританией является одной из немногих стран в мире, которая перерабатывает ОЯТ.

Другим важным фактором являются условия финансирования. Если ближневосточные государства, добывающие углеводороды могут позволить себе строительство АЭС, то не обладающие подобными запасами страны, с одной стороны, испытывают значительную необходимость в развитии атомной энергетики, чтобы заместить импорт газа, нефти или электроэнергии из-за рубежа, а с другой — не обладают для этого необходимыми средствами. Стоимость строительства АЭС колеблется от проекта к проекту, но в случае с одним из последних — станцией *Белене* в Болгарии — равняется приблизительно 9 млрд долларов⁴. Для сравнения ВВП Иордании в 2012 г. составил около 40 млрд долларов, понятно, что финансировать реализацию проекта стоимостью в четверть ВВП Иордания сможет едва ли.

Для такого строительства страны нуждаются в крупных кредитах, что, в свою очередь, подразумевает выплату процентов, при этом процент будет изменяться в зависимости от финансовой обеспеченности государства (от 2,9% для ОАЭ до 4,1% для Иордании⁵) или инвестиций. *Росатом* же, помимо кредитов, предлагает своим партнерам схему *Build-Own-Operate (BOO)* — *Строю-Владею-Эксплуатирую*, при которой инвестор (он же строитель) получает АЭС в собственность и возвращает вложения путем продаж электроэнергии.

Альтернативой этому может служить схема: *Build-Own-Operate-Transfer*⁶ (*BOOT*), *Строю-Владею-Эксплуатирую-Передаю*. При такой схеме по прошествии оговоренного в контракте срока предприятие передается или продается в государственную собственность.

BOOT активно используется в крупных инфраструктурных проектах (железная дорога Аделаида-Дарвин в Австралии, угольная электростанция *Shajiao* в Китае, где сроки передачи составили 50 и 10 лет соответственно и т. д.). В атомной сфере одним из немногочисленных примеров этой схемы является строительство АЭС в Объединенных Арабских Эмиратах корейским консорциумом во главе с *KEPCO*⁷.

Единственным примером использования принципа *BOO* при строительстве АЭС на данный момент является АЭС *Аккую* в Турции. Надо заметить, что *Росатом* активно продвигает эту форму строительства электростанций: так, в 2009 г. она была предложена Болгарии; для реализации подобных проектов была создана компания *Русатом Оверсиз*.

В отношении *Аккую* была достигнута договоренность, по которой Турция будет покупать 70% электроэнергии с двух первых энергоблоков в течение 15 лет либо до 2030 г. и 30% электроэнергии с третьего и четвертого энергоблоков в течение 15 лет. Для приобретения электроэнергии была установлена фиксированная цена в 12,35 американских центов за кВт/час⁸. Итоговая цена стала результатом серьезного компромисса между *Росатомом* и турецким правительством и оказалась ниже той, что российская корпорация предлагала изначально.

В конечном счете фиксированная цена оказалась для российской стороны скорее неудобством, чем гарантией. Как обозначил в интервью в августе 2012 г. генеральный директор акционерного общества по генерации электроэнергии АЭС Аккую Александр Суперфин: «По фиксированной цене будет покупаться не вся электроэнергия, а 50%. Другая половина будет продаваться по рыночным ценам с первого дня работы АЭС. Конечно, если бы мы продавали всю электроэнергию за 12,35 цента, то проект был бы значительно менее рентабельным. За счет продажи половины электроэнергии по рыночным ценам проект резко повышает свою экономическую обоснованность»⁹.

Соответственно, структура собственности АЭС Аккую выглядит следующим образом: станция строится и эксплуатируется зарегистрированным в Турции АО по генерации электроэнергии АЭС Аккую, где российской компании владеют 100% акций (3,5% у ЗАО Атомстройэкспорт, 3,5% у ОАО ИНТЕР РАО ЕС, 93% у ОАО Росэнергоатом, 0,1% у ОАО Атомтехэнерго, 0,1% у ОАО Атомэнергоремонт). При этом акционерное общество сохраняет контрольный пакет в течение всего срока проекта¹⁰. В то же время до 49% акций могут быть использованы для привлечения иностранных инвесторов на любом этапе строительства АЭС. Так, например, 6 мая 2013 г. заместитель генерального директора Росатома Николай Спасский заявил, что компания готова пригласить французские EDF и Areva к участию в проекте Аккую¹¹.

Конечно, использование принципа ВОО при строительстве АЭС не является российской прерогативой, любая из ведущих компаний отрасли может применить данную схему при строительстве. В частности, с похожим предложением в отношении АЭС Синоп выступала китайская CGNPC. Тем не менее заинтересованность Росатома в ВОО и готовность к реализации этой формы строительства — очевидные преимущества.

Третий аспект состоит в том, что Росатом является государственной корпорацией и монополистом в сфере ядерных технологий в России. Это позволяет ему пользоваться полной поддержкой государства, совмещая коммерческую деятельность с продвижением интересов России за рубежом.

Конечно, частные компании General Electric или Hitachi тоже пользуются поддержкой своих национальных правительств, но не в таких масштабах. Кроме того, монополия Росатома внутри страны позволяет корпорации сосредоточить в своих руках все доступные ресурсы, включая ресурс административный (в отличие, например, от Франции, где две государственные энергетические компании Électricité de France и Areva являются конкурентами).

В свою очередь, Российская Федерация является конструктивным партнером для ведения деятельности в атомной сфере. Россия готова строить АЭС даже в случаях, когда это не приветствуется мировым сообществом (и прежде всего странами Запада), если это не нарушает международных обязательств страны (Куданкулам в Индии, Бушер в Иране).

Наконец, с Россией удобно вести переговоры с чисто технической точки зрения. В отличие от тех же Соединенных Штатов Россия не включает в межправительственные соглашения по строительству АЭС требования отказаться от обогащения урана или ратифицировать дополнительный протокол к соглашению о гарантиях МАГАТЭ. Ратификация подобных соглашений российским парламентом носит преимущественно технический характер.

Место российских компаний на Ближнем Востоке можно представить по межправительственным соглашениям и меморандумам, заключенным между Россией и странами региона, а также по подписанным соглашениям о строительстве АЭС. Российская Федерация имеет межправительственные соглашения (позволяющие строить АЭС) с пятью странами, меморандумы еще с четырьмя и два подписанных контракта

на строительство АЭС. Фактически в этот список попадают все перспективные страны Ближнего Востока за исключением Саудовской Аравии, переговоры о заключении межправительственного соглашения с которой ведутся.

Таблица 1. Правовая основа сотрудничества Росатома со странами Ближнего Востока

Страна	Документ, в рамках которого осуществляется сотрудничество
Бахрейн	Меморандум о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии
Египет	Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии
Израиль	Сотрудничество минимально или отсутствует
Иордания	Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии
Ирак	Сотрудничество минимально или отсутствует
Иран	Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии Соглашение о сооружении АЭС Бушер
Йемен	Сотрудничество минимально или отсутствует
Катар	Меморандум о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии
Кувейт	Меморандум о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях
Ливан	Сотрудничество минимально или отсутствует
Объединенные Арабские Эмираты	Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии
Оман	Меморандум о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии
Саудовская Аравия	Ведутся переговоры о заключении межправительственного соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии
Сирия	Сотрудничество минимально или отсутствует
Судан	Сотрудничество минимально или отсутствует
Турция	Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (06.08.2009) Соглашение о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке Аккую (12.05.2010)

Источник: ПИР-Центр.

В дополнение ко всему одной из серьезных проблем Ближнего Востока является недостаток пресной воды. Богатые нефтяные страны решают вопрос путем опреснения морской воды (70% опреснительных установок мира расположены

на Ближнем Востоке, преимущественно в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ, Катаре и Бахрейне). Для менее развитых государств (Йемен, Иордания) это является очень серьезной проблемой.

Опреснение морской воды весьма энергозатратно, поэтому принцип совмещения АЭС и опреснительной установки является удачным решением проблемы. Наиболее активно атомные опреснительные установки применялись и применяются в Индии, Японии и Казахстане (установка закрыта)¹², кроме того, они используются в Пакистане и Китае¹³.

Таким образом, *Росатом* имеет хорошие шансы для конкуренции на рынке атомных опреснительных установок.

КОНКУРЕНТЫ РОСАТОМА

Французские компании имеют традиционно сильные позиции в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Тем не менее *Areva* и *Électricité de France (EDF)* никак не могут справиться со сложностями, возникшими при внедрении ими нового типа реактора *EPR (European Pressurized Reactor)*. *Areva* строит такой реактор на третьем энергоблоке *Олкилуото* в Финляндии, первоначально его пуск планировался на 2009 г., но в итоге был сдвинут на 2016 г., при этом расчетная стоимость возросла практически вдвое. Строительство блока *Фламанвилль-3* во французской Нижней Нормандии (тот же реактор *EPR*), которое ведет *EDF*, тоже проходит не лучшим образом: в декабре 2012 г. компания объявила об очередном увеличении стоимости реактора до 8,5 млрд евро, а срок ввода в эксплуатацию был перенесен на 2016 г. (изначально в планах были 2012 г. и 3,3 млрд евро). Хотя строительство двух других реакторов типа *EPR* в Китае, которые ведет *Électricité de France*, идет по графику, похоже, что страны, которые только встают на путь развития атомной энергетики, предпочтут надежные и проверенные опытом реакторы новым разработкам.

Помимо этого, Франции удалось радикально испортить отношения с одним из перспективных партнеров в регионе — Турцией, приняв закон об уголовной ответственности за отрицание геноцида армян. Несмотря на то что в феврале 2012 г. этот закон был признан конституционным советом противоречащим основному закону страны и его действие было прекращено, попытки провести через парламент новую редакцию закона продолжают. Это сохраняет напряженность в отношениях между Анкарой и Парижем.

В марте 2013 г. французская *GDF Suez* вступила в консорциум с японскими компаниями *Mitsubishi* и *Itochu* с целью принять участие в строительстве АЭС *Синоп*. Для проекта был выбран реактор *ATMEA1*, разработанный совместно *Areva* и *Mitsubishi*, менее мощный по сравнению с *EPR*, нигде до этого не строившийся (предложения *GDF Suez* построить реактор этого типа во Франции в 2011 г. не встретили поддержки французского правительства), но, в отличие от *EPR*, не отягощенный репутационными издержками. *GDF Suez*, управляющая семью атомными реакторами в Бельгии, должна была взять на себя управление АЭС *Синоп*. В мае 2013 г. франко-японский проект был утвержден турецким правительством. Это стало первым крупным контрактом Парижа в атомной сфере с момента аварии на АЭС *Фукусима*.

Французские компании, очевидно, будут пытаться повторить успешный прецедент, сотрудничая с иностранными (и в первую очередь японскими) фирмами.

Американские компании. Фирмы *General Electric* и *Westinghouse* (последняя принадлежит японской корпорации *Toshiba*) находятся не в самом выгодном положении. Статья 123 американского закона об использовании атомной энергии 1954 г. требует от Соединенных Штатов заключать особый договор для переда-

чи расщепляющихся материалов, технологий или оборудования другим странам. На деле это означает, что американские компании (или компании, использующие американские технологии и оборудование) не могут работать в странах, не подписавших так называемое *Соглашение 123*.

Факт подписания такого договора со страной является чем-то вроде знака качества, переводящего страну в *белый список* государств, с которыми можно вести сотрудничество в атомной сфере. На Ближнем Востоке *Соглашение 123* подписано с Египтом, Турцией и ОАЭ, а также с североафриканским Королевством Марокко. Все остальные государства региона, включая два перспективных рынка в Иордании и Саудовской Аравии, пока закрыты для американских компаний.

Причины, по которым в этот список не добавляются другие государства Ближнего Востока, вкратце сводятся к тому, что в Соединенных Штатах соглашение о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергетики требует утверждения Конгресса. Это может затянуть его вступление в силу (как в случае с Россией, где между подписанием и вступлением в силу прошло почти три года) или вовсе не позволить этому случиться. В настоящее время Конгресс ставит условием заключения подобного соглашения юридически обязывающий отказ страны от разработки собственного топливного цикла. Это не встречает поддержки у многих государств региона и не похоже, что в ближайшее время будет найдено решение, устраивающее все стороны.

Соединенные Штаты не демонстрируют особой заинтересованности в проникновении на рынок Ближнего Востока любой ценой. В 2013 г. турецкое правительство обращалось к Соединенным Штатам с предложением принять участие в строительстве АЭС *Синоп*, но, по словам министра энергетики Турции Танера Йылдыза, американская сторона обозначила проект как невыгодный¹⁴. Тем не менее *Westinghouse* примет участие в поставке циркуляционных насосов, компонентов реактора, систем управления и предоставлении инженеринговых услуг при строительстве АЭС *Барака*.

Японские компании. Положение японцев (*Toshiba, Hitachi, Mitsubishi Heavy Industries, TEPCO* и др.) среди поставщиков реакторов и строителей АЭС остается сложным. С одной стороны, это связано с падением имиджа компаний, связанных с аварией на *Фукусиме* (*Toshiba* соорудила реакторы для третьего и пятого энергоблоков АЭС *Фукусима-1, Hitachi* — для четвертого) и с настроенным отношением мировой общественности к японским АЭС в свете случившейся катастрофы.

С другой стороны, несмотря на смену правительства и приход к власти в Японии Либерально-демократической партии, более лояльно настроенной в отношении атомной энергетики, ясности относительно будущего атомной индустрии по-прежнему нет. Согласно последним опросам, более 60% японцев продолжают выступать за постепенный отказ от ядерной энергетики. Хотя предположения о том, что японские корпорации последуют примеру *Siemens* и свернут деятельность, связанную с атомной энергетикой, кажутся преувеличенными, их поддержка государством внутри страны не может не сократиться.

В то же время неудачи дома могут мотивировать японские компании активнее действовать за рубежом. 3 мая 2013 г. Турция и Япония подписали межправительственное соглашение о строительстве АЭС в провинции Синоп по франко-японской технологии *ATMEA1*. К этому моменту корейская *KEPCO* и канадская *Atomic Energy of Canada Ltd* отозвали свои заявки, не согласившись с турецкими предложениями, оставив японские *Mitsubishi Heavy Industries* и *Itochu* и французскую *GDF Suez* наедине с китайской *China's Guangdong Nuclear Power Group*. Япония фактически

осталась единственным реальным претендентом, что позволило ей заставить Турцию пойти на определенные уступки.

Проект, общей стоимостью в 22 млрд долларов, все же не получил государственных гарантий (их отсутствие являлось одной из причин, в результате которых Анкара не могла с 2010 г. заключить контракт на строительство АЭС *Синоп*), но турецкая государственная энергетическая компания *Elektrik Uretim A. S. (EUAS)* должна будет войти в него, получив 49% акций (51% получит Япония, доля Франции будет выделена из японской)¹⁵. В дальнейшем, по словам министра энергетики страны Танера Йылдыза, до половины доли акций *EUAS* может быть продано через IPO или напрямую.

Большая часть проекта будет профинансирована японским агентством экспортных кредитов *Nippon Export and Investment Insurance* и французской страховой компанией *Coface*, специализирующейся на страховании внешнеэкономических рисков¹⁶. Турецкое правительство заявило о готовности закупать электроэнергию, производимую АЭС, по цене в 11,80 американских центов за кВт/час (на полцента дешевле, чем у российского проекта)¹⁷. Первый энергоблок новой АЭС должен будет войти в строй в 2023 г., последний — в 2028 г. Всего запланировано 4 энергоблока с реакторами *ATMEA1* общей мощностью 4600 мВт.

Несмотря на двухстороннее финансирование, тот факт, что *ATMEA* является японо-французским проектом, а *GDF Suez* совместно с турецким партнером станет оператором АЭС, *Синоп* — в большей степени японский проект, чем французский. Основные строительные работы будут осуществлять *Mitsubishi* и *Itochu* и именно японский премьер Синдзо Абэ подписал в Стамбуле соглашение с Реджепом Эрдоганом. Это связано как с важностью для Японии продвижения своей атомной отрасли, так и с существующими франко-турецкими трениями.

Хотя схема, предусмотренная в японо-турецком соглашении, выглядит вполне реалистичной, нужно помнить, что с момента подписания соглашения между Россией и Турцией сторонам потребовался год, чтобы завершить переговоры и установить итоговую стоимость приобретаемой Турцией электроэнергии. А в 1985 г. переговоры Анкары с *Atomic Energy of Canada Limited* завершились неудачей примерно на такой же стадии из-за отказа в финансировании со стороны кредитных организаций¹⁸.

Для Токио проект является надеждой на перелом негативной тенденции последних лет. Контракт на строительство АЭС в Синопе станет первым крупным контрактом для Японии с момента аварии на АЭС *Фукусима*. Показательно также, что он достался *Mitsubishi Heavy Industries*, которая, в отличие от *Toshiba*, *Hitachi* или *TEPCO*, не принимала участие в строительстве или эксплуатации *Фукусимы*.

Корейские компании. Довольно сильны на ближневосточном рынке позиции *Korea Electric Power Corporation (KEPCO)*. В 2009 г. консорциум, возглавляемый этой компанией, победил в тендере на строительство четырех энергоблоков первой АЭС в Объединенных Арабских Эмиратах, обойдя совместный проект *Hitachi* и *General Electric* и французский консорциум, включавший таких гигантов, как *EDF*, *Areva*, *Total* и *GDF Suez*. Корейские фирмы не только предложили более низкую, чем у конкурентов, стоимость, но и взяли на себя управление АЭС и поставки топлива по фиксированным ценам.

KEPCO, как и *Росатом*, является государственной монополией и пользуется полной поддержкой властей Кореи. Из 30 млрд долларов, в которые оценивается проект, 10 внесет непосредственно Абу-Даби, остальные 20 будут привлечены в виде кредитов от агентств экспортного кредитования и банков¹⁹. В августе 2012 г. американский *Экспортно-импортный банк* утвердил выдачу прямого кредита в размере 2 млрд долларов на оплату поставок американского оборудования и работы американских инженеров при реализации проекта.

В целом, поскольку Республика Корея не обладает полным ядерным топливным циклом (отсутствует добыча и обогащение урана), а корейские компании по-прежнему тесно сотрудничают с американскими (дизайн корейских реакторов *APR-1400* восходит к реактору *System 80+* компании *Westinghouse*), в строительстве и дальнейшей эксплуатации АЭС примет участие большое количество иностранных субподрядчиков. Помимо *Westinghouse* в поставках и обогащении урана примут участие французская *Areva*, российские *Техснабэкспорт* и *Uranium One* (принадлежащая российскому АРМЗ), австралийско-британская корпорация *Rio Tinto*, американская *Converdyn* и *Urenco*²⁰.

В 2010 г. Корейский институт по исследованию атомной энергии (*Korean Atomic Energy Research Institute*) и *Daewoo Engineering and Construction* заключили с Иорданией контракт на строительство в стране исследовательского реактора, значительная часть проекта финансировалась за счет корейских кредитов. Это рассматривалось как первый шаг к заключению контракта на строительство АЭС в Иордании. Тем не менее *KEPCO* и власти королевства не смогли договориться об источниках финансирования (Амман предлагал, чтобы подрядчик самостоятельно финансировал строительство²¹).

Китайские компании. Китай однозначно воспринимается как новичок как на ближневосточном рынке, где *China Guangdong Nuclear Power (CGNPC)* участвовала в тендере на строительство АЭС *Синоп* в Турции с реактором *ACPR1000+*, так и в экспорте ядерных технологий. Страна обладает полным ядерным топливным циклом, а китайские компании (*CGNPC, China National Nuclear Corporation (CNNC)* и т. д.) успешно строят атомные электростанции.

Тем не менее в данный момент единственным проектом, реализуемым китайскими компаниями за рубежом, является контракт на строительство двух энергоблоков *Чашма-3* и *Чашма-4* в Пакистане, в проекте используются реакторы *CNP-300*. При этом Пакистан не является членом ДНЯО и, согласно правилам Группы ядерных поставщиков, туда не могут быть экспортированы чувствительные технологии, однако Китай в данном случае апеллирует к пакистано-китайскому соглашению, заключенному в 2003 г., до своего вступления в Группу.

На пресс-конференции 2 февраля 2013 г. президент китайской *State Nuclear Power Technology Corporation* Гу Чжун сообщил о том, что строительство первого энергоблока *САР1400* начнется уже в 2013 г. Это первый современный реактор (основан на технологии *AP1000* компании *Westinghouse*), на который Китай обладает всеми интеллектуальными правами, и теоретически он готов к экспорту за рубеж. Параллельно, Китай ведет локализацию проекта *ACPR1000+* (развитие технологий французской компании *Areva*) и предполагается, что к 2014 г. этот реактор также будет готов для экспорта.

Китай активно боролся за возможность построить АЭС *Синоп* в Турции. *CGNPC* готова была участвовать в проекте на самых выгодных для Турции условиях, включая полное финансирование проекта и передачу технологий. Тем не менее скорость, с которой было одобрено франко-японское предложение (заявка была подана 5 марта 2013 г., а в начале мая 2013 г. было подписано соглашение), говорит о том, что КНР, скорее всего, не рассматривалась как реальный партнер в виду отсутствия необходимого опыта. Похоже, что переговоры с Пекином были для Анкары способом оказать давление на других участников торгов. Как только появилось подходящее предложение (хотя и на худших условиях, чем предлагала *CGNPC*), тендер был завершен.

Несмотря на впечатляющие успехи Пекина в области атомной энергетики, похоже, что китайским компаниям маловероятно ожидать заключения экспортных контрактов в ближайшие год-два. Хотя примеры, когда новый реактор сразу направлялся на экспорт, существуют, в случае с Китаем этот сценарий вряд ли возможен.

До успешного запуска новых реакторов в самом Китае говорить об их надежности будет сложно. Кроме того, в случае с Ближним Востоком, где страны не имеют опыта и экспертизы в обращении с атомной энергетикой и во многом зависят от компании-экспортера, статус новичка будет мешать Пекину реализовывать амбициозные планы за рубежом.

Эти недостатки могли бы быть нейтрализованы и даже обращены в достоинства в случае ведения совместных проектов китайских корпораций и одной из крупных мировых компаний атомной отрасли. И хотя предпосылки для этого есть (например, тесное сотрудничество Пекина с *Westinghouse*), информации о подобных совместных проектах на Ближнем Востоке на данный момент нет.

БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В обозримом будущем появление новых рынков для экспорта атомных технологий на Ближнем Востоке не просматривается.

Египет, планировавший активно развивать атомную энергетiku до революции 2011 г. и продолжавший озвучивать эти планы на протяжении 2011 г., слишком занят внутренними проблемами. Несмотря на подготовленную площадку, межправительственные соглашения с Россией, Китаем, Южной Кореей и США, наличие двух исследовательских реакторов (производства СССР и Аргентины) и необходимых технических кадров, Каир сможет вернуться к атомной энергетике еще не скоро. Планы ряда других государств региона, озвучивавших намерения развивать атомную энергетiku в *дофукусимский* период (включая Катар, Кувейт, Оман и т. д.), также сошли на нет после тщательной оценки рисков и выгод, связанных с этим источником энергии.

Иордания объявила тендер на строительство своей первой АЭС в июле 2011 г. Заявки были поданы *Атомстройэкспортом*, японско-французским консорциумом *Areva* и *Mitsubishi Heavy Industries* и канадской *Atomic Energy of Canada Ltd.* В апреле 2012 г. канадская компания выбыла из тендера. С тех пор сроки выбора подрядчика неоднократно переносились, по последним заявлениям председателя иорданской комиссии по атомной энергии Халеда Тукана решение было запланировано на весну 2013 г., дальнейшие переносы не будут чем-то удивительным. Это стало второй попыткой Иордании провести тендер. В мае 2010 г. провалились переговоры с корейской компанией *KEPCO*, поскольку стороны не сошлись в том, кто будет финансировать проект. По данным *Вашингтон Пост*, деньги на строительство АЭС в этот раз будут получены в виде гранта от ОАЭ.

Несмотря на давние союзнические отношения с США, Амман не готов пойти на заключение *Соглашения 123*, отказавшись от обогащения урана. Обладая определенными запасами природного урана, королевство рассматривает возможности собственного производства ядерного топлива и его последующую продажу с целью частичного финансирования ядерной программы.

Несмотря на то что в мае 2012 г. нижняя палата парламента проголосовала за прекращение в стране деятельности, связанной с атомной энергетикой, включая работы по разведке запасов урана²², официальный Амман не согласился на это. Отсутствие *Соглашения 123* означает, что американские компании не смогут принимать участие в будущем строительстве, привлечение американского финансирования также будет нереалистично.

С юридической точки зрения, Иордания сейчас в принципе не может строить на своей территории АЭС в связи с вышеупомянутым решением парламента. Тем не менее иорданская комиссия по атомной энергии продолжает процесс выбора стратегического партнера и площадки для будущей АЭС. Место строительства переносилось уже трижды: выбор предстоит между площадкой Акаба на побережье

Красного моря, Хирбет Аль-Самра к востоку от Аммана и площадкой на востоке пустыни Бадия²³. Вероятно, руководство страны считает, что условия, предложенные одним из иностранных партнеров, помогут переубедить парламент.

Кто будет выбран Иорданией в качестве подрядчика, российская компания или франко-японский консорциум, зависит в первую очередь от финансовых соображений. В то же время, как было показано выше, у *Росатома* есть ряд конкурентных преимуществ.

Турция официально объявила о намерении построить третью АЭС, хотя площадку для станции только предстоит выбрать из нескольких имеющихся вариантов. Изыскательные работы по определению площадок проведут *Mitsubishi* и *Areva*. Согласно озвученным планам, министерство энергетики Турции приступит к активной работе над планом третьей АЭС после завершения сделки по *Синопу*.

Первоначально было заявлено, что компании, проигравшие в первом тендере, смогут подать заявки на второй. Но, согласно последним заявлениям премьер-министра Турции Реджепа Эрдогана, строительством следующей АЭС должны будут руководить турецкие инженеры²⁴. Сложно сказать, насколько эти слова были вызваны отсутствием энтузиазма со стороны участников предыдущего тендера. На данный момент не похоже, что Турция готова к строительству АЭС собственными силами либо будет готова к этому в ближайшем будущем.

Если исходить из текущего положения вещей, то в 2013–2014 гг. можно ожидать объявления нового тендера. Учитывая, что в случае с двумя первыми электростанциями турецкое правительство сделало упор на привлечение финансирования со стороны самих компаний, строящих АЭС, и именно это было негативно воспринято участниками тендера, Анкара окажется перед выбором. Турция может пойти на предоставление определенных государственных гарантий, привлекая тем самым новых участников, либо попытаться заключить соглашение с государствами, готовыми финансировать строительство (Россией, если *Росатом* будет обладать свободными ресурсами, или Китаем).

Саудовская Аравия. 2 июня 2011 г. координатор по научному сотрудничеству в области атомной и возобновляемой энергии *Центра имени короля Абдаллы Аль-Гани Малибари* заявил, что королевство намерено построить 16 ядерных реакторов до 2030 г. Стоимость проекта была оценена в 100 млрд долл. С тех пор Эр-Рияд неоднократно подтверждал свою готовность развивать атомную энергетику.

Саудовская Аравия заключила межправительственные соглашения в области атомной энергетики с Францией, Китаем, Республикой Корея и Аргентиной. Тем не менее ожидать объявления тендера в ближайшее время не стоит. С одной стороны, в королевстве не завершено формирование регулирующих органов в области атомной энергии, с другой — в данный момент Эр-Рияд по-прежнему не име-

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

«Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива вступают в эру атомной энергии с четким осознанием своих потребностей и решительным настроением на соблюдение всех правил и механизмов ядерного нераспространения, принятых мировым сообществом. Однако если международному сообществу не удастся добиться успеха в создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и другого ОМУ, то у стран ССАГПЗ будут такие же права, как и у всех остальных государств, в плане использования подобных технологий и программ в интересах собственной безопасности».

Авад Альбади. Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива. Индекс Безопасности. 2012, № 1 (100). С. 130–131.

ет соглашений с рядом важных игроков в сфере ядерной энергетики, в частности с Россией и США.

В то же время нужно отметить, что власти Саудовской Аравии, как и власти Иордании, не готовы отказаться от возможности обогащения урана на своей территории (отчасти по соображениям престижа, отчасти из-за желания поддерживать паритет со своим главным региональным соперником — Ираном), что делает возможность заключения *Соглашения 123* с США весьма проблематичной.

Иран. Как уже было упомянуто, исламская республика неоднократно высказывал свой интерес к продолжению строительства АЭС. 23 февраля 2013 г. организация по атомной энергии Ирана объявила о том, что было отобрано 16 площадок на побережьях Каспийского моря, Персидского и Оманского заливов, в провинции Хузестан на юго-западе страны и в северо-западной части Ирана, подходящих для размещения атомных электростанций.

Помимо планов строительства АЭС собственными силами (мощностью 360 МВт возле города Дарховин в провинции Хузестан), Тегеран регулярно высказывает пожелания продолжать сотрудничать с Россией по строительству новых энергоблоков. Так, 12 февраля 2013 г. глава МИД Ирана Али Акбар Салехи заявил, что Тегеран рассчитывает в ближайшее время совместно с Россией начать строительство второго энергоблока АЭС *Бушер*. Официального подтверждения факта переговоров с российской стороны нет, но Москва относится к подобной идее в целом благосклонно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вступив в конкурентную борьбу на рынке атомной энергетики Ближнего Востока, *Росатом* обладает явным преимуществом в виде возвращения ОЯТ: сегодня эту услугу не предоставляет ни одна другая страна мира. Другие важные отличительные черты, такие как готовность финансировать заграничные проекты (в частности по схеме *ВОО*) и сильная государственная поддержка, связаны с тем, что *Росатом* является государственной монополией. Несмотря на то что это нельзя назвать уникальным случаем, часть конкурентов российской корпорации лишены такой поддержки со стороны своих государств.

Среди конкурентов *Росатома* выделяются китайские фирмы и корейская *КЕРСО*, похожие на него по форме собственности и обладающие сопоставимой поддержкой своих государств. *КЕРСО* уже заняла заметное место на рынке Ближнего Востока, при этом корейская компания ни разу не выступала прямым конкурентом *Росатома*, а в случае с АЭС *Барака* российские компании были даже включены в технологическую цепочку. Кроме того, как показывает практика, *КЕРСО* не готова брать на себя финансирование проектов (переговоры о строительстве АЭС в Турции и Иордании закончились по этой причине неудачей).

В свою очередь, Пекин, приняв участие в турецком тендере, сделал первую серьезную заявку на лидерство на мировом рынке строительства АЭС. И если сегодня Китай проигрывает в качестве возводимых станций, то ввод в строй новых китайских реакторов в соединении с финансовыми активами КНР и возможным сотрудничеством с третьими странами в будущем может коренным образом изменить ситуацию.

А до тех пор пока китайский *паровой коток* не заработал, на рынке атомной энергетики Ближнего Востока *Росатом* остается на привилегированных позициях, чем нужно успевать пользоваться.

Примечания

¹ В данной работе под Ближним Востоком понимается территория, обозначенная в определении МАГАТЭ от 1989 г., как «простирающаяся от Ливии на западе до Ирана на востоке и от Сирии на севере до Йемена на юге» с добавлением к ней Турции.

² Emerging Nuclear Energy Countries. World Nuclear Association. Updated May 2013. <http://www.world-nuclear.org/info/inf102.html> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

³ Rosatom Offers EDF Partnership in Turkey's First Nuclear Plant. Bloomberg. 08.05.13 <http://www.bloomberg.com/news/2013-05-08/rosatom-offers-edf-partnership-in-turkey-s-first-nuclear-plant.html> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

⁴ «6,3 млрд евро — цена АЭС «Белене» и она фиксирована», — заместитель генерального директора ГК Росатом Кирилл Комаров. *NewsBG.ru*. 2011, 16 марта. <http://newsbg.ru/ekonomika/100-ekonomika/1859-sistema-bezopasnosti-formiruet-40-tseny-aes-belene.html> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

⁵ Finance and nuclear energy in the Middle East. Chen Kane. Arms Control and Regional Security for the Middle East. 2013, 5 февраля. <http://www.middleeast-armscontrol.com/2013/02/05/finance-and-nuclear-energy-in-the-middle-east/> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

⁶ Или Build-Operate-Transfer (BOT) — Строю—Эксплуатирую—Передаю.

⁷ А. М. Крюков, Л. Т. Янко, В. В. Кухто. Современные формы финансирования крупных инвестиционных проектов. *Эффективное антикризисное управление*. 2010, № 2 (61) С. 52–60.

⁸ Nuclear Power in Turkey. World Nuclear Association. <http://world-nuclear.org/info/Country-Profiles/Countries-T-Z/Turkey/#.UY5pulf9eQ0> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

⁹ Александр Суперфин: «Строительство АЭС «Аккую» выгодно и для Турции, и для России». Портал SmartGrid. 2012, 8 августа. <http://www.smartgrid.ru/tochka-zreniya/intervyu/aleksandr-superfin-stroitelstvo-aes-akkuu-vygodno-i-dlya-turcii-i-dlya/> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

¹⁰ Атомная электростанция Аккую — полтора года спустя. Презентация акционерного общества по генерации электроэнергии АЭС Аккую. *Атомэкспо*. 2012, июнь.

¹¹ Le russe Rosatom prêt à plus de coopération avec EDF et Areva. *Les Echos*. 2013, 6 мая. <http://www.lesechos.fr/entreprises-secteurs/energie-environnement/actu/0202733083537-le-russe-rosatom-pret-a-plus-de-cooperation-avec-edf-et-areva-564367.php> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

¹² Наибольший опыт в эксплуатации атомных опреснительных установок принадлежит Советскому Союзу/Казахстану, Министерство среднего машиностроения СССР разработало и построило в 1972 г. Шевченковскую АЭС (БН-350), использовавшую полученную энергию для опреснения воды и проработавшую до 1997 г. Большинство существующих на данный момент атомных опреснительных установок, в отличие от БН-350, используются для получения воды, которая потом используется на самом реакторе.

¹³ Nuclear Desalination. World Nuclear Association. Updated May 2013. <http://www.world-nuclear.org/info/inf71.html> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

¹⁴ Turkey dismayed at lack of US partnership on second nuclear plant: Minister. *Hurriyet Daily News*. 2013, 6 апреля. <http://www.hurriyetdailynews.com/turkey-dismayed-at-lack-of-us-partnership-on-second-nuclear-plant-minister-.aspx?pageID=238&nID=44390&NewsCatID=348> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

¹⁵ Power at Turkey's 2nd nuclear plant priced at 11.80 cents. *CNBC*. 2013, 6 мая. <http://www.cnbc.com/id/100709676> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

¹⁶ Mitsubishi, Areva Confirmed for Turkey Nuclear Plant. *Break Bulk*. 2013, 6 мая. <http://www.breakbulk.com/breakbulk-news/industry-sector/epcs-project-owners/confirmed-mitsubishi-and-areva-to-build-turkeys-second-nuclear-power-plant/> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

¹⁷ Nuclear plants to help Turkey save \$7.2 bln in gas imports. *Anadolu Agency*. 2013, 6 мая. <http://www.aa.com.tr/en/headline/173346--y> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

А
Н
А
Л
И
З

¹⁸ Japan and Turkey Make it Official: The Start of Nuclear Negotiations. Turkey Wonk. 2013, 2 мая. <http://turkeywonk.wordpress.com/2013/05/02/japan-and-turkey-make-it-official-the-start-of-nuclear-negotiations/> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

¹⁹ U.A.E.'s Nuclear Power Program Said to Cost \$30 Billion. *Bloomberg*. 2011, 28 ноября. <http://www.businessweek.com/news/2011-11-28/u-a-e-s-nuclear-power-program-said-to-cost-30-billion.html> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

²⁰ UAE awards nuclear fuel contracts. World Nuclear News. 2012, 15 августа. http://www.world-nuclear-news.org/enf-uae_awards_nuclear_fuel_contracts-1508124.html (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

²¹ Kepco loses Jordan nuke bid. *Korea JoongAng Daily*. 2010, 12 мая. <http://joongangdaily.joins.com/article/view.asp?aid=2920332> (последнее посещение 22 июля 2011 г.).

²² Jordanian parliament votes to suspend nuclear power program. *Haaretz*. 2012, 30 мая. <http://www.haaretz.com/news/middle-east/jordanian-parliament-votes-to-suspend-nuclear-power-program-1.433417> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

²³ Поставщик технологии для АЭС в Иордании будет определен к середине мая. *Росатом*. 2013, 19 марта. <http://www.rosatom.ru/journalist/atomicsphere/8cdf61004ef2214сacf4ef398191de8b> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

²⁴ Turkey, Japan sign \$22 bln nuclear power plant deal. *Reuters*. 2013, 3 мая. <http://in.reuters.com/article/2013/05/03/turkey-nuclear-deal-idINL6N0DK3A820130503> (последнее посещение 13 мая 2013 г.).

Эльдар Касаев

РОЛЬ КАТАРА НА ГАЗОВОМ РЫНКЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЕЙ

Задумывая эту статью, автор исходил из того, что нынешние напряженные отношения между Россией и Катаром не должны влиять на исследовательский интерес к последнему со стороны отечественных ученых, поскольку политика и наука не должны мешать друг другу.

Более того, вполне разумно и целесообразно в некоторых моментах проанализировать положительный и отрицательный хозяйственный опыт эмирата с прицелом на российское экономическое пространство, ведь при кажущейся на первый взгляд абсолютной непохожести двух стран можно отчетливо разглядеть элементы сходства между ними. Например, несмотря на диверсификационные планы, экономики обоих государств носят ярко выраженный сырьевой характер, ведь доходы от нефтегазового экспорта обеспечивают большую часть их бюджетов.

А
Н
А
Л
И
З

ДВУСТОРОННЯЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАГНАЦИЯ

Торговые и инвестиционные связи между Россией и Катаром находятся на крайне низком уровне, например, в 2010 г. товарооборот составил около 14,5–14,6 млн долл. Из них 11,1–11,2 млн долл. пришлось на российский импорт — продукцию органической химии, пластмассу, каучук и другие изделия. Наша страна поставила в Катар продукцию на оставшиеся 3,4 млн долл., в том числе драгоценные и недрагоценные металлы на 2 млн долл., изделия из них, продукцию лесопромышленного комплекса на 0,9 млн долл., машины и другие транспортные средства, оборудование, инструменты на 0,5 млн долл. (см. таблицу 1).

Таблица 1. Российско-катарский товарооборот в 2009–2011 г. (млн долл.)

Временные периоды	Товарооборот				Темп прироста		Доля
	2009	2010	янв–фев 2010	янв–фев 2011	2010 к 2009	2011 к 2010	2010
Всего	8,7	14,6	3,4	1,7	66,8%	-48,9%	100%
Продукция АПК				0,0		100%	
Химическая продукция, пластмассы, каучук и изделия	7,2	11,2	3,0	1,4	55,6%	-52,3%	76,6%

Таблица 1. Продолжение

Временные периоды	Товарооборот				Темп прироста		Доля
	2009	2010	янв–фев 2010	янв–фев 2011	2010 к 2009	2011 к 2010	2010
Кожевенное сырье и изделия	0,0				–100%		
Продукция ЛПК	0,6	0,9	0,3	0,2	56,1%	–21,9%	6,2%
Текстиль и обувь	0,0	0,0			66,4%		0,2%
Драгоценные и недрагоценные металлы и изделия из них	0,0	2,0	0,1	0,0	10894,5%	–99,9%	13,7%
Машины, оборудование, транспортные средства и инструменты	0,9	0,5	0,0	0,1	–48,1%	113,5%	3,4%
Прочие	0,0	0,0		0,0	–84,6%	100%	0,0%

Источник: Министерство промышленности и торговли России

Из таблицы 1 видно, что в 2009 г. годовой товарооборот остановился на еще меньшей отметке — 8,7 млн долл., а в январе–феврале 2011 г. он сократился вдвое по сравнению с аналогичным показателем 2010 г. (1,7 млн долл. против 3,4 млн долл. соответственно).

По всей видимости, в дальнейшем следует ожидать еще большего сокращения суммарного экспортно-импортного показателя между странами, поскольку в последние годы межгосударственные отношения Катара и России сильно ухудшились, что стало ингибитором двусторонней торговли.

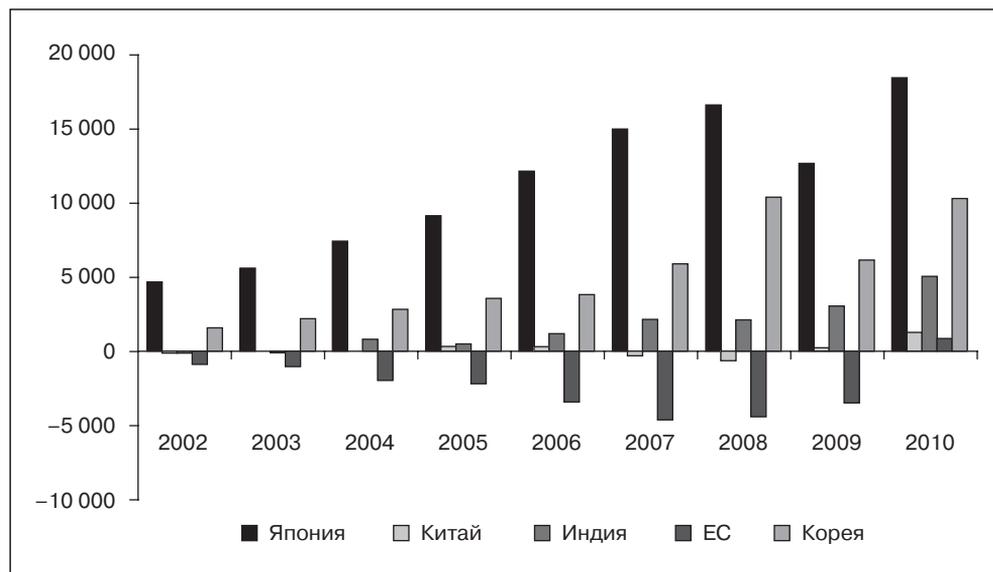
Стоит напомнить, что даже в 2010 г., когда уровень совместного политического диалога, казалось бы, достиг небывалых высот¹, из 140 государств — наиболее крупных торговых партнеров России эмират все же занял предпоследнюю строчку, опередив лишь Камерун².

Для сравнения следует проанализировать статистику сальдо торгового баланса Катара с основными азиатскими и европейскими партнерами за десятилетний период (см. диаграмму 1).

На диаграмме 1 изображено, что в целом азиатские страны (за исключением Китая) бесперебойно обеспечивают высокий процент катарского экспорта, который представлен преимущественно углеводородами. В свою очередь, Китай в 2002–2006 гг. демонстрировал относительный паритет между экспортом и импортом, а в последующие два года экспорт стал превалировать, но в 2009–2010 гг. активизировавшиеся поставки катарского газа сделали сальдо торгового баланса положительным для эмирата.

Говоря о европейских государствах, стоит заметить, что в 2002–2009 гг. сальдо торгового баланса Катара с ними было всегда отрицательным, причем, как и следовало ожидать, пик пришелся на начало мирового кризиса. Однако в 2010 г. впервые этот показатель стал положительным, что свидетельствует не столько об оздоровлении европейской экономики, сколько об активизации экспорта катарского топлива, призванного снизить зависимость ЕС от российских энергоносителей путем диверсификации их поставок.

Диаграмма 1. Сальдо торгового баланса Катара с основными партнерами в 2002–2010 гг., млн долл.

Источник: Построено автором на основе данных *Direction of Trade Statistics, IMF, 2010, 2011*.

Не способствует активному российско-катарскому экономическому партнерству и существующая договорно-правовая база, которая все еще недостаточно прочная и малоэффективная. Она представлена:

- межправительственными соглашениями: об экономическом, торговом и техническом сотрудничестве (1990 г.); об избежании двойного налогообложения (1998 г.); о взаимной защите и поощрении капиталовложений (2007 г., пока не ратифицировано российской стороной);
- межведомственными соглашениями: о сотрудничестве между торгово-промышленными палатами (2001 г.); о создании Российско-Катарского делового совета (2007).

Осознавая имеющийся дисбаланс, страны начали вести созидательную деятельность на институциональном уровне. Так, учрежден Российско-Катарский межведомственный комитет по газу и энергетике, а также достигнута договоренность о создании Совместной Российско-Катарской комиссии по торговому, экономическому и техническому сотрудничеству, первое заседание которой планируется провести в 2013 г. в Москве.

Параллельно с этим происходила демонстрация российских возможностей эффективно повысить двустороннюю торговлю. В 2010 г. Катар посетили две многочисленные делегации Уральского федерального округа (УФО). В ходе этих поездок соответственно были проведены I Катарско-Российский экономический форум в Дохе при содействии Катарской ассоциации бизнесменов, а также переговоры по поставкам российского продовольствия в эмират. В результате партнерские контакты с Катаром установили *Уральская горно-металлургическая компания, Трубная металлургическая компания*, а компании *Урал Промышленный — Урал Полярный* и *Селигдар* предложили инвестиционные проекты по освоению золоторудных месторождений.

В феврале 2013 г. в Дохе состоялось официальное открытие офиса представительства Газпрома. В планах — представление и защита интересов концерна, а также координация деятельности дочерних структур корпорации на Ближнем и Среднем Востоке посредством взаимодействия с государственными органами и нефтегазовыми компаниями Катара и стран Персидского залива.

Российский *газовый гигант* надеется закрепиться в эмирате и принять участие в совместных проектах по добыче и сжижению природного газа после снятия с будущего года моратория на расширение добычи на месторождении *North Field*, введенного в 2005 г. местными властями. Правда, ситуация может еще измениться, как это уже было в 2009 г., когда катарской стороной было принято решение продлить указанный запрет на активизацию добычи.

Кроме того, в перспективные планы Газпрома может внести серьезные корректировки арабская стратегия ведения государственных дел и бизнеса, часто характеризующаяся длительными проволочками и излишним бюрократизмом, которые способны вызвать сомнения в конечной реализации той или иной сделки.

Примечательно, что в 2010–2011 гг. Россия предложила Катару ряд инвестиционных проектов в нефтегазовой, банковской, золоторудной, строительной и иных сферах. Ожидалось, что в случае их реализации объем катарских инвестиций в российскую экономику мог составить порядка 10–12 млрд долл. Однако эмират не принял участие ни в одном из возможных проектов.

Отсутствие реального интереса со стороны катарского бизнеса не вселяет надежды на динамичное развитие двустороннего экономического сотрудничества, о котором было заявлено по итогам официальных визитов в Россию высших руководителей эмирата.

По глубокому убеждению автора, основная проблема заключается в некачественной и ангажированной деятельности западных специалистов, работающих в катарских структурах. Нередко эти люди намеренно предоставляют неверные данные, замедляют работу над различными проектами, выходя на связь слишком поздно, когда все разумные и допустимые сроки давно истекли. Граждане США, Великобритании, Австралии, а также представители других антагонистично настроенных по отношению к России стран, отвечающие за развитие инвестиционных сделок, не позволяют российскому бизнесу занять какую-либо нишу на рынке эмирата, опасаясь, что это может негативно сказаться на позициях западных компаний. В этом случае российскому бизнесу доступ в Катар фактически закрыт.

Для того чтобы качественно улучшить сегодняшнее положение дел, необходимо принять определенные меры, с помощью которых удалось бы *переиграть* иностранных советников, не только лишаящих оба государства экономической прибыли, но и обостряющих политические отношения между ними.

Несомненно, *западная доминанта* в бизнес-структурах Катара делает проблематичным мощное присутствие России в его экономике. Однако не способствует этому и известная манера ведения дел со стороны многих российских предпринимателей. Вместо того чтобы эффективно отстаивать экономические интересы своего государства по тем правилам, которые установлены международными стандартами, и всячески продвигать российские проекты в эмирате с расчетом на долгосрочные дивиденды, отечественные бизнесмены пытаются быстро получить возможную прибыль, наскоками наведываясь в Катар. Они не имеют нацеленности на системную масштабную работу по созданию прочного имиджа своей компании и изучению местного спроса и предложения.

Нельзя также сбрасывать со счетов катарский деловой менталитет, который не ставит во главу угла быстрое получение денег в обход действующего законодательства, а, наоборот, приветствует серьезное намерение иностранного партнера поучаствовать в длительном развитии той или иной совместной сделки. В этой связи тем российским фирмам, которые все-таки не оставляют надежды

на кооперацию с эмиратом, целесообразно пойти по пути Газпрома и открыть офис в Катаре.

Стоит заметить, что, по данным Катарского управления статистики, объем государственного резервного фонда эмирата по итогам 2010 г. достиг порядка 110 млрд долл. Это позволяет стране поддерживать высокие темпы инвестирования в крупные иностранные проекты, включая покупку долей зарубежных компаний³.

В этой связи понятно, что неопределенность и проволочки Катара в отношении инвестиционных проектов, предложенных Россией, обусловлены отнюдь не отсутствием денежных средств, они носят несколько иной характер. С одной стороны, Катар ждет согласия со стороны США и Великобритании, которые фактически управляют многими внешнеэкономическими действиями эмирата⁴. С другой стороны, Россия сама не проявляет надлежащей заинтересованности в действенном финансовом сотрудничестве, поскольку не хочет соблюдать привычные для катарских бизнесменов деловые правила, которыми, в свою очередь, умело овладели западные фирмы.

ФОРУМ СТРАН — ЭКСПОРТЕРОВ ГАЗА: НЕСБЫВШИЕСЯ ОЖИДАНИЯ

Возможно, более тесное и эффективное сотрудничество между Россией и Катаром способно развиваться на площадке Форума стран — экспортеров газа (ФСЭГ)⁵ [Gas Exporting Countries Forum, GECF]. В научной литературе существует определенный информационный вакуум относительно деятельности и перспектив этой международной организации.

Официальной задачей Форума, приобретшего юридический статус в декабре 2008 г., является реализация суверенных прав государств-членов на собственные запасы природного газа и возможности самостоятельно планировать и обеспечивать экологически устойчивую, бережную и эффективную разработку и использование газа в интересах своих народов, обмен опытом, мнениями и информацией по ключевым аспектам развития газовой промышленности. Однако на этом пути не все так просто.

Во-первых, следует учитывать отсутствие единого мирового газового рынка, но наличие множества региональных, которые разнятся в отношении спроса и предложения. Это обуславливает острую конкуренцию среди поставщиков за расширение географии потребителей. В частности, собираясь наращивать экспорт газа в Европу, Катар создает определенные трудности Газпрому, а также алжирской госкомпании *Sonatrach*. В свою очередь, Россия всерьез нацелена на азиатские рынки, которые считаются основным местом сбыта катарского сырья.

Во-вторых, ситуацию осложняют арабские события 2011 г., которые повлекли за собой смену правящих режимов в некоторых странах региона, а также привели к изменениям расстановки сил на *энергетических полях* этих государств.

В-третьих, следует учитывать различную газовую политику государств-поставщиков. Большинство из них, включая Россию, экспортируют преимущественно трубопроводный газ на основе долгосрочных контрактов и поэтому заинтересованы в сохранении стабильности ежегодных поставок и цен, привязка которых осуществляется к цене нефти. Поэтому Россия поддерживает предложения о разработке в рамках ФСЭГ механизма рыночного ценообразования на газ, который даст возможность поставщикам использовать его при заключении новых долгосрочных договоров.

Интересы Катара состоят в осуществлении скорых поставок по *спотовым* ценам, зависящим от текущего рыночного спроса в определенное время и не привязанным к долгосрочной перспективе. Согласно катарской позиции, наиболее эффективным путем для достижения стабильности на мировых энергетических рынках является применение механизма привязки цен на газ к стоимости нефти. Если

между странами — экспортерами газа будет достигнута договоренность о соответствующем механизме ценообразования, то газовые рынки станут доступны для всех, поскольку отпадет необходимость делать выбор направления экспорта газа в зависимости от предлагаемой цены импортера.

Тем не менее Катар выступает против создания картеля, в том числе учитывая позицию США, Канады, Австралии, а также многих членов ЕС. В этой связи эмират уходит от обсуждения выработки реального механизма ценообразования на природный газ, заявляя, что экспортерам следует продавать его всем потребителям по максимально высокой цене, чем и занимаются сами катарские власти⁶.

Таким образом, неспособность поставщиков выработать четкую позицию в отношении экспорта газа пока не позволяет говорить о качественной эволюции ФСЭГ и его потенциале диктовать цены потребителям. К тому же складывается впечатление, что к настоящему моменту Форум до сих пор не закончил период своего становления, а его деятельность пока носит лишь декларативный характер. Помимо этого, сохраняющаяся на Ближнем Востоке и в Северной Африке крайне сложная ситуация косвенно отражается и на деятельности ФСЭГ. Так, в последнее время открыто проявились признаки внутреннего соперничества между Ираном, Алжиром, Катаром, Ливией, которое, судя по всему, будет только нарастать.

В итоге Форум не оправдывает тех ожиданий, которые на него возлагались. Это значит, что российские усилия по созданию так называемой *газовой ОПЕК* нецелесообразны, принимая также во внимание существующий долгосрочный характер отношений России с потребителями газа в Европе и развитие сотрудничества на рынках Азии. Нашей стране в рамках Форума необходимо сосредоточиться на отстаивании своих первоочередных интересов. Усвоит ли Москва полезные уроки из имеющегося у нее опыта членства в данной организации, продемонстрируют итоги Второго саммита ФСЭГ, который должен пройти летом этого года в России.

РОССИЙСКИЙ ГАЗ КАТАРУ НЕ УКАЗ

Доказанные запасы природного газа в Катаре составляют 25,2 трлн куб. м⁷ (13,5% всех мировых запасов⁸), что является вторым показателем среди членов ОПЕК и третьим в мире после России и Ирана.

Большая часть газовых запасов Катара сосредоточена на территории шельфового месторождения *North Field*, которое, по сути, является продолжением иранского участка *South Pars*. Фактически эти два участка составляют одно гигантское газоконденсатное месторождение.

Стоит заметить, что до начала 1990-х гг. разведка газовых месторождений в эмирате велась не так интенсивно, что негативно сказывалось и на статистике доказанных запасов сырья (см. диаграмму 2).

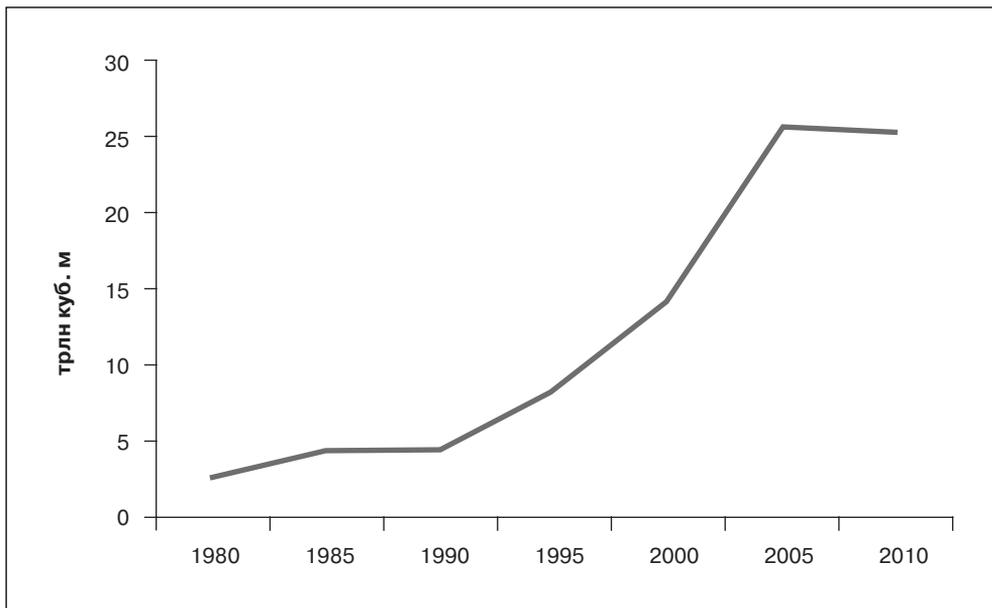
Как отчетливо видно из диаграммы 2, в середине 1990-х гг. разведенные газовые залежи страны стали существенно расти. Вслед за увеличением запасов природного газа стала наблюдаться поступательная динамика ежегодного роста его добычи (см. диаграмму 3).

В 2005–2010 гг. этот показатель почти достиг 120 млрд куб. м. По прогнозам катарских специалистов, в конце 2012 г. он должен был составить 164 млрд куб. м⁹, но, как представляется, реальный показатель будет значительно ниже.

Важно подчеркнуть, что появившаяся в 2013 г. статистика не обязательно отражает истинное положение дел в катарской газовой промышленности за минувший год. Дело в том, что в дальнейшем полученные данные, как правило, пересматриваются, и получаются более точные цифры.

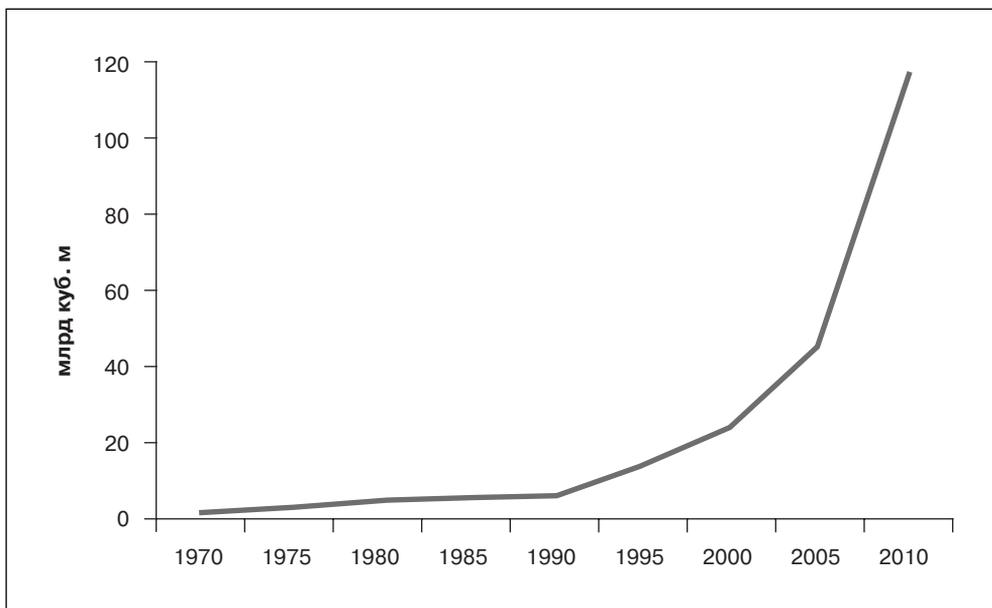
Проанализировав динамику добычи по диаграмме 3, можно заметить, что для увеличения производства сырья на 40 млрд куб. м стране требовалось не менее

Диаграмма 2. Доказанные запасы катарского природного газа, 1980–2010 гг.

Источник: Построено автором на основе данных BP Statistical Review of World Energy 2011.

Диаграмма 3. Динамика добычи катарского природного газа, 1970–2010 гг.

Источник: Построено автором на основе данных BP Statistical Review of World Energy 2011.

пяти лет. Конечно, теоретически эмирату под силу уложиться и за два года, ведь дефицита в соответствующих мощностях и новейших технологиях добычи нет, но на практике этому не способствует до сих пор действующий мораторий на дальнейшую разработку крупнейшего в Катаре месторождения *North Field*.

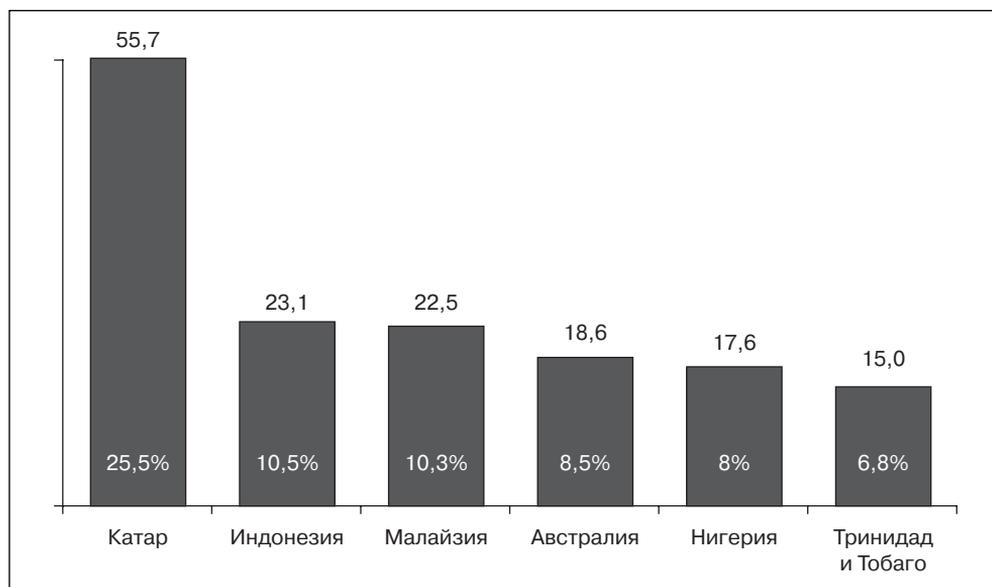
По всей видимости, Катар и сам способен здраво оценивать собственные возможности, но столь амбициозный показатель был озвучен им вовсе не от отсутствия профессионализма отраслевых аналитиков, а, скорее всего, для информационного давления на конкурентов по экспорту сжиженного газа.

Следует подчеркнуть, что рост добычи сырья стал положительно отражаться на объемах сбыта катарского сжиженного природного газа (СПГ)¹⁰. Эмират ежегодно интенсифицирует поставки этого энергоносителя на внешние рынки. Например, в 1996–2006 гг. сбыт эмирата составлял от 1,3 до 17% общемирового экспорта¹¹, а затем этот показатель резко возрос. В частности, по итогам 2010 г. 18 государств осуществляли непосредственный экспорт СПГ, а 4 страны занимались его реэкспортом. Из 22 поставщиков Катар стал безоговорочным лидером, доведя годовой показатель до 25,6% общемирового объема¹². В свою очередь, совокупный результат трех других крупнейших экспортеров (Индонезии, Малайзии и Австралии) составил 29,3% (см. диаграмму 4).

Примечательно, что с 1984 по 2005 г. именно Индонезия была на первом месте в рейтинге мировых поставщиков СПГ, пока в 2006 г. ее оттуда не сместил Катар, которому с 2006 по 2010 гг. удалось более чем на 150% увеличить зарубежные поставки сырья¹³ (см. диаграмму 5).

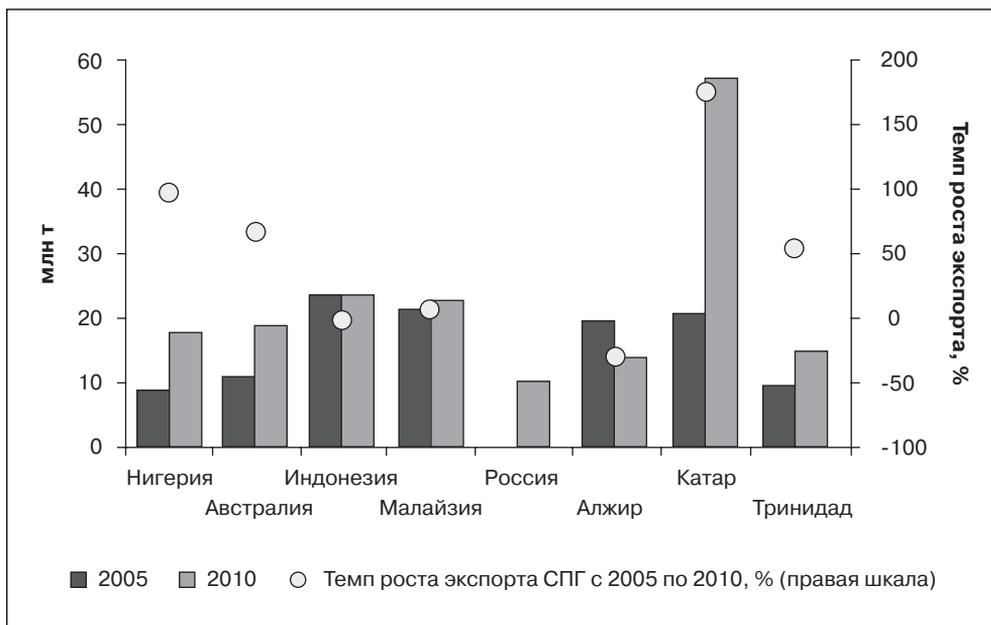
Резкое усиление роли Катара на рынке сжиженного природного газа произошло благодаря быстрому развитию инфраструктуры, что было обусловлено благоприятной конъюнктурой региональных рынков и высокими темпами роста спроса на СПГ до мирового финансово-экономического кризиса 2008 г.

Диаграмма 4. Ведущие экспортеры СПГ в 2010 г. (млн т и % мирового экспорта)

Источник: QNB Capital.

Диаграмма 5. Экспорт СПГ по странам в 2005 и 2010 гг., млн т

Источник: Waterborne LNG Reports. US DOE. PFC Energy.

Введение в строй крупномасштабных производственных мощностей в эмирате привело к тому, что в 2010 г. объемы производства СПГ в Катаре достигли отметки в 77 млн т в год¹⁴. В стране созданы технические возможности для увеличения производства сжиженного газа до 90–95 млн т в год. По подсчетам специалистов, повышение мировых поставок СПГ в 2011 г. на 10,1% во многом было достигнуто благодаря катарскому сбыту, увеличившемуся по сравнению с 2010 г. на 34,8%. В итоге эта прибавка составила 87,7% общемирового экспортного роста¹⁵.

В 2011 г. Катар экспортировал 102 млрд куб. м СПГ, причем большая его часть была поставлена на рынки азиатских и европейских государств (48,6 и 43,4 млрд куб. м соответственно), оставшийся объем получили страны Северной и Латинской Америки (6,5 и 1,7 млрд куб. м соответственно), а также Ближнего и Среднего Востока (2,4 млрд куб. м)¹⁶.

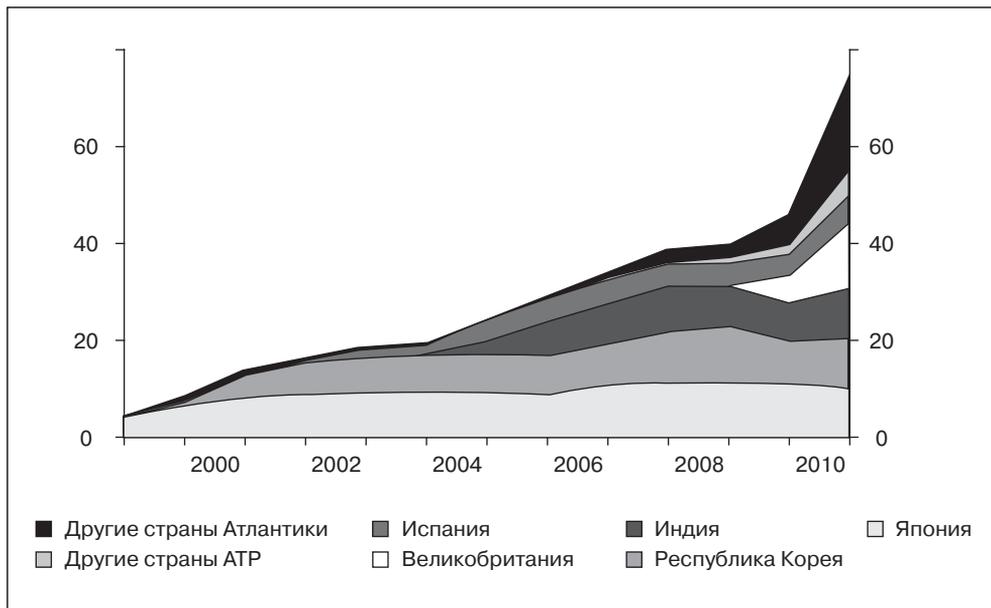
Сегодня катарский СПГ поставляется более чем в 20 стран¹⁷, причем в последнее десятилетие направления сбыта постоянно расширяются (см. диаграмму 6).

На диаграмме 6 показано, что азиатские страны являются давними потребителями катарского сырья, которые постоянно наращивают объемы закупок. Это вполне объяснимо географически и стратегически, поскольку, во-первых, эмирату доставить сжиженный газ в Азию можно весьма оперативно, во-вторых, потребности в энергоносителях многих государств этого региона очень высоки. Тем не менее в последнее время отчетливо наблюдается рост катарского экспорта в Европу, включая Великобританию (лидера среди всех импортеров СПГ из эмирата), Италию, Францию, Бельгию и Испанию (см. диаграмму 7).

По статистике, более четверти потребляемого в странах Европейского союза (ЕС) сжиженного газа доставляется из Катара¹⁸. Началось строительство терминала

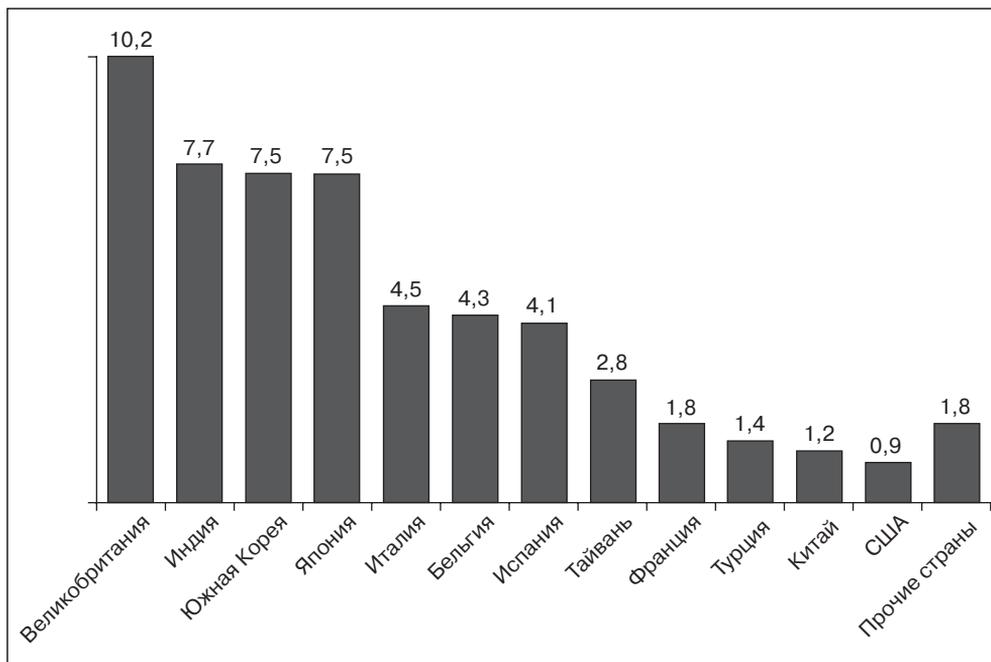

Диаграмма 6. Географическая структура экспорта катарского СПГ в 2000–2010 гг., млрд куб. м

Источник: BP (2011); International Energy Agency.

Диаграмма 7. Основные направления экспорта катарского СПГ в 2010 г. (млн т)

Источник: QNB Capital.

СПГ в Польше, куда с 2014 г. компания *Qatargas* собирается поставлять 1 млн т газа¹⁹ с перспективой в 2017–2018 гг. увеличения объема поставок. Ведутся переговоры о поставках катарского СПГ в страны Балтии, Белоруссию и Украину.

Вопросы о поставках катарского СПГ в Германию обсуждались сторонами, и они почти пришли к соответствующему соглашению, нерешенным остался лишь вопрос логистики. Судя по всему, на начальном этапе Германия намерена использовать приемные мощности в голландском порту Роттердам²⁰, однако в будущем ФРГ планирует запустить собственные регазификационные терминалы в Вильгельмсхафене и Ростоке²¹.

Немецкий бизнес активно работает в нефтегазовом секторе Катара. В частности, крупнейшая нефтегазодобывающая компания *Wintershall* с 1997 г. занимается геологоразведкой на катарском шельфе. Концерн *GEA* выиграл тендер на поставку высокотехнологичных кондиционеров для нефтегазовой отрасли эмирата. Немецкая химическая компания *Süd-Chemie* заключила контракт на строительство в катарском городе Месаид [Mesaieed] завода катализаторов для сжижения газа и на производство газового конденсата²².

Казалось бы, рост катарских поставок СПГ в Европу создает сложности Газпрому. Однако, по личной оценке министра энергетики России С. И. Шматко²³, высказанной осенью 2011 г., эмират не станет существенно наращивать экспорт на указанном направлении в среднесрочной перспективе. Тем не менее министр подчеркнул, что при этом у сторон нет никаких обязательств в этой части²⁴.

В свою очередь, Катар настаивает на том, что его экспортная политика основана на долгосрочных контрактах и привязке цен на газ к стоимости нефти. Государство же исходя из собственных экономических интересов способно варьировать направление поставок и их стоимость в зависимости от текущего спроса на том или ином рынке.

Следует заметить, что нынешнее значение катарского газа в Европе весьма увеличено. Безусловно, объемы его поставок понижают конкурентоспособность российского сырья, но в малой степени. Тем не менее, по прогнозам специалистов Газпрома, долгосрочная динамика разрыва между собственной добычей газа и потреблением в Европе будет расти, открывая новые возможности для импорта, в том числе из России²⁵.

Действительно, в перспективе следует ожидать усиления зависимости ЕС от экспортеров газа. Но при этом Европа имеет шанс диверсифицировать поставщиков, делая акцент на более активное использование катарского СПГ, который со временем будет минимизировать объемы экспорта Газпрома.

По всей видимости, в результате увеличения производства сырья из-за снятия моратория на разработку месторождения *North Field* после 2014 г., а также вследствие введения в эксплуатацию новых регазификационных мощностей в Европе эмират будет активнее насыщать этот рынок, что уже гораздо серьезнее затронет интересы отечественного бизнеса.

Российские отраслевые аналитики предполагают, что в ближайшие годы Катар будет поставлять в Европу дополнительные 50 млрд куб. м газа в год, что составляет 5% газового рынка ЕС²⁶. Это также обусловлено тем фактом, что добыча сланцевого газа²⁷ серьезно понизила спрос на катарское сырье внутри США — американцы пытаются обеспечить функционирование экономики за счет собственных углеводородов. Как представляется, отстроенные катарцами крупные заводы по сжижению газа²⁸ специально для его поставок в США теперь будут производить сырье для нужд Европы. Все это приведет к широкому экономическому росту эмирата и регулярному притоку иностранных инвестиций.

Вместе с тем увеличение поставок катарского СПГ на некоторых направлениях произошло раньше, чем завершение строительства соответствующих добавочных

мощностей (см. таблицу 2). Это означает, что список контрактов, существующий сегодня, будет в ближайшей и среднесрочной перспективе дополнен, а некоторые из новых мощностей, может быть, заменят уже изношенные.

Таблица 2. Долгосрочные контракты Катара на поставку СПГ в 2002–2012 гг. (млн т в год)

Страна/завод	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Япония (<i>Qatargas</i>)	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	6,7	7,5	7,5	7,5
Республика Корея (<i>Rasgas</i>)	4,8	4,8	6,8	8,8	8,8	8,8	6,8	4,8	7,5	7,5	7,5
Индия (<i>Rasgas 2</i>)	–	–	2,5	5,1	7,5	7,5	7,5	7,5	7,7	7,7	7,7
Италия (<i>Rasgas 2</i>)	–	–	–	–	–	4,7	4,7	4,7	4,5	4,5	4,5
Испания (<i>Qatargas, Rasgas 2</i>)	1,4	1,4	1,4	2,0	2,2	2,2	2,2	2,2	4,1	4,1	4,1

Источник: Составлено автором на основе данных посольства Катара в США.

Несмотря на то что ведущая роль в нефтегазовой отрасли страны принадлежит государственной компании *Qatar Petroleum*, эмират активно прибегает к помощи крупных зарубежных концернов (преимущественно из США) с их передовыми технологиями (см. таблицу 3).

Таблица 3. Углеводородные проекты Катара в 2005–2015 гг.

Проект/Название месторождения	Тип проекта	Компании	Год запуска
Al Khaleej Gas (Phase I)	Новая разработка (магистральный газ)	<i>ExxonMobil (EM)/Qatar Petroleum (QP)</i>	2005
Qatargas I (Trains 1–3)	Новая разработка (СПГ)	<i>QP/EM/Total/Mitsui/Marubeni</i>	2005
Rasgas. Train 4	Новая разработка (СПГ)	<i>QP/EM</i>	2005
Dolphin	Новая разработка (магистральный газ)	<i>Dolphin Energy (Mubadala Development Company/Total/Occidental Petroleum)</i>	2006
Linear Alkyl Benzene (LAB) plant	Новая разработка (газоконденсатные жидкости (ГКЖ))	<i>SEEF Ltd. (QP/UDC)</i>	2006
Rasgas. Train 5	Новая разработка (СПГ)	<i>QP/EM</i>	2006
Oryx GTL	Новая разработка (синтетическое жидкое топливо (СЖТ), ГКЖ)	<i>QP/Sasol</i>	2007

Таблица 3. Продолжение

Проект/Название месторождения	Тип проекта	Компании	Год запуска
Al Khaleej Gas (Phase II)	Увеличение мощности (магистральный газ)	QP/EM	2009
Al Shaheen	Увеличение мощности (нефть)	Maersk Oil/QP	2009
Qatargas II (Trains 4–5)	Новая разработка (СПГ)	QP/EM/Total	2009
Rasgas. Train 6	Новая разработка (СПГ)	QP/EM	2009
Ras Laffan Refinery	Новая разработка (газоконденсат)	QP/EM/Total/Idemitsu/Cosmo/Mitsui/Marubeni	2009
Qatargas III (Train 6)	Новая разработка (СПГ)	QP/ConocoPhillips/Mitsui	2010
Rasgas. Train 7	Новая разработка (СПГ)	QP/EM	2010
Pearl GTL (Phase I)	Новая разработка (СЖТ, ГКЖ, этан)	Royal Dutch Shell/QP	2011
Qatargas IV (Train 7)	Новая разработка (СПГ)	QP/Royal Dutch Shell	2011
Pearl GTL (Phase II)	Новая разработка (СЖТ, ГКЖ, этан)	Royal Dutch Shell/QP	2012
Al Rayyan	Увеличение мощности (нефть)	Occidental Petroleum/QP	2014
Barzan Gas (Train 1)	Новая разработка (магистральный газ)	QP/EM	2014
Idd Al Shargi (North Dome and South Dome)	Увеличение мощности (нефть)	Occidental Petroleum/QP	2014
Oryx GTL Expansion	Увеличение мощности (СЖТ, ГКЖ)	Sasol/Chevron/QP	2014
Barzan Gas (Train 2)	Увеличение мощности (магистральный газ)	QP/EM	2015

Источник: Составлено автором на основе данных ОПЕК, *Qatar Petroleum*, *Qatargas*, *Rasgas*.

Экспортом катарского СПГ занимаются две специально учрежденные государством компании — *Qatargas*²⁹ и *Rasgas*³⁰. В настоящее время первой из них принадлежит 15% мирового рынка сбыта СПГ³¹.

Помимо этого, эмират успешно осваивает новые технологии переработки газа. Так, в стране запущен завод *Орух GTL*, на котором, впервые на Ближнем Востоке газ стали преобразовывать в жидкое состояние с помощью катализаторов (а не в результате охлаждения). Мощность завода составляет 34 тыс. баррелей в сутки продуктов со сверхнизким содержанием серы, среди них 24 тыс. баррелей дизельного топлива, 9 тыс. баррелей нефти и 1 тыс. баррелей пропан-бутановой смеси, получившей название сжиженный нефтяной газ (СНГ)³² [Liquefied Petroleum Gas]. Дизельное топливо экспортируется преимущественно в Европу, нефть —

на Дальний Восток, СНГ — используется на внутреннем рынке. Стоимость предприятия оценивается в 1 млрд долл³³. Участниками проекта являются *Qatar Petroleum* (51%) и *Sasol* (49%)³⁴.

Катар также реализует еще более масштабный проект крупнейшего в мире завода по сжижению газа *Perl GTL*, в котором *Qatar Petroleum* принадлежит 51%, а *Royal Dutch Shell* — 49% акций. Завод был введен в эксплуатацию в городе Рас Лаффан [Ras Laffan] в 2011 г.

Кроме того, после выхода на проектную мощность предприятие стало производить 120 тыс. баррелей нефтяного эквивалента в сутки из газоконденсатных жидкостей и этана. Правда, сметная стоимость *Perl GTL* вместо первоначально продекларированных 4 млрд долл. составила около 18–19 млрд долл.³⁵ Тем не менее реализация проекта свидетельствует о решимости Катара в будущем обеспечить комплексное развитие газоперерабатывающей отрасли, что, наверняка, положительно отразится на масштабах экспорта.

Таким образом, с возросшими производственными мощностями эмират не только существенно упрочит свое мировое лидерство в области экспорта СПГ, но и станет мощнейшим в регионе игроком по переработке природного газа в жидкие продукты.

ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ

Проведенный анализ позволяет прийти к некоторым важным выводам и сделать ряд долгосрочных прогнозов.

Катар станет еще больше инвестировать в развитие газового сектора, поскольку именно доходы от экспорта *голубого топлива* позволят экономике эмирата и дальше оставаться одной из *эталонных* в мире.

По прогнозам, до 2030 г. активнее всего спрос на сжиженный газ будет увеличиваться в странах Азии — на 4,6% в год³⁶, а 23% этого роста составит вклад Китая³⁷. Рост спроса на СПГ со стороны Европы также будет иметь место, даже несмотря на финансово-экономический кризис.

Что касается роста соответствующего предложения, то производство сжиженного газа будет расти быстрее, чем мировая газодобыча и торговля сетевым (трубопроводным) газом³⁸. Доля СПГ в глобальном росте поставок в 2010–2030 гг. составит 25% (для сравнения в 1990–2010 гг. — 19%)³⁹. И это увеличение произойдет за счет стран Ближнего Востока (26%)⁴⁰, причем среди них центральное место займет именно Катар.

Важным конкурентным преимуществом Катара на рынке СПГ являются новейшие технологии, позволяющие значительно снижать издержки, оптимизировать процесс производства, транспортировки и регазификации сырья. Внедрение этих *ноу-хау* способствовало увеличению производственных мощностей и получению эффекта масштаба.

Кроме того, существенный прогресс достигнут в области транспортировки. Покупка танкеров-газовозов типа *Кью-Флекс* [Q-Flex] и *Кью-Макс* [Q-Max], имеющих большую вместимость и оснащенных установками по преобразованию испаряющегося газа в сжиженный, позволило эмирату значительно снизить расходы и сократить потери сырья⁴¹.

В долгосрочной перспективе масштабной переориентации экономической политики Катара на европейское направление не будет, так как партнерство со странами Азии является традиционным и важным для эмирата. Эти государства обладают огромным потенциалом экономического развития и технологической эволюции, реализация которого в течение нескольких десятков лет непременно потребует большой объем энергоносителей.

Сегодня экономическое сотрудничество Катара с ведущими азиатскими государствами увеличивает темпы в геометрической прогрессии. Здесь необходимо учитывать как географический фактор, так и политический и культурный факторы — возможность Катара реализовывать свои амбиции на мировой арене и близость торговцам и инвесторам из этой страны *делового духа* Азии.

Вместе с тем эмират будет продолжать закрепляться на рынках Европы, понемногу наращивая экспорт и инвестиции, не в пику партнерам из Азии, а лишь для перестраховки от непредвиденных финансовых потерь на основном направлении и получения дополнительной прибыли для долгосрочной реализации масштабных внутренних проектов.

На этом фоне торговые и инвестиционные связи с Россией находятся на крайне низком уровне. Во многом это объясняется тремя причинами: во-первых, резко ухудшившимися двусторонними политическими отношениями после смены режимов в некоторых арабских странах в 2011 г.; во-вторых, антироссийской политикой западных менеджеров, работающих в крупных структурах эмирата; в-третьих, несоответствием деловых менталитетов отечественных и катарских предпринимателей.

Степень совместных экономических контактов в будущем будет зависеть не только от эффективности диалога обоих государств, но и от некоторых внешних факторов. В частности, от официальной позиции России по актуальным проблемам ближневосточного региона, а также политического профиля самого Катара.

Первый из названных факторов является определяющим, поскольку России не удастся найти общий язык с эмиратом, если ее заявления будут антагонистичны действиям Катара в регионе. Второй — второстепенный, поскольку Россия пыталась заложить основы двустороннего инвестиционного сотрудничества, несмотря на то что Катар уже обладал отнюдь не безупречной репутацией, так как на протяжении длительного времени оказывал финансовую и идеологическую поддержку экстремистским, террористическим и сепаратистским группам в других арабских странах. Однако и его стоит учитывать.

Российско-катарский энергетический диалог в рамках ФСЭГ вряд ли приведет к ожидаемым результатам по причине острых разногласий двух стран на международной арене. Проведение в Кремле Второго саммита организации хотя и послужит определенным мостом между Москвой и Дохой, но он не станет столь прочным, чтобы выдержать давление обоюдных политических претензий.

Экономический взлет, наглядно продемонстрированный эмиратом в последние годы, отражает серьезное намерение страны не только добиться статуса регионального финансового центра силы, но и дальше занимать ведущие позиции на Ближнем Востоке и по отдельным аспектам в мире. Особая экономическая и геополитическая значимость Катара как государства, находящегося на пересечении путей в Европу, Азию и Африку, а также солидные запасы углеводородов позволяют ему рассчитывать на дальнейшее тесное сотрудничество с западными и азиатскими странами.

Что касается России, то пока эффективное торговое и инвестиционное партнерство с Катаром невозможно по причине множества политических и деловых разногласий. В то же время нельзя исключать возможность того, что со временем государства смогут урегулировать имеющиеся проблемы и наладить более или менее приемлемый уровень двусторонних экономических связей. 🐘

Примечания

¹ Состоялся ряд визитов высших руководителей Катара (в Россию): эмира Хамада Бен Халифы Аль Тани и премьер-министра, министра иностранных дел Хамада Бен Джасема Аль Тани, а также представителей российской власти (в Катар): заместителя председате-

ля правительства РФ И. И. Сечина и полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе Н. А. Винниченко. Кроме того, был проведен целый ряд визитов российской стороны в Доху на уровне министров, парламентариев, политических и общественных деятелей, руководителей крупных государственных и частных компаний. В частности, в 2010 г. эмират посещали министр энергетики России С. И. Шматко, председатель Комитета по международным делам Совета Федерации РФ М. В. Маргелов, губернатор Тюменской области В. В. Якушев, заместитель министра иностранных дел России А. В. Салтанов, заместитель министра промышленности и торговли России Д. В. Мантуров, первый заместитель министра энергетики России С. И. Кудряшов, заместитель министра сельского хозяйства России О. Н. Алдошин, президент Роснефти С. М. Богданчиков, гендиректор ГК *Ростехнологии* С. В. Чемезов, председатель правления Газпрома А. Б. Миллер, председатель правления *Новатэка* Л. В. Михельсон и др. Занимаемые должности названных лиц указываются по состоянию на декабрь 2010 г.

² Структура внешней торговли России с Катаром. Подготовлено Минпромторгом России. Февраль 2011 г. С. 3.

³ В 2011 г. аналитики британской аудиторской компании *Ernst&Young* и института *Oxford Economics* опубликовали результаты исследования «Прогноз развития быстрорастущих рынков», где Катар возглавил рейтинг самых быстрорастущих рынков по итогам 2000–2010 гг. со среднегодовым ростом реального ВВП в 13%.

⁴ Например, внушительный танкерный флот, который перевозит катарский сжиженный природный газ, а также нефтеперерабатывающая отрасль эмирата фактически находятся под управлением нидерландско-британской компании *Royal Dutch Shell*. Недалеко от Дохи расположена американская военная база *Аль-Удейд*, которая, помимо прочего, обеспечивает безопасность Катара.

⁵ Несколько лет членами ФСЭГ являлись 11 государств, включая Алжир, Боливию, Венесуэлу, Египет, Иран, Катар, Ливию, Нигерию, Россию, Тринидад и Тобаго, Экваториальную Гвинею. Однако по итогам 13-й министерской встречи, состоявшейся 13 ноября 2011 г. в Дохе, в состав организации вошел Оман. В 2012 г. этот список дополнили ОАЭ. В мероприятиях Форума также участвуют Казахстан, Нидерланды, Норвегия и Ирак, носящие статус наблюдателей.

В соответствии с уставом, Соглашение о функционировании ФСЭГ открыто для присоединения Брунея, Индонезии, Малайзии, Туркменистана и ОАЭ, которые ранее принимали участие в деятельности неформального ФСЭГ. В дальнейшем любая другая страна — экспортер газа, разделяющая общие интересы и цели Форума, может войти в его состав.

⁶ Мухаммед Аль-Хаджри, представитель государственной компании *Qatar Petroleum*. Интервью с автором. Доха, 19 мая 2011 г.

⁷ Анализ газового сектора проводился автором на основе статистики катарских и международных структур, которые предоставляли соответствующие данные в различных единицах измерения. В этой связи во избежание возможных неточностей при переводе показателей из одних единиц измерения в другие (например, из млрд куб. м в млн т) целесообразно приводить их именно так, как в конкретном источнике.

⁸ CIA World Factbook 2013. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/qa.html#> (последнее посещение — 27 апреля 2013 г.).

⁹ Расчеты проведены автором на основе данных Qatar — Economic Insight, September 2011. P. 14.

¹⁰ Сжиженный природный газ (англ. термин — Liquefied natural gas) — состояние природного газа, получаемое из нормального состояния при охлаждении или повышенном давлении. Сжижение природного газа производится для более легкого и компактного складирования или транспортировки потребителю. Плотность СПГ примерно в два раза меньше плотности бензина. Температура кипения от –158 до –163° в зависимости от состава. Коэффициент сжижения — 92 (так называемый экономический режим, применяемый на газораспределительных станциях) до 95%.

¹¹ IGU World LNG Report — 2010. P. 7.

¹² Ibid. P. 6.

¹³ Ibid.

¹⁴ По данным катарской государственной компании *Rasgas*. <http://www.rasgas.com/> (последнее посещение — 27 апреля 2013 г.).

¹⁵ BP Statistical Review of World Energy, June 2012. P. 4.

¹⁶ Ibid. P. 28.

¹⁷ До 2009 г. Катар поставлял газ преимущественно на те рынки, где цена выше (*спотовые поставки*), что позволяло получать дополнительные средства и вкладывать их в развитие внутренней инфраструктуры для производства СПГ. Тем не менее периодически эмират осуществлял краткосрочный экспорт по ценам ниже рыночных, что негативно воспринималось другими поставщиками СПГ. В последние годы Катар прекратил эти поставки и перешел к среднесрочным и долгосрочным контрактам с указанием фиксированной стоимости топлива, чтобы снять с себя обвинения в *демпинге*.

¹⁸ Liquefied Natural Gas Market in Europe. RREEF Research, February 2011.

¹⁹ Emir's Poland visit will cement ties: Envoy. *The Peninsula*. 2011, 14 October.

²⁰ Польский СПГ-терминал и Германия. *Вокруг Газа*. 2011, 9 февраля. <http://trubagaz.ru/issue-of-the-day/polskijj-spg-terminal-i-germanija/> (последнее посещение — 27 апреля 2013 г.).

²¹ Schweng Karel. Verflüssigtes Erdgas — Ein Markt im Fokus. Die Materialsammlung der Fachtagung unter dem Titel «Erdgas Umwelt Zukunft» (Материалы научной конференции под названием: «Природный газ — экологическое будущее» — Э. К.). Leipzig. 25 Januar 2007.

²² Süd-Chemie starts catalyst production as the first company in the fast growing market in Qatar. http://www.sud-chemie.com/scmcms/web/page_en_7235.htm (последнее посещение — 18 апреля 2013 г.).

²³ Должность российского официального лица указывается по состоянию на ноябрь 2011 г.

²⁴ <http://www.ria.ru/economy/20111115/489211275.html> (последнее посещение — 18 апреля 2013 г.).

²⁵ Корпоративный журнал ОАО *Газпром*. 2012. № 5. С. 12–13.

²⁶ Угроза благополучию *Газпрома* в Европе — планы Катара. <http://www.newsland.ru/news/detail/id/981878/> (последнее посещение — 27 апреля 2013 г.).

²⁷ Природный газ, состоящий преимущественно из метана и добываемый из горючих сланцев с помощью технологий горизонтального бурения, гидравлического разрыва пласта (ГРП) и сейсмического моделирования 3D GEO.

²⁸ Компании *Qatar Petroleum* (доля в проекте — 70%) и *ExxonMobil* (30%) открыли завод *Rasgas 6&7*, состоящий из двух равноценных блоков по сжижению суммарной мощностью 15,6 млн т в год. При участии *Qatar Petroleum* (68,5%), *ConocoPhillips* (30%) и *Mitsui* (1,5%) начал действовать завод *Qatargas 3* мощностью 7,8 млн т в год. *Qatar Petroleum* (70%) и *Royal Dutch Shell* (30%) запустили завод *Qatargas 4* такой же мощности.

²⁹ Компания была основана в 1984 г. и представляет совместное предприятие компаний *Qatar Petroleum* (доля в проекте — 65%), *Total* (10%), *ExxonMobil* (10%), *Mitsui* (7,5%) и *Marubeni* (7,5%) (обе японские).

³⁰ Компания создана в 2001 г. при участии *Qatar Petroleum* (70%) и *ExxonMobil* (30%).

³¹ <http://www.qatargas.com.qa/English/AboutUs/Pages/default.aspx> (последнее посещение — 27 апреля 2013 г.).

³² Gas to Liquids. Topic paper № 9. Working Document of the NPC Global Oil & Gas Study. July 18, 2007. http://www.npc.org/Study_Topic_Papers/9-STG-Gas-to-Liquids-GTL.pdf (последнее посещение — 27 апреля 2013 г.).

³³ Oryx GTL and the GTL sector. *International Gas* (magazine of the International Gas Union). 2007, April. P. 127. <http://www.igu.org/knowledge/publications/mag/apr07/p126-150.pdf> (последнее посещение — 27 апреля 2013 г.).

Э
И
Л
А
Н
А

³⁴ *Qatar Petroleum*, а также совместное предприятие южноафриканской *Sasol* и американской *Chevron* подписали Меморандум о взаимопонимании касательно расширения суточной мощности завода *Oryx GTL* до 100 тыс. баррелей, что непременно потребует солидных вложений.

³⁵ Pearl GTL — an overview. http://www.shell.com/home/content/aboutshell/our_strategy/major_projects_2/pearl/overview/ (последнее посещение — 27 апреля 2013 г.).

³⁶ BP Energy Outlook 2030. London, January 2012. P. 31.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Бабаева М. В. Цит. соч. С. 16.

Владимир Шубин

ЗАЧЕМ ЮЖНОЙ АФРИКЕ БРИКС И ЗАЧЕМ БРИКСУ ЮЖНАЯ АФРИКА

Пятый саммит БРИКС, прошедший в марте 2013 г. в южноафриканском Дурбане, завершился вполне предсказуемо. Он закрепил *африканский* вектор интересов стран — участниц БРИКС, а также положил начало переговорам по созданию совместного банка развития группы. Для страны — хозяйки саммита — ЮАР — факт его проведения предоставил возможность всерьез сделать заявку на роль *ворот в Африку* и тем самым нарастить политический вес перед лицом других претендентов на континентальное лидерство, в частности Нигерии. С этим же прицелом Преторией был организован диалог лидеров стран *БРИКС–Африка*.

Можно констатировать, что ЮАР окончательно включилась в работу БРИКС, доказав при этом, что она не является *довеском* и способна предложить другим участникам группы интересную повестку. В свою очередь, именно на южноафриканском саммите страны БРИКС приступили к разработке направлений деятельности, которые обладают действительно глобальным потенциалом. Именно поэтому здесь стоит задаться вопросом о роли и политической стратегии ЮАР в рамках БРИКС.

23 декабря 2010 г. министру международных отношений и сотрудничества ЮАР Маите Нкоана-Машабане позвонил министр иностранных дел КНР Ян Цзечи и сообщил, что его страна как председатель форума БРИК на основе согласия, достигнутого всеми членами — Бразилией, Россией, Индией и Китаем, приглашает ЮАР вступить в эту группу. Он информировал также, что председатель КНР Ху Цзиньтао приглашает южноафриканского президента Джекоба Зуму на третий саммит БРИК, который должен был состояться в Китае в апреле 2011 г.¹

Многие наблюдатели связывают вступление Южной Африки в БРИК (и соответственно превращение его в БРИКС) с действиями Пекина. Приглашение ЮАР не могло не прийти из столицы Китая, поскольку именно эта страна тогда председательствовала в БРИК. Что же касается возникновения *группы*, то хотя термин впервые был употреблен еще в 2001 г. Джимом О'Нилом, экономистом банка *Голдман Сакс*, первый шаг на пути создания *форума* четырех стран был сделан, когда в сентябре 2006 г. по инициативе президента России во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялась встреча министров иностранных дел четырех стран, а первая их встреча за пределами Нью-Йорка состоялась в мае 2008 г. в Екатеринбурге².

БРИК БЕЗ «С»

Начало процесса, приведшего к созданию БРИК, можно найти скорее не в термине, появившемся в структурах компании *Голдман Сакс*, а в идее, высказанной Е. М. Примаковым в бытность его премьер-министром во время визита в Индию в 1998 г. Он говорил тогда о возможности создания стратегического треугольника «Москва–Пекин–Дели». И хотя первоначально эта идея была многими воспринята скептически, не будет преувеличением считать, что по существу она сейчас реали-

А
Н
А
Л
И
З

зается, если даже конфигурация группы другая — треугольник, состоящий из России, Индии и Китая, сейчас превратился в пятиугольник БРИКС.

БРИК — это не первый (да, наверное, и не последний) форум, объединивший страны различных континентов на неформальной основе. Однако не будет преувеличением сказать, что БРИК заметно выделился из их числа. Основу его влияния на международной арене составили растущая экономическая мощь государств-участников, их важная (а по ряду показателей — незаменимая) роль в мировых демографических и природных ресурсах, равно как и участие в нем двух постоянных членов Совета Безопасности ООН (России и КНР).

Включение в группу, состоящую из стран с так называемыми *формирующимися экономиками* — Бразилии, России, Индии и Китая, было вполне в русле внешней политики ЮАР. Важным ее направлением является участие в формировании ядра *незападных* стран. В июне 2003 г. министры иностранных дел Индии, Бразилии и Южной Африки на встрече в Бразилиа объявили о создании Форума ИБСА (IBSA, сокращение от India, Brazil and South Africa). При этом в Претории явно рассчитывали на его расширение, два года спустя один из членов южноафриканского кабинета говорил автору, что ЮАР надеется привлечь Китай, а через Китай и Россию³.

Однако когда через шесть лет в Екатеринбурге состоялся саммит другой группы — БРИК, как раз с участием Китая и России, в нее вошли лишь два члена ИБСА — Индия и Бразилия, а Южная Африка оказалась *за бортом*. Это вызвало разочарование в ЮАР, как в СМИ, так и в правительственных и академических кругах. Так, генеральный директор департамента торговли и промышленности Тшедисо Мато-на заявил, что «департамент международных отношений и сотрудничества должен заняться этим. Мы должны быть в этом клубе. Мы принадлежим ему»⁴. Своеобразно на случившееся отреагировал сотрудник южноафриканского Института глобального диалога Френсис Корнегей, африкано-американский исследователь, долгие годы живущий и работающий в ЮАР. Он писал: «Маргинализация Южной Африки БРИКом означает маргинализацию Африки во всех вопросах, связанных с условиями сотрудничества Юг–Юг и будущим таких инициатив, как Трехсторонний форум Индия–Бразилия–Южная Африка (ИБСА). Действительно, с африканской точки зрения, исключение Южной Африки из БРИК может затруднить природу и динамику всего понятия сотрудничества Юг–Юг до такой степени, что концептуально поставит под вопрос выражение глобальной сплоченности Юга». Более того, не приведя никаких аргументов, он назвал Россию «главным виновником в этом заговоре»⁵.

На деле же, если говорить о *виновниках*, то скорее приходится назвать саму ЮАР. Дело в том, что в течение двух с лишним лет, предшествовавших первому саммиту БРИК, Претория не проявляла заметного интереса к этому форуму. Вопрос о вступлении ЮАР был поднят лишь после инаугурации нового президента Джекоба Зумы, то есть за три-четыре недели до встречи в Екатеринбурге⁶. Однако в то время, вероятно, члены группы полагали, что ставить вопрос о ее расширении еще слишком рано.

Тем не менее руководство этой страны было полно решимости войти в состав группы, и об этом публично заявили и президент ЮАР, и министр международных отношений и сотрудничества Маите Нкоане-Машабане. Почему же ЮАР так стремилась вступить в БРИК?

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЮАР: ДОРОГА В МИР

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть прежде всего принципы внешней политики этой страны и ее практические действия на международной арене. Эти принципы в своей основе были сформулированы еще в Хартии свободы, принятой в 1955 г. и ставшей программным документом правящего в ЮАР Африканского национального конгресса Южной Африки (АНК). Она, в частности, провозглашала стремление к миру и дружбе; уважение суверенитета всех наций; приверженность миру во всем мире и переговорам как средству разрешения международных споров; право всех народов Африки на независимость и самоуправление.

В течение трех десятилетий, с 1960 по 1990 г., когда АНК был под запретом, его руководство было вынуждено находиться за пределами страны — это способствовало установлению им широких международных связей. К началу 1990-х гг. АНК имел больше зарубежных представительств, чем правительство Национальной партии в Претории.

Незадолго до первых всеобщих выборов в ЮАР президент АНК Нельсон Мандела опубликовал статью в журнале *Foreign Affairs*, в которой были обозначены основные направления внешнеполитического курса будущей демократической ЮАР⁷. В ней подчеркивалось, что вопросы современных международных отношений и прав человека выходят за рамки политических, включая как экономические, социальные, так и экологические аспекты, и что справедливое и долгосрочное решение проблем, стоящих перед человечеством, возможно только посредством распространения демократических принципов.

Во взаимоотношениях друг с другом страны должны руководствоваться основополагающими принципами международного права. Мир — единственная цель, к которой должно стремиться все человечество, а в случае его нарушения урегулирование должно осуществляться только мирными средствами. Интересы Африканского континента должны найти отражение во внешнеполитических целях Южной Африки, экономическое развитие которой зависит от растущего регионального и международного сотрудничества в современном взаимозависимом мире⁸.

Уже первое демократическое правительство ЮАР, созданное в мае 1994 г., определило широкомасштабные внешнеполитические цели. Декларированные в выступлениях и заявлениях руководства МИД ЮАР⁹, они включали:

- преобразование органов внешней политики, безопасности, включая подготовку внешнеполитических кадров для обеспечения государственных приоритетов в области внешней политики;
- обеспечение признания ЮАР мировым сообществом и установление отношений с другими государствами;
- создание благоприятного имиджа ЮАР в мире;
- расширение и диверсификация торгово-экономических отношений и привлечение иностранных инвестиций;
- привлечение внимания международного сообщества к уважению и соблюдению прав человека и демократии;
- содействие международной безопасности и стабильности (включая предотвращение международной преступности и контроль над ней);
- приоритет интересов и развития Африки;
- укрепление отношений между развивающимися странами, продвижение их интересов в международных организациях и изменение отношений между развивающимися и развитыми странами.

Как видно из сказанного выше, приоритетом демократической ЮАР в двусторонних связях создания были страны Африки, однако немало внимания уделялось и развивающимся странам в целом — странам *глобального Юга*, в том числе и тем, которые позднее составили форум БРИК.

ЮАР И ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ

Индия. С Индией Южная Африка имела традиционные исторические связи. Обе страны были колониями в составе Британской империи, что способствовало появлению в ЮАР многочисленной индийской диаспоры, многие представители которой впоследствии участвовали в движении против апартеида. В ЮАР начинал свою политическую деятельность Махатма Ганди, образование там политической орга-

низации индийского населения по образцу Индийского национального конгресса повлияло впоследствии на создание АНК.

Еще в 1946 г. по просьбе Индии в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН был включен вопрос о дискриминационной политике правительства ЮАС. Индия одной из первых ввела санкции против ЮАР, активно поддерживала АНК. В Дели с 1967 г. действовало представительство АНК, руководителем которого был будущий министр иностранных дел ЮАР Альфред Нзо.

Дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены в ноябре 1993 г., когда в ЮАР в основном уже было достигнуто соглашение о политическом урегулировании. После устранения режима апартеида отношения между ЮАР и Индией успешно развиваются во многих областях, включая вопросы обороны и, в частности, обеспечения региональной безопасности в бассейне Индийского океана¹⁰.

Выступая за укрепление экономических связей с Южной Африкой, индийские представители подчеркивают, что хотят строить их на этической основе, способствуя созданию рабочих мест и совершенствованию трудовых навыков местных рабочих¹¹.

КНР. Более противоречивой является история отношений ЮАР с КНР. Режим Претории установил дипломатические отношения с Тайванем в 1949 г. и активно поддерживал связи с ним как с еще одним *государством-парией*, в то время как АНК еще в 1950-х гг. установил связи с КНР, и именно в Китае в 1961–1962 гг. прошла военную подготовку первая группа южноафриканцев. Однако в обстановке усиления советско-китайских разногласий Пекин, считавший, что АНК слишком близок к его конкуренту, на два десятилетия заморозил свои отношения с этой организацией. В то же время, судя по многочисленным сообщениям, сохранялись торгово-экономические связи Китая с ЮАР, хотя еще в 1960 г. было заявлено об их прекращении. Лишь когда лидирующая роль АНК в освободительной борьбе стала очевидной, КНР возобновила с ним сотрудничество.

Эти обстоятельства сыграли свою роль, когда после смены правительства в Претории установление дипломатических отношений с Пекином надолго затянулось. Кроме того, сказались, очевидно, и наличие взаимовыгодных экономических связей с Тайванем, и предоставление им АНК значительных финансовых средств накануне выборов 1994 г.

Дипломатические отношения были установлены лишь 1 января 1998 г., и это дало сильный импульс всесторонних связей, прежде всего торговых. Если в 1994 г. товарооборот между двумя странами составил 900 млн долл.¹², в 1998 г. — 3 млрд долл., то в 2012 г. — уже 59,9 млрд долл.¹³.

Важной чертой этих связей является регулярный обмен визитами высших руководителей двух стран; во время последнего такого визита президента Джекоба Зумы в Пекин в 2010 г. была подписана декларация о всестороннем стратегическом партнерстве.

Бразилия. Дипломатические отношения между Южной Африкой и Бразилией были установлены в 1948 г., но активное развитие они получили (первоначально в виде политической поддержки АНК) лишь после падения в 1985 г. многолетней военной диктатуры в это стране, и особенно после прихода к власти в 2003 г. президента Луиса Инасио Лула да Силва. Уже во время своего первого срока на этом посту он дважды посетил ЮАР.

Отношения успешно развиваются в целом ряде областей, таких как подготовка военных кадров, борьба со СПИД/ВИЧ, торговли на справедливых условиях, земельной реформы.

ЮАР И РОССИЯ

История отношений ЮАР с Россией достаточно хорошо известна. Напомним только, что в течение трех десятилетий Советский Союз оказывал АНК разносторон-

ною помощь, значение которой возрастало от того, что нередко другие не могли или не хотели ее предоставить¹⁴.

Однако в последние годы правления Горбачева и в печально известный *kozyревский* период нашей дипломатии им был нанесен серьезный ущерб торопливыми и ничем не обоснованными шагами по установлению связей с уже уходящим с политической сцены режимом Претории. Без консультаций с АНК в ноябре 1991 г. с ЮАР были установлены консульские, а в феврале 1992 г. — дипломатические отношения; в июне 1992 г. Ельцин принимал в Кремле Ф. де Клерка по существу вместо Н. Манделы, который смог прибыть в Москву только семь лет спустя.

Положение стало изменяться в лучшую сторону, когда стало совершенно ясно, что именно АНК встанет во главе новой Южной Африки, и ко времени смены власти в ЮАР потепление отношений стало явным. В 2000 г. был парафирован двусторонний Договор о дружбе и партнерстве, хотя ушло еще шесть лет до его подписания в 2006 г. во время визита президента В.В. Путина в Кейптаун.

Таким образом, ко времени создания БРИК Южная Африка имела дружественные отношения со всеми странами, входившими в его состав. И когда руководство ЮАР поставило своей целью войти в его состав, это позволило президенту Джекобу Зуме в сравнительно короткие сроки совершить поездки во все эти страны и встретиться с их лидерами.

Charm Offensive

Эти поездки получили в южноафриканских СМИ название *наступление путем очарования*¹⁵. Первая из них состоялась в форме визита в Бразилию в апреле 2010 г. и была приурочена к очередному саммиту форума ИБСА. Почти одновременно с ним проходил и саммит БРИК, так что Зума имел возможность обсудить интересовавшие его вопросы не только с лидерами Бразилии и Индии, но и с председателем КНР Ху Цзиньтао¹⁶. В июле того же года еще один визит в ЮАР нанес президент Бразилии, совместив его с присутствием на победном для своей страны чемпионате мира по футболу. В ходе визита были подписаны Декларация о стратегическом партнерстве, а также Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области межправительственных отношений¹⁷.

Вслед за Бразилией, в начале июня 2010 г. Зума посетил с государственным визитом Индию, а в августе — с официальным визитом Москву. На пресс-конференции после переговоров Д. А. Медведев фактически выступил в поддержку вступления ЮАР в БРИК, заявив: «Мы понимаем, что на самом деле участие Южно-Африканской Республики в обсуждении целого ряда вопросов, которые сегодня мы обсуждаем в формате БРИК, было бы весьма и весьма продуктивным с учетом того, что это новый формат. Он представляет быстро развивающиеся экономики, к числу которых относятся и экономика Южно-Африканской Республики, но при этом сделал оговорку о необходимости учета «мнений и подходов, которые существуют у других государств, которые сегодня составляют этот форум»¹⁸.

Подход других членов группы был не менее благожелательным. Прибыв в Китай в конце августа 2010 г. с государственным визитом, президент ЮАР публично заявил в Пекине: «Мы верим, что группа примет положительное решение [о приеме Южной Африки. — В. Ш.]»¹⁹. Кроме того, была принята декларация о всестороннем стратегическом партнерстве между двумя странами²⁰.

Несомненно, Зума сделал свое заявление, получив заверения от китайской стороны. Также в августе 2010 г. о поддержке вступления Южной Африки в БРИК открыто заявили индийские представители²¹. В свою очередь в заявлении МИД Бразилии говорилось: «Южная Африка внесет важный вклад в группу [БРИК] из-за важности ее и конструктивных политических действий и преданности вопросам, касающимся Африки, на международной арене»²².

Наступление шло и на других уровнях. В 2009 г. министр Маите Нкоана-Машабане в письмах своим коллегам из стран БРИК подняла вопрос о возможности принятия ЮАР. Затем во время визита в Пекин в феврале 2010 г. она для поддержки заявки своей страны искусно использовала нюансы английского языка, сходство по произношению слова «brick» (кирпич) и «BRIC»: «Если вы хотите построить дом, то нужен не один кирпич», добавив, что ЮАР «могла бы добавить энергии группе БРИК»²³.

Все это привело к тому, что ко времени проведения саммита *двадцатки* в ноябре 2010 г. в г. Сеуле вопрос о принятии ЮАР был предрешен. Это позволило тогдашнему президенту РФ Д.А. Медведеву заявить на состоявшейся пресс-конференции: «К БРИК есть ряд обращений с предложениями расширить список участников, в частности от ЮАР. Мы положительно воспринимаем такого рода обращения», добавив: «Это единая позиция всех стран»²⁴.

МОТИВАЦИИ ЮАР ДЛЯ ВСТУПЛЕНИЯ В БРИК

Рассмотрим теперь причины того, что ЮАР настойчиво стремилась вступить в эту группу развивающихся стран. По словам Мандиси Мпахлы, посла ЮАР в России (и бывшего министра торговли и промышленности, а затем экономического советника Зумы) с самого начала эта страна «видела в этом механизме больше, чем большинство комментаторов»²⁵. Как бы отвечая на упреки, что ЮАР по своим размерам нельзя отнести к числу *восходящих стран-гигантов*, как нередко называют страны БРИК, посол заявил, что никогда не было вопроса «об объеме экономики, численности населения или размере территории стран — членов БРИК»²⁶.

Южноафриканские представители подчеркивали, что БРИК рассматривался ими не только как потенциальная сила, которая «возникнет, чтобы поделить центральную сцену с ведущими экономическими державами». Для Претории (точнее для Тшване, поскольку *старая* Претория стала лишь частью *метрополии* с таким названием) БРИК являлся «ассоциацией согласных между собой стран с репутацией независимых и преданных реформированию глобальных структур, принимающих решения».

Они видели в БРИК не только объединение экономически быстроразвивающихся стран, но и потенциально политическую и моральную силу перемены ради создания справедливого мира, ценности и чаяния которого ЮАР разделяет²⁷.

Можно с уверенностью сказать также, что руководство ЮАР привлекало и то обстоятельство, что члены группы стремились одновременно поддерживать отношения с традиционными центрами силы, развивать разносторонние связи со США и членами ЕС. Поэтому вступление ЮАР в БРИК не могло нанести ущерб другим направлениям ее внешней политики.

Естественно, что в тот период возникал вопрос о совместимости членства ЮАР в ИБСА и ее намерением войти в состав БРИК. Министр Нкоана-Машабане в своем заявлении по случаю приглашения ЮАР в БРИК высказал мнение, что ИБСА лишь усилится со вступлением ЮАР в БРИК, и что разносторонние цели внешней политики позволяют обеим группам сосуществовать. «Мы верим, что мандаты БРИК и ИБСА совместимы»²⁸.

Интересное мнение о соотношении этих двух форумов высказал посол Мпахла. По его словам, если ИБСА является «объединением того, что исторически рассматривалось как Юг, БРИК благодаря участию России как страны первого мира — это мост между Севером и Югом»²⁹. Однако определение России как *страны первого мира* вызывает сомнение. Представляется, что различие скорее в том, что форум ИБСА был создан на несколько лет раньше и имеет более развитую структуру. Поэтому для ЮАР (так же, как и для Индии и Бразилии) было бы ошибкой закрыть его, по крайней мере, до того как БРИК будет основательно структурирован.

Следует также отметить, что все страны БРИК являются ведущими экономическими державами в своих регионах. Это в полной мере относится и к ЮАР. Ее ВВП составляет четверть ВВП всего африканского континента, а производство элек-

троэнергии — более половины. Нередко забывают, что самый крупный инвестор в Африке — не США, Великобритания или Китай, а ЮАР.

В ЮАР надеются, что ее участие в БРИКС усилит сотрудничество других членов этой группы со странами африканского континента. Выступая в Санье во время первого саммита БРИКС с его участием, Джекоб Зума отметил, что для развития инфраструктуры Африки требуется 480 млрд долл. инвестиций, и призвал компании из других четырех стран объединиться с южноафриканскими в деле развития Африки³⁰. В этой связи рассчитывают, что начало осуществления секторальных проектов БРИКС будет связано с программой НЕПАД (Новое партнерство для развития Африки), принятой во многом по инициативе Южной Африки.

ЮАР ожидает развития координации в рамках БРИКС в ходе ведения переговоров в различных многосторонних органах, в том числе по вопросам реформы Бреттон-Вудских институтов, а также переговоров о более справедливой системе торговли. И действительно, синергетика между странами БРИКС должна позволить использовать возможности, которые каждая из них имеет, для общей пользы.

Нелишне предположить, что еще одной причиной вступления ЮАР в эту группу были соображения престижа. «Мы теперь являемся равными с другими архитекторами новой справедливой международной системы. [...] Есть единство цели в нашем разном образе, и именно это делает этот механизм уникальным и все более влиятельным», — так высказался президент ЮАР о принятии в БРИКС своей страны³¹.

ИТОГИ ВСТУПЛЕНИЯ

Новость о принятии в ЮАР в целом была воспринята положительно, если не сказать триумфально. Отражением этого стал и рост курса ранда к доллару, быстро достигший тогда высшей отметки за три года. Однако далеко не все в стране поддержали усилия по вступлению в БРИКС, причем критика была слышна с различных, иногда противоположных, позиций.

С одной стороны, еще в январе 2011 г. два южноафриканских экономиста, Милл Соко и Мзукиси Гобо (оба они получили докторские степени в британском Университете Уорвика) опубликовали статью под названием *Создавая больше стен, чем кирпичей*³². Ее содержание было довольно странным. Например, авторы поставили под сомнение включение в БРИК «разваливающееся российское государство», как если бы Россия сама не была инициатором его создания! Авторы статьи назвали БРИК *аморфной организацией* и даже заявили, что радость в ЮАР по случаю вступления в него является «оскорблением ее национальной гордости»³³.

Отпор таким инсинуациям дал доктор Сехларе Макгетланенг из Института Африки ЮАР. Поясняя преимущества вступления ЮАР в БРИК, он подчеркнул политические аспекты: «БРИК должен продвигаться к общей позиции по глобальным вопросам. Это будет иметь серьезные последствия для глобальной стратегии Соединенных Штатов и их стратегических союзников, особенно в Африке и в Индийском океане. [...] БРИК должен вместе с Южной Африкой как коллегой по организации повесить свой коллективный голос в международных отношениях»³⁴.

По меньшей мере сдержанное отношение к вступлению ЮАР в БРИК проявляют не только выпускники западных университетов. В одном из номеров за 2012 г. журнала *Thinker (Мыслитель)*, издаваемого доктором Эссопом Пахадом, который долгие годы был министром по делам президента и *правой рукой* президента Табо Мбеки, опубликована статья Айзека Монготси, окончившего УДН им. Патриса Лумумбы. Название ее тоже своеобразное — *Стратегическое видение или жажда власти?*³⁵. Она оставляет двойственное впечатление: автор отмечает «невероятно тяжелую работу» южноафриканских дипломатов по присоединению ЮАР к БРИК и называет этот шаг «лучшим дипломатическим моментом» для Джекоба Зумы, но затем делает упор

на серьезные разногласия между странами, входящими в эту группу. Пишет он и об «их одинаково жестокой и ненасытной схватке за сырье и долю рынка Африки»³⁶, и о «неразрешенном территориальном споре» между Китаем и Россией. Он полагает, что раздоры между некоторыми странами БРИКС могут «сбить с толку и разрушить дипломатию Южной Африки, если бдительность, хотя бы на мгновение, будет утеряна»³⁷.

Раздается критика вступления ЮАР в БРИК и с крайне левой части политического спектра. Так, профессор Патрик Бонд из Университета Квазулу-Наталь называет членов форума не иначе как *бриковскими субимпериалистами*, к каковым теперь он относит и ЮАР³⁸.

МОТИВАЦИЯ СТРАН БРИК ДЛЯ ВСТУПЛЕНИЯ ЮАР

Сообщение о предстоящем вступлении ЮАР в БРИК было неоднозначно встречено международными экспертами. Некоторые из них считали, что расширение группы должно было быть осуществлено за счет Индонезии, более крупной по сравнению с Южной Африкой страны с быстро растущей экономикой³⁹. Называли также Турцию и Мексику, но большее внимание привлекал богатый ресурсами африканский континент.

Тот самый Джим О'Нил, который более десяти лет назад впервые употребил термин БРИК, ответил «нет», когда его спросили, должна ли ЮАР быть принята в состав группы⁴⁰. По его мнению, она была слишком мала, чтобы вступить в БРИК⁴¹, и противопоставил ей имеющую реальный потенциал Нигерию⁴². О'Нил писал: «Для Южной Африки это явно хорошая новость, но мне не вполне ясно, почему страны БРИК дали свое согласие». Хотя тут же высказал предположение, почему это было сделано: «Южная Африка правильно считает себя ведущей возникающей страной, и это объясняет их мотив»⁴³.

Что касается экономики, Южная Африка — одна из более богатых стран в Африке и она является наибольшей [по ВВП] с 408 млрд долл.⁴⁴ Но ВВП России — свыше 2100 млрд долларов, в пять раз больше чем у ЮАР, ВВП Индии близок к российскому, в то время как ВВП Бразилии составляет свыше 2600 млрд долл., а Китая — свыше 7700 млрд.⁴⁵ Ниже этот показатель у ЮАР и по сравнению с другими кандидатами в состав БРИК: Индонезией, ВВП которой 847 млрд, Мексикой — 1155 млрд, Турцией — 773 млрд, и Южной Кореей — 1116 млрд.⁴⁶

Однако размер ВВП явно не был основным критерием для приглашения ЮАР в БРИК. Представляется, что одной из причин такого решения было желание *ликвидировать разрыв* в географическом смысле, распространить этот форум на все континенты. Теперь уже не вызывает сомнения, что Африка отнюдь не является *черной дырой* и что поступательно движение человечества невозможно без участия Африки. Более того, становится все яснее, что дело не только в природных ресурсах континента, но и в человеческом капитале, составляющем 1 млрд, и в способности его к переменам.

ЮАР, несомненно, является ведущей страной континента. Кроме развитой экономики, следует отметить важнейший вклад этой страны в достижение мира и безопасности в Африке, будь это путем выделения сил для миротворческих операций или выполнения функций посредника на переговорах по урегулированию конфликтов.

Еще одно преимущество ЮАР заключается в том, что превосходная инфраструктура позволяет ей играть роль *ворот* при продвижении товаров и инвестиций в другие страны Африканского континента. И, наконец, что не менее важно, страна, которая избавилась от режима апартеида и создала подлинно демократическое общество, обладает весомым моральным авторитетом во всем мире.

Есть и еще один аспект, заслуживающий внимания — оборонительный. Хотя пока он не *высвечивается* в документах БРИКС, за исключением встреч должностных лиц, ответственных за вопросы безопасности, его потенциальное значение трудно

переоценить. В статье «БРИК к БРИКС и южноафриканские военные» Антон Крюгер, консультант Института изучения проблем безопасности в Претории, отмечал, что ЮАР необходимо увеличить расходы на оборону, чтобы быть на равных (не по их величине, конечно) с другими членами этой группы. Наряду с обязательствами ЮАР по миротворчеству в рамках Африканского союза, автор статьи особо выделяет уникальное положение этой страны «на трех важнейших морских путях с Запада на Восток». По его мнению, этот факт и ресурсы ЮАР «позволят БРИК успешнее конкурировать с семеркой по глобальным вопросам»⁴⁷.

Представители ЮАР приняли активное участие в четвертом саммите БРИКС, состоявшемся в Дели 29 марта 2012 г., в предшествовавших ему секторальных встречах, а также в форуме экспертных центров. Выступая после окончания встречи Джекоб Зума подчеркнул, что ЮАР представляет в БРИКС весь африканский континент, и особо отметил, что БРИКС — это место, где «к Африке относятся с уважением. К нашим взглядам наши партнеры относятся как равные. Не возникает чувства, но некоторые люди смотрят на Африканский континент сверху вниз»⁴⁸.

САММИТ В ДУРБАНЕ

В Дели было подтверждено, что следующий, пятый, саммит БРИКС состоится в Южной Африке, и проведен он был 26–27 марта 2013 г. в городе Дурбане, в родной для президента Джекоба Зумы провинции Квазулу-Наталь.

Выше уже говорилось о стремлении ЮАР привлечь других участников этого форума к более широкому сотрудничеству со странами континента, подтвердить свою роль ворот в Африку. По предложению южноафриканского руководства саммит состоялся под девизом «БРИКС и Африка: партнерство в целях развития, интеграции и индустриализации». По его итогам были не только приняты Этеквинская декларация и Этеквинский план действий (Этеквини — название метрополии, в состав которой входит Дурбан), но и в присутствии лидеров БРИКС подписан ряд соглашений, в том числе о софинансировании инфраструктурных проектов в Африке. В рамках многостороннего сотрудничества был создан Деловой совет БРИКС и объявлено об учреждении Консорциума экспертных центров стран этой группы⁴⁹.

По инициативе ЮАР в рамках саммита была также проведена встреча лидеров стран БРИКС с главами государств и правительств, возглавляющими африканские континентальные и региональные организации и их непосредственными руководителями, включая председателя Комиссии Африканского союза южноафриканку Нкосазану Дламини-Зума.

В целом, результаты последнего саммита БРИКС в Дурбане для ЮАР можно признать удовлетворительными, с точки зрения ее стратегии. Однако здесь надо разделить экономическую и политическую плоскости.

В экономическом плане итоги признаются вполне позитивными, и такую оценку дают в первую очередь представители южноафриканского бизнеса. Судя по всему, Южно-Африканская Республика морально готова к использованию китайского юаня в качестве резервной валюты, что находит поддержку в среде южноафриканских банкиров⁵⁰. Вопрос об этом поставило увеличение товарооборота с Китаем до 300 млрд долл. (40% всей внешней торговли ЮАР). К тому же южноафриканцы не оставили без внимания тот факт, что Нигерия, главный конкурент Южной Африки на континенте, уже начала использование юаня в своей банковской системе.

Также представители бизнеса ЮАР высоко оценивают достигнутые договоренности в области экономического сотрудничества. В числе приоритета они особо выделяют сферу строительства и инфраструктуры, где ЮАР серьезно отстает от других участников БРИКС (ежегодные вложения южноафриканцев в строительство составляют 30 млрд долл., в то время как у России этот показатель составляет 100 млрд долл., у Индии и Бразилии — 150 и 160 млрд долл. соответственно, а у КНР — рекордные 930 млрд долл.)⁵¹. Другими словами, ЮАР стремится исполь-

звать БРИКС в качестве *локомотива* своего экономического развития с явным желанием конвертировать результаты такого развития в сильные экспортные позиции на африканском континенте, следствием чего должно стать и политическое усиление государства.

Правда, не стоит сильно отмахиваться от мнения скептиков, сравнивающих направление, в котором идет хозяйство ЮАР, с тем, что гораздо раньше произошло в Конго, и характеризующих его состояние как *экономический поцелуй смерти*⁵².

Что касается сугубо политической плоскости, то здесь оценки результатов встречи БРИКС в Дурбане достаточно сдержанные. Вряд ли итоговую декларацию можно всерьез назвать вызовом западной неолиберальной модели, как делает британская газета *Guardian*⁵³. Скорее, она отражает компромисс участников группы на базе более или менее общего видения существующих проблем.

Во-первых, на собственно африканском направлении ЮАР (как, в общем-то, и остальным участникам БРИКС) придется решать проблему дисбаланса, когда страны *пятерки* имеют более развитые двусторонние отношения с государствами Африки, чем совместный подход к делам на континенте⁵⁴.

Во-вторых, как заметила Мемори Дьюб, старший научный сотрудник Южно-Африканского института по международным делам [South African Institute for International Affairs], страны БРИКС нуждаются в выработке общих для группы правил поведения на международной арене⁵⁵. Вместе с тем данная проблема осознается всеми странами-участницами, более того, декларируемая БРИКС приверженность в своей международной деятельности принципам ООН уже является весомым свидетельством общности политического мировоззрения участников.

В-третьих, объективные проблемы, затрудняющие эффективность деятельности Южной Африки в рамках БРИКС, диагностируются внутри самого этого государства. И снова скептиков не следует игнорировать: они считают, что избыточный бюрократизм мешает ЮАР выработать и реализовать эффективную стратегию, зато позволяет предаваться мечтам о такой стратегии⁵⁶.

Вместе с тем участие ЮАР в БРИКС нацелено на решение указанных проблем и предотвращение окончательного *сползания* республики на международную периферию. В то же время страны БРИКС нуждаются в Африке как в предсказуемом партнере, на которого можно опереться, и, кроме ЮАР, претендовать на эту роль по сути никому.

ЗАДАЧИ ДЛЯ РОССИИ

Не меньшее значение, чем участие в саммите БРИКС, имел и рабочий визит (хотя и весьма краткий) российского президента В.В. Путина в ЮАР в марте 2013 г. накануне самого саммита. Он обозначил новый этап развития двусторонних связей России и ЮАР.

В принятой тогда совместной декларации устанавливается всеобъемлющее стратегическое партнерство между Россией и ЮАР. Это партнерство включает как взаимные политические обязательства (регулярные консультации по региональной и международной безопасности; координация действий на мировой арене), так и широкий спектр научно-технического и экономического взаимодействия⁵⁷.

Декларация, а также подписанные в ходе встречи межведомственные документы, призваны придать новый импульс двусторонним связям, тем более что в них определены и направления сотрудничества, и конкретные меры по его осуществлению⁵⁸.

В этой связи для российских компаний особо благоприятные возможности возникают благодаря проектам создания современной инфраструктуры в Африке. Сочетание научно-технического потенциала нашей страны и ее положительно-го восприятия на континенте Африки с детальным знанием африканских реалий и методов работы там южноафриканцами создает уникальную синергетику.

Однако не остается в стороне и углубление политического сотрудничества, нахождение взаимопонимания по острым международным проблемам. Как известно, ЮАР заняла первоначально по Ливии позицию, отличную от других стран БРИКС, но впоследствии ее руководство и, особенно, президент Зума приложили немало усилий в попытках достичь политического урегулирования.

Более того, в мае 2013 г. южноафриканский президент совершил ответный визит в Сочи, где обсудил с В.В. Путиным вопросы координации усилий двух стран по сирийскому вопросу в рамках Совбеза ООН. Но, пожалуй, более важно для внешнеполитической стратегии Южно-Африканской Республики, что Джекоб Зума на сочинской встрече договорился о приглашении на саммит G20 в Санкт-Петербурге африканских представителей, которые являются партнерами ЮАР по Африканскому союзу и Новому партнерству для развития Африки⁵⁹.

Представляется, однако, что стимулированное вступлением ЮАР в БРИКС развитие всесторонних связей между нашими странами невозможно без углубления знаний друг о друге, без налаживания взаимной информации. В целом есть основания полагать, что проведенные в Дурбане встречи будут способствовать лучшему пониманию в России важности БРИКС и ее нового участника — Южной Африки. Хотелось бы надеяться, что в России будут более внимательно относиться к этой дружественной нам стране и роли, которую она играет на международной арене. К сожалению, нам тут особенно похвастаться нечем.

Приведу лишь один пример. Газета *Ведомости* опубликовала интервью с бразильским ученым, работающим в США. Заголовок его сам по себе примечателен: «Россию нельзя исключать из БРИК». Но еще больше недоумения вызывает предисловие к интервью, написанное сотрудниками газеты. Сокрушаясь о том, что «прочность термина БРИК [...] несколько поколебалась», они связывают это с тем, что «ЮАР имеет виды на то, чтобы присоединиться к Бразилии, России, Индии и Китаю в этой группе...»⁶⁰. И написано это было через год после вступления Южной Африки в БРИКС!

С другой стороны, к сожалению, о нынешней России в ЮАР знают еще меньше, а мы мало чего сделали для изменения ситуации к лучшему. Достаточно сказать, что за 19 лет после смены власти в этой стране там так и не было создано российского культурного центра.

Однако интерес к России растет, причем это непосредственно связано с тем, что две страны оказались *в одной лодке* БРИКС. Например, в упомянутом выше журнале *Thinker* была опубликована статья Язани Эйприл, исследовательницы из Института Африки ЮАР, «Интересы России в БРИКС. Как это должно повлиять на южноафриканскую дипломатию?»⁶¹. В ней содержатся благожелательная и в то же время реалистичная оценка роли и возможностей нашей страны и конкретные предложения по развитию двусторонних связей. Интересный проект по изучению политики России в Африке осуществляется южноафриканским институтом международных отношений совместно с учеными Института Африки РАН. О важности глубоких знаний друг о друге говорил в недавней беседе с автором заместитель президента ЮАР Кхалема Мотланте⁶².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, создание форума БРИК было созвучно с важнейшими целями внешней политики ЮАР. Хотя первоначально эта страна и не вошла в его состав, руководство Южной Африки сделало все, чтобы добиться этого. Лидеры других четырех стран пошли ему на встречу, сознавая, что, превращаясь в БРИКС, эта группа становится поистине глобальной, представляя все континенты, не говоря уже о ведущей роли ЮАР на Африканском континенте и ее моральном весе.

Представляется, что в обозримом будущем речи не пойдет о расширении БРИКС, хотя в его состав просится не одна страна. Скорее, будут предприняты шаги

по постепенной институционализации этой группы и прежде всего по разработке, научной оценке и долгосрочной стратегии БРИКС, естественно, при активном участии Южной Африки.

Однако приходится признать, что ранее за обменом визитами лидеров России и стран Африки далеко не всегда следовало реальное выполнение намеченных планов и даже подписанных документов. Сказывалось отсутствие должной координации действий между государственными органами и, особенно, между ними и коммерческими организациями, а называя вещи своими именами — отсутствие должного контроля первых над вторыми.

Хочется надеяться, что на этот раз за правильными и важными словами последуют конкретные дела. 🇷🇺

Примечания

¹ Minister Nkoana-Mashabane on SA full membership of BRICS. International Relations and Cooperation Department. 2010, 24 December. <http://www.dfa.gov.za/docs/2010/brics1224.html> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).

² Крамаренко М. Россия и становление диалогового механизма в формате БРИК. 2009, 21 января. <http://www.mid.ru/> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).

³ Беседа автора с членом кабинета ЮАР. г. Претория. 2005, 26 апреля.

⁴ Francis Kornegay. South Africa excluded as an emerging economic power? *News from Africa*. 2009, 28 June. http://www.newsfromafrica.org/newsfromafrica/articles/art_11630.html (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).

⁵ Ibid.

⁶ Беседа автора с Э. Малокой, специальным советником министра международных отношений и сотрудничества ЮАР. г. Претория. 2012, 31 марта.

⁷ Проект статьи был подготовлен в Центре исследований Юга Африки в Университете Западного Кейпа. Автор тогда работал в этом Центре.

⁸ Nelson Mandela. South African Foreign Policy. *Foreign Affairs*. Vol. 73. N 5. P. 86–97.

⁹ 1) Republic of South Africa (RSA), Debates of Parliament (National Assembly). 1994, 27 May; 2) RSA, Debates of Parliament (National Assembly), 1995, 8 August; 3) RSA, Debates of Parliament (National Assembly). 1996, 15 May.

Address by Mr. JS Selebi, Director General of the Department of Foreign Affairs, to the South African Institute of International Affairs (SAIIA). South African Government Information. 1999, 18 мая. <http://www.info.gov.za/speeches/1999/9905191044a1005.htm> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).

¹⁰ Pham P. The Indian Tiger's African Safari. *World Defense Review*. 2007, 19 July. <http://worlddefensereview.com/includes/pham071907pr.html> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).

¹¹ India committed to expand and diversify trade with Africa: *Anand Sharma*. 2009, 22 August. <http://www.thaindian.com/newsportal/india-committed-to-expand-and-div> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).

¹² *Financial Times, London*. 1995, 13 February.

¹³ New leader's African trip highlights China's influence on continent. *Business Day*. 2013, 13 March. <http://www.bdlive.co.za/africa/africanbusiness/2013/03/21/new-leaders-african-trip-highlights-chinas-influence-on-continent> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).

¹⁴ Подробнее см.: Шубин В.Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М., 1999.

¹⁵ Zuma to step up BRIC charm offensive. *Fin24*. 2010, 2 August. <http://www.fin24.com/Economy/Zuma-to-step-up-BRIC-charm-offensive-20100802> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).

- ¹⁶ President Zuma concludes working visit to Brazil. *BuaNews Online*. 2010, 17 April. <http://www.buanews.gov.za/rss/10/10041814151002> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ¹⁷ Media statement by president JG Zuma on the occasion of the state visit to South Africa by his excellency president Luiz Inacio Lula da Silva of the Federative Republic of Brazil. *MyBroadband*. 2010, 9 July. <http://mybroadband.co.za/vb/archive/index.php/t-248517.html> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ¹⁸ Совместная пресс-конференция с президентом Южно-Африканской Республики Джейкобом Зумой. Президент России. 2010, 5 августа. <http://kremlin.ru/transcripts/8578> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ¹⁹ South Africa: Zuma Courts China to Back Nation's Bric Hopes. *Business Day*. 2010, 26 August. <http://allafrica.com/stories/201008260039.html> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ²⁰ China, South Africa upgrade relations to "comprehensive strategic partnership". *English News. Cn*. 2010, 24 August. http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2010-08/24/c_13460144.htm (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ²¹ India supportive to have South Africa join BRIC. *The Hindu*. 2010, 16 August. <http://www.thehindu.com/news/national/article573855.ece> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ²² Brazil welcomes South Africa's entry to BRIC. *People's Daily Online*. 2011, 1 January. <http://english.peopledaily.com.cn/90001/90777/90852/7248339.html> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ²³ Medvedev wants South Africa in BRIC. *The Hindu*. 2010, 6 August <http://www.thehindu.com/news/international/article553840.ece> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ²⁴ Медведев: БРИК положительно оценивает желание ЮАР присоединиться к группе. *Росбалт*. 2010, 12 ноября. <http://www.rosbalt.ru/main/2010/11/12/789138.html> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ²⁵ Statement by Ambassador Mandisi Mphahla of South Africa, Peoples' Friendship University, Moscow. International Relations and Cooperation Department. 2011, 18 May. <http://www.dfa.gov.za/docs/speeches/2011/mpah0518.html> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Minister Nkoana-Mashabane on SA full membership of BRICS...
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Address by President Jacob Zuma to the plenary of the third BRICS leaders meeting, Sanya, Hainan Island, People's Republic of China. International Relations and Cooperation Department. 2011, 14 April. <http://www.dirco.gov.za/docs/speeches/2011/jzuma0414a.html> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ³¹ Ibid.
- ³² *Mail and Guardian*. 2011, 7–3 January. <http://mg.co.za/> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid. 2011, 19 February.
- ³⁵ *The Thinker*. 2012, April. P. 60–62.
- ³⁶ Ibid. P. 61.
- ³⁷ Ibid. P. 62.
- ³⁸ Patrick Bond. So, Are Brics 'Sub-Imperialists'? *ZNet*. 2013, 30 March. <http://www.zcommunications.org/so-are-brics-sub-imperialists-by-patrick-bond> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ³⁹ Вспоминается, как во время поездки в ЮАР в 2009 г. видный южноафриканский экономист сказал мне, что, по мнению некоторых, группа должна называться БРИИК, при этом вторая буква «И» означала бы Индонезию.

З
И
Л
А
Н
А

- ⁴⁰ Matthew Tostevin. Should South Africa be a BRIC? *Reuters Blog*. 2010, 17 November. <http://blogs.reuters.com/africanews/2010/11/17/should-south-africa-be-a-bric/>(последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁴¹ SA and Nigeria battle for Bric status. *Business Report*. 2010, 14 December. <http://www.iol.co.za/business/markets/south-africa/sa-and-nigeria-battle-for-bric-status-1.1001039>(последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁴² Matthew Tostevin. Should South Africa be a BRIC?..
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта. Центр гуманитарных технологий. <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.) Данные на 2011 г.
- ⁴⁵ ВВП России и стран мира в 2012 г. *Деловая Жизнь*. <http://bs-life.ru/makroekonomika/vvp2012.html> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁴⁶ ВВП России и стран мира в 2011 г. *Деловая Жизнь*. <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁴⁷ Anton Kruger. From BRIC to BRICS and South Africa's military. *News on ISS Africa*. 2011, 27 May. http://www.iss.co.za/iss_today.php?ID=1289 (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁴⁸ Zuma taunts West, says Africa is treated with respect in BRICS. *Thaindian News*. 2012, 29 March. http://www.thaindian.com/newsportal/uncategorized/zuma-taunts-west-says-africa-is-treated-with-respect-in-brics_100608068.html (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁴⁹ Саммит БРИКС в Южно-Африканской Республике. Президент России. 2013, 27 марта. <http://kremlin.ru/news/17752> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁵⁰ Brics: SA needs a strategy that works for Africa. *Mail & Guardian*. 2013, 26 March. <http://mg.co.za/article/2013-03-26-brics-sa-needs-a-strategy-that-works-for-africa> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁵¹ Voice of Business: Brics a strong economic wind for SA's trade growth. *Business Day*. 2013, 31 March. <http://www.bdlive.co.za/opinion/2013/03/31/voice-of-business-brics-a-strong-economic-wind-for-sa-s-trade-growth> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁵² Cry the deluded country: the bulked-up briquette's lament. *Business Day*. 2013, 4 April. <http://www.bdlive.co.za/opinion/2013/04/04/cry-the-deluded-country-the-bulked-up-briquettes-lament> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁵³ The Brics are building a challenge to western economic supremacy. *The Guardian*. 2013, 2 April. <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2013/apr/02/brics-challenge-western-supremacy> (последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁵⁴ Brics: SA needs a strategy that works for Africa...
- ⁵⁵ Will the Fifth BRICS Summit be a Game-Changer? *The Diplomat*. 2013, 28 March. <http://thediplomat.com/the-editor/2013/03/28/will-the-fifth-brics-summit-be-a-game-changer/>(последнее посещение — 13 мая 2013 г.).
- ⁵⁶ Cry the deluded country: the bulked-up briquette's lament...
- ⁵⁷ Совместная декларация об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Южно-Африканской Республикой. Президент России. 2013, 26 марта http://news.kremlin.ru/ref_notes/1428 (последнее посещение — 13 мая 2013 г.)
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Заявления для прессы по итогам российско-южноафриканских переговоров. Президент России. 2013, 16 мая. <http://news.kremlin.ru/transcripts/18129> (последнее посещение — 17 мая 2013 г.).
- ⁶⁰ «Россию нельзя исключать из БРИКС», — Маркос Тройхо, содиректор исследовательского центра BRICLab при Колумбийском университете. *Ведомости*. 2012, 26 марта. http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/277973/rossiyu_nelzya_isklyuchat_iz_brik_markos_trojho_sodirektor (последнее посещение — 17 мая 2013 г.).
- ⁶¹ *The Thinker*. 2012, April. P. 46–50.
- ⁶² Беседа с К. Мотланте, Йоханнесбург, 21 апреля 2013 г.

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУ СЕУЛОМ И ГААГОЙ

Третий международный саммит по ядерной безопасности состоится в Гааге в 2014 г., предыдущий был в 2012 г. в Сеуле. Поэтому сегодня по прошествии времени и на полпути от Сеула к Гааге уместно осмыслить на свежую голову то, что есть в сухом остатке встречи в Корее и с чем мы будем выходить на разговор в Нидерландах.

Каковы итоги и нововведения Сеульского саммита по ядерной безопасности 2012 г.? Каковы перспективы развития атомной энергетики в России и в мире после трагедии в Фукусиме? Какие вопросы должны стать приоритетом повестки дня Гаагского саммита по ядерной безопасности 2014 г.? Какова роль образования в сфере ядерного нераспространения в деле укрепления глобальной ядерной безопасности? Какими должны быть основные направления двустороннего и многостороннего международного сотрудничества в сфере ядерной безопасности сегодня? Какова роль ядерной промышленности в укреплении стандартов ядерной безопасности? Наконец каково взаимоотношение между понятиями ядерной безопасности и физической безопасности?

В дискуссии приняли участие Григорий Берденников, посол по особым поручениям, МИД РФ; Сергей Воробьев, первый заместитель исполнительного директора МНТЦ; Наталья Зайцева, проектный менеджер Кластера ядерных технологий Фонда Сколково; Дмитрий Ковчегин, консультант ПИР-Центра; Владимир Кучинов, советник генерального директора ГК Росатом; Михаил Лысенко, директор департамента международного сотрудничества ГК Росатом; Виктор Муругов, профессор Национального исследовательского ядерного университета МИФИ; Владимир Орлов, президент ПИР-Центра; Пак Чжи Ын, советник посольства Республики Корея в Москве и другие¹.

ГРИГОРИЙ БЕРДЕННИКОВ (МИД РФ): Надо сказать, что сама идея саммита весьма удачная, в том числе с учетом тех трудностей, которые, как вы знаете, переживает многосторонняя дипломатия в области нераспространения и разоружения с середины девяностых годов. И в этой идее как раз заложена возможность достижения консенсуса среди широкой группы государств, которые никак не могут договориться на конференции по разоружению о том, что делать дальше после договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, или же договориться о дальнейшем укреплении ДНЯО с такими государствами, как Индия или, например, Пакистан.

ФИЗИЧЕСКАЯ ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КОНСЕНСУС КАК ОСНОВА ДВИЖЕНИЯ

БЕРДЕННИКОВ: Расскажу о том, что мы обсуждали в Сеуле в марте 2012 г. Заявленная тема — это ядерная безопасность. Здесь нужно понимать, в каком контексте эта ядерная безопасность имеется в виду. Это не та ядерная безопасность, о которой идет речь, например, в рамках СНВ. Это не ядерная стабильность. Это даже не безопасность ядерных реакторов. Это то, что по-английски называется *nuclear security*, а не *nuclear safety*.

Говоря языком МАГАТЭ, физическая ядерная безопасность (ФЯБ) — это предотвращение, обнаружение хищения, саботажа, несанкционированного доступа, незаконной передачи или других злоумышленных действий в отношении ядерных материалов, других радиоактивных веществ и связанных с ними установок и реагирование на такие действия. Вот определение ядерной безопасности, о чем речь шла как на саммите в Вашингтоне в 2010 г., так и на саммите в Сеуле. И здесь нам удастся выйти на консенсусные документы, причем довольно объемные. В общем, оба саммита, и Вашингтонский, и Сеульский, закончились полным успехом.

Практически сразу после Вашингтонского саммита было проведено четыре встречи на уровне шерп и три встречи на уровне су-шерп. Причем вначале впечатление было такое, что ничего не удастся сделать, поскольку тот проект, который был внесен сопредседателем на первой встрече шерп в Буэнос-Айресе в ноябре 2010 г., подвергся самой резкой критике и по существу был *выкинут в урну*. И после этого су-шерпы на протяжении полугода, даже, может быть, девяти-десяти месяцев, активно работали, и уже к октябрю прошлого года был готов тот документ, который после соответствующей доработки стал основой для коммюнике. Так проходила работа.

Участники Сеульского саммита подтвердили приверженность международно-правовым механизмам в этой области, таким как Конвенция о физической защите ядерного материала (КФЗЯМ) и поправка к ней, а также Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (МКБАЯТ). Они также дали высокую оценку запущенной в 2006 г. Россией и США Глобальной инициативе по борьбе с актами ядерного терроризма (ГИБАЯТ). Государства подчеркнули ключевую роль МАГАТЭ в ядерной области и выразили намерение содействовать тому, чтобы агентство продолжало располагать необходимыми ресурсами и полномочиями для осуществления своей уставной деятельности.

С российской стороны в ходе саммита было подтверждено, что, являясь одним из наиболее развитых государств в области использования ядерной технологии, Российская Федерация придает большое значение обеспечению и поддержанию высокого уровня физической ядерной безопасности не только у себя в стране, но и во всем мире. Безопасность и сохранность ядерных материалов и связанных с ними установок в России находится на высоком уровне. Наша страна является участницей всех существующих на сегодняшний день многосторонних конвенций в данной области. У нас накоплен значительный опыт в сфере обеспечения ФЯБ, которым Россия намерена и далее делиться с другими.

С нашей стороны была акцентирована необходимость более ответственного отношения государств к своим обязательствам в области физической ядерной безопасности. Речь, в частности, идет о том, что многие государства — участники саммита под тем или иным предлогом до сих пор не присоединились к основным международно-правовым инструментам в этой области — поправки к КФЗЯМ и МКБАЯТ. Примечательно, что США и Республика Корея, организовавшие у себя саммиты по ядерной безопасности, до сих пор не присоединились ни к тому, ни к другому документу. Наш призыв был широко поддержан большинством участ-

ников саммита, что позволило нам занять наступательную позицию по этому важному вопросу.

Российская делегация представила свой национальный документ — меморандум, в котором подробно изложены предпринятые в нашей стране в последнее время меры в этой области. В документе, в частности, говорится об успехах в осуществлении совместно с США программы по возврату в Россию высокообогащенного урана с ядерных исследовательских реакторов российской конструкции, достижениях в области реализации внутренней программы конверсии высокообогащенного урана (ВОУ). Отмечается решение о переходе на поставки за рубеж топлива для исследовательских ядерных реакторов только на основе низкообогащенного урана, внесение нами добровольных взносов в Фонд ФЯБ МАГАТЭ, проведение на территории России совместно с агентством различных учебных курсов по ФЯБ и так далее.

В ходе саммита другие государства-участники также представили информацию об осуществлении ими шагов по укреплению ФЯБ за прошедшее после вашингтонского саммита время. В частности Армения и Великобритания стали участниками МКБАЯТ. Алжир, Азербайджан, Аргентина, Вьетнам, Малайзия, Таиланд, Филиппины присоединились к ГИБАЯТ. Бельгия, Великобритания, Новая Зеландия, Норвегия, Япония внесли дополнительные взносы в Фонд ФЯБ МАГАТЭ. Канада, Казахстан, Мексика, Чили осуществляли программы по снижению использования ВОУ в гражданской атомной деятельности и так далее.

Непосредственно перед саммитом было распространено совместное заявление сопредседателей, координаторов и руководителей рабочих групп ГИБАЯТ. Документ был разработан при активном участии российских экспертов. Ряд государств-участников подготовили в качестве подарков к саммиту документы на заданные темы, связанные с ГИБАЯТ. Россия представила документ по культуре физической ядерной безопасности. А на саммите президентом было объявлено о проведении в России в 2012 г. совместно с МАГАТЭ международного семинара по культуре физической ядерной безопасности, а также учений под эгидой ГИБАЯТ по пресечению незаконного перемещения ядерных материалов и радиоактивных источников.

На полях саммита было сделано совместное трехстороннее заявление президентов России, Казахстана и США о сотрудничестве в отношении Семипалатинского испытательного полигона. В ходе торжественной церемонии, посвященной данному вопросу, президент России Дмитрий Медведев подчеркнул, что это очень хороший пример межгосударственного взаимодействия трех стран в наиболее чувствительных областях.

По итогам саммита было принято коммюнике, которое носит сбалансированный характер и содержит набор конкретных мер, направленных на совершенствование системы учета, контроля и физической защиты ядерного материала, предотвращение его незаконного оборота и снижение угрозы ядерного терроризма. В коммюнике обозначен ряд принципов и решений по поддержанию и укреплению ФЯБ. Важно, что государство будет осуществлять эту деятельность на добровольной основе и в соответствии со своими национальными законодательствами. Принятие коммюнике, как мы считаем, полностью отражает позицию Российской Федерации.

И здесь я бы выделил три новых положения, отраженных в коммюнике Сеула.

Первое: взаимосвязь между *nuclear security* и *nuclear safety*. По впечатлениям от той трагедии, которая произошла на *Фукусиме*, обойти этот вопрос было невозможно, и в коммюнике появилось положение о связи между *nuclear security* и *nuclear safety*. Хотя надо признать, что работы здесь еще непочатый край, поскольку то,

о чем мы договорились, это то, что меры по *security* не должны входить в противоречие с мерами по *safety*. Но этого мало, нужно продолжать работать.

Второе: добавление в сферу охвата саммитов проблематики радиоактивных материалов — за это активно выступали европейцы. И сейчас эта тема отражена в коммюнике.

Третье: целый новый раздел появился. Хотя мы еще при подготовке к вашингтонскому саммиту выступали за это, и тогда это не нашло своего отражения в коммюнике, а сейчас по инициативе Великобритании внесен целый раздел в отношении информационной безопасности (МИБ).

ПАК ЧЖИ ЫН (Посольство Республики Корея): На саммите в Сеуле и при подготовке к нему Республикой Корея были взяты серьезные обязательства. Посол Берденников упомянул, что Соединенные Штаты и Республика Корея не ратифицировали важные документы, связанные с Соглашением 123 (КФЗЯМ и МКБАЯТ. — *Прим. ред.*), но я рада сообщить, что моя страна сейчас находится в процессе их ратификации. Также в октябре 2011 г. Корея создала комиссию по ядерной безопасности (*nuclear safety and security commission*) — независимое агентство, ответственное, в том числе и за ФЯБ. На Сеульском саммите мы обязались выделить один миллион долларов Фонду ядерной безопасности МАГАТЭ. Также мы запустили несколько проектов, причем один из них — это совместный проект Республики Корея, Вьетнама и МАГАТЭ по созданию системы отслеживания перемещений ядерных материалов на базе GPS. Таким образом, мы можем в режиме реального времени узнать, где находятся эти материалы. Что касается предложений, содержащихся в коммюнике Сеульского саммита, Республика Корея приложит все необходимые усилия для их реализации.

ВЛАДИМИР ОРЛОВ (ПИР-Центр): Действительно, то, как государства будут работать совместно по реализации решений Сеульского саммита, должно стать предметом нашего пристального внимания на саммите в Гааге 2014 г. Конечно, количество саммитов в мире множится, как и количество различных организаций, правда, количество кризисов от этого меньше не становится. Возникает вопрос: это *perpetuum mobile* — каждые два года где-то собираться? Нужно ли это?

Или, может быть, голландский саммит должен поставить какую-то точку и уже наработать какие-то другие, совершенно не обязательно *саммитные* механизмы, для того чтобы вопросы ядерной безопасности реализовывались в глобальном и в региональном масштабах. Особенно в тех регионах, где словосочетание *атомная энергетика* не чуждо и где оно набирает обороты, прежде всего в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. При этом важен баланс между общей безопасностью, интересами отдельных государств и коммерческими интересами компаний атомной отрасли.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В КОНТЕКСТЕ ФЯБ

БЕРДЕННИКОВ: Для России атомная энергетика остается одним из стратегических направлений развития страны, и несмотря на серьезные последствия, которые имели место после аварии на АЭС *Фукусима-1*, мы не видим пока альтернатив ядерной энергетике в обозримом будущем.

ОРЛОВ: Глядя на ближневосточный регион и Юго-Восточную Азию, на противоречивый, но все-таки имеющийся там процесс *ренессанса* атомной энергетики, несмотря на *Фукусиму*, необходимо учитывать и роль ГК *Росатом*, у которой заключены соглашения со значительным числом государств в упомянутых регионах и других регионах мира. Причем в некоторых из них уже начинается реализация соглашений в рамках контрактов. Отсюда, говоря о роли *Росатома*, равно как

и о роли других крупных игроков в отрасли, необходимо прояснить и вопрос их ответственности за обеспечение ядерной безопасности.

ВЛАДИМИР КУЧИНОВ (ГК Росатом): Если говорить о сегодняшнем дне, то, действительно, сегодня энергетическая безопасность становится одним из центральных направлений национальной и международной политики обеспечения энергией стран, причем предсказуемым, стабильным образом. А вот обострение экологических проблем, ресурсные ограничения ставят перед странами проблему выбора наиболее чистого и безопасного способа производства энергии. В этом выборе государства смотрят на те или иные сегодня существующие энергетические технологии.

Из существующих сегодня технологий, которые действительно могут внести свой вклад в решение вопросов энергетического обеспечения, с одной стороны, и в решение вопросов, связанных с климатическими проблемами, с другой, ведущее место занимает ядерная энергетика. Она как технология уже достаточно развита, достаточно себя показала и может использоваться для решения этих вопросов. Более того, несмотря на аварию на АЭС Фукусима, тенденция к росту использования атомной энергетики в мире сохраняется.

Да, конечно, после аварии произошли некоторые флуктуации, некоторые страны, например, Германия, отказались от использования атомной энергии, но общая тенденция, тем не менее, сохраняется. Это будет происходить, скорее всего, в Азии и в Африке — я имею в виду появление стран, которые будут развивать атомную энергетику. Будет расти использование атомной энергии в Латинской Америке. Скорее всего, это будет происходить и в Европе, поскольку и там можно ожидать дальнейшее развитие ядерной энергетики.

Безусловно, все мы тоже отдаем отчет, что в ядерной энергетике есть некие проблемы, некоторые вопросы, над которыми надо дальше работать, — это вопросы обеспечения ядерной и физической безопасности. Причем я бы подчеркнул, что Григорий Витальевич отметил уже, это был один из новых элементов саммита в Сеуле, по сравнению с саммитом в Вашингтоне — появление этой темы в коммюнике о связи той и другой безопасности. Но я бы сказал проще: строго говоря, это две стороны одной медали — ядерной энергетики и ее дальнейшего использования.

Одна сторона — это обеспечение ядерной безопасности, обеспечение принятия всех мер, чтобы техногенные аварии не повторились. Другая сторона — это обеспечение физической ядерной безопасности с точки зрения того, чтобы некие злоумышленники не воздействовали на станции, и это тоже должно обеспечиваться. Этот аспект требует всеобщего внимания.

Второй аспект тоже уже здесь обговаривался — это общие вопросы снижения риска распространения ядерного оружия. Безусловно, эта проблема требует решений, требует сотрудничества — это переработка и обращение с радиоактивными отходами. Немаловажные проблемы — повышение конкурентоспособности и улучшение экономических показателей. Саммиты становятся местом обсуждения таких вопросов, постановки политических целей, для того чтобы на уровне специалистов эти политические цели реализовывать.

В этом контексте саммит в Сеуле стал важным этапом в укреплении и расширении международного взаимодействия в области глобальной физической ядерной безопасности: предотвращении потенциальных угроз ядерного терроризма, борьбе с «черными рынками» ядерного материала и противодействии незаконному обороту ядерного материала. Да, саммит закончился принятием документа на основе консенсуса, довольно развернутого документа, содержащего много разделов, посвященных определенным темам физической безопасности, ставящих политические задачи, на основе которых нам предстоит работать в будущем, для того

чтобы решать эти задачи с точки зрения дальнейшего повышения ядерной и физической безопасности.

Когда обсуждалось техническое наполнение разделов политического коммюнике, организаторы этого межсаммитного процесса пытались найти некие элементы, где бы была возможна активизировать международное сотрудничество и найти точки взаимного интереса. Эти точки выступили бы катализаторами и послужили бы для дальнейшей работы, о которой здесь тоже говорилось, не только в межсаммитный период, но и на будущее. И в конечном итоге эта идея получила признание, получила практическое наполнение. Надо сказать, что таких *подарочных* тем было обозначено девять. Это и темы, связанные с подготовкой юридической базы, это и работа по линии безопасности радиоактивных материалов и источников, это и вопросы, связанные с информационной безопасностью, кибербезопасностью и так далее. Ну а Россия взялась за вопросы, связанные с культурой физической ядерной безопасности.

С одной стороны, мы давно работаем по вопросам культуры ядерной безопасности. Эта тема нам близка. Мы сотрудничаем с Соединенными Штатами в этом направлении.

Я бы подчеркнул еще один интересный элемент, который в этом году при подготовке саммита и его проведении имел место. В 2010 г. во время проведения Вашингтонского саммита состоялась встреча представителей промышленных кругов по вопросам обеспечения физической ядерной безопасности. Она прошла достаточно келейно, тихо, о ней мало кто знал и мало что из этого потом следовало. В отличие от Вашингтонского саммита перед саммитом в Сеуле было проведено два мероприятия. Так состоялся симпозиум по вопросам физической ядерной безопасности, который собрал достаточно широкое представительство академических кругов, представителей неправительственных организаций, где в достаточно свободном формате проходило обсуждение различных вопросов работы по этому направлению.

Но саммит представителей ядерной промышленности вызвал не столь однозначную и спокойную реакцию, которая была на симпозиуме. Надо сказать, что в Дели, когда об этом было объявлено, причем объявлено, что этот саммит пройдет буквально накануне саммита глав государств, было сказано, что этот саммит также завершится принятием коммюнике. В Дели последняя встреча шерп предполагала завершить работу над проектом коммюнике и с поднятыми флагами шествовать к саммиту без каких-либо трудностей. И вдруг в Дели было объявлено, что будет саммит, который также собирается принять коммюнике. После этого пришлось немного поработать над его проблемой. Надо сказать, что мы нашли очень хорошее понимание наших коллег: и коллег по ядерной промышленности, и коллег из стран шерп.

Саммит по ядерной промышленности прошел 23 марта 2012 г. Надо сказать, что он оказался очень интересным и закончился принятием не коммюнике, а интересного компактного совместного заявления. И надо сказать, что это мероприятие собрало представителей 118 компаний из 36 стран мира. Эти компании, безусловно, имели значительный опыт в эксплуатации ядерных установок, производстве ядерных материалов, обращении с ядерными материалами, международной торговле. Надо сказать, что представительство было на очень высоком уровне, начиная от руководителей компаний до верхнего звена управления. Обсуждались вопросы, которые интересовали ядерную промышленность.

И в принятом совместном заявлении промышленность подчеркивала свою активную роль в решении этих проблем, свое желание работать в этом направлении, в повышении ядерной и физической безопасности, в работе по культуре безопасности. Теперь нам предстоит работа по вопросу, который, с одной стороны, понятен, а с другой — вызван достаточно оживленной дискуссии

ей по поводу использования ВОУ. Промышленность также выразила желание и заинтересованность работать в этом направлении: в переходе с ВОУ на НОУ в реакторах, в производстве медицинских изотопов, в частности молибдена-90. Но опять же, подчеркну, там, где это технически и экономически целесообразно.

Резюмируя, можно сказать, что и Сеульский саммит глав правительств, который поставил политические задачи укрепления физической ядерной безопасности, и саммит по ядерной промышленности, который был ближе производителям, стали интересными и важными событиями на пути решения некоторых вопросов, проблем дальнейшего безопасного развития ядерной энергетики.

ОРЛОВ: Мероприятие, связанное с представителями атомной промышленности, формировалось довольно драматично. Действительно, промышленность позволяет проверять на практике идеи, которые выстраивают политики, и проверять, что выдуманно, *высосано из пальца*, а что реально необходимо. Да, промышленность может забегать вперед. Иногда это нехорошо. И в этом отношении, конечно, есть, особенно в таких чувствительных областях, как атомная энергетика, государственное регулирование. В идеале, конечно, хотелось бы, чтобы промышленность и государство шли нога в ногу и рука об руку.

МИХАИЛ ЛЫСЕНКО (ГК Росатом): Безусловно, тема дальнейшей судьбы атомной энергетики и *Фукусимы* не могла не прозвучать на саммите в Сеуле, и она там прошла красной нитью. Я хотел бы поделиться несколькими впечатлениями о том, как она обсуждалась.

Первое наблюдение: вольно или невольно саммит подтвердил настрой большинства государств на дальнейшее развитие атомной энергетики, в отличие от той ситуации, которая сложилась сразу после *Фукусимы*. Итоги Сеула показали, что сейчас на пути дальнейшего развития атомной энергетики в мировом масштабе вновь горит зеленый свет. Конечно, скорость движения несколько снизилась, но, тем не менее, зеленый свет снова загорелся.

Некоторые страны отмечали, что у них нет иной альтернативы, кроме как развивать атомную энергетику. Например, президент Габона прямо заявил, что для некоторых стран ядерная энергетика — это даже не альтернатива, а вообще единственный источник обеспечения энергобезопасности. Таким образом, не следует забывать как о рисках, так и о преимуществах мирного использования атомной энергии. Как уже отмечалось, президент России четко заявил, что атомная энергетика остается одним из стратегических направлений развития нашей страны и в обозримом будущем мы пока не видим альтернативы.

Второе наблюдение состоит в том, что многие ораторы, прежде всего из развивающихся стран, говорили о том, что борьба с ядерным терроризмом и усилия в области нераспространения не должны тормозить реализацию права государств на мирный атом. Так же как и на Обзорных конференциях по ДНЯО многие выступающие призывали к построению партнерских отношений между *новичками* и теми странами, которые являются поставщиками ядер-

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

«Российская Федерация последовательно выступает против составления «черных списков» стран. Мы считаем, что при определении возможности экспорта в какую-либо страну мы должны руководствоваться ограничениями, связанными с санкциями ООН, а также членством в Договоре [ДНЯО] и наличием соглашения с МАГАТЭ о всеобъемлющих гарантиях. Если мы будем применять какие-либо другие ограничения по отношению к членам Договора, это может привести к разрушению этого режима».

Юрий Батурин. Ядерная безопасность до и после московской встречи в верхах. *Ядерный Контроль*. 1996, июнь–июль. № 18–19. С. 13.

ных технологий. Не обошлось и без некоторой политизированности дискуссии, когда один из ораторов риторически восклицал: а можем ли мы доверять *безответственным* правительствам развитие ядерной энергетики? Можем ли мы доверять это государствам-изгоям?

Третье наблюдение состоит в том, что в прямой увязке с уроками *Фукусимы* в повестку саммита официально был включен вопрос о взаимосвязи физической ядерной безопасностью и технической, то есть эксплуатационной безопасностью. Дело в том, что в ряде публикаций в средствах массовой информации в связи с саммитом, а также по следам *Фукусимы* в дискуссиях среди специалистов высказывалась мысль о том, что международное сообщество допустило определенный перекос. Ведь, до *Фукусимы*, в частности, на Вашингтонском саммите основное внимание фокусировалось исключительно на вопросах борьбы с ядерным терроризмом, противодействию ядерному распространению. А кто тогда вспоминал о технической, эксплуатационной безопасности?

Так вот, многие СМИ отмечают, что трагедия *Фукусимы* произошла из-за разных факторов, взаимодействия природных и техногенных факторов. При этом произошла такая трагедия, которая никаким террористам даже и не снилась — они представить себе не могли, что такое вообще может случиться. Так нет ли здесь перекоса? Не слишком ли мы увлеклись борьбой с терроризмом? Не слишком ли мало мы уделяем внимания именно технической, эксплуатационной безопасности? Такая дискуссия состоялась и в рамках саммита. И возобладал подход, который был отражен в коммюнике: оба вида ядерной безопасности, физическая и техническая, должны осуществляться с соблюдением принципов последовательности, взаимодополняемости, не вредить друг другу и быть сбалансированными.

Следующее, четвертое наблюдение состоит в том, что на саммите подчеркивалась необходимость в нынешних условиях большей прозрачности при развитии атомной энергетики. Как восклицал Генеральный секретарь ООН, строить или не строить атомные электростанции — это суверенный выбор каждого государства, но вопросы ядерной безопасности затрагивают всё международное сообщество. Общественность должна иметь право на получение соответствующей информации; международный ядерный сектор должен прислушиваться к требованиям передачи беспристрастной и надежной информации, а также к требованиям прозрачности и гласности.

Пятое, на саммите отмечалась лидирующая роль МАГАТЭ в обеспечении физической ядерной безопасности, но также отмечалось, что в целом МАГАТЭ несет основную ответственность за поощрение международного сотрудничества в области дальнейшего развития атомной энергетики. Наконец, отметим, что тема взаимосвязи ядерной физической и технической безопасности приобретает свои организационные механизмы.

Отмечу также еще одно наблюдение: на саммите функционировал информационный центр. И многие государства, после того как их главы выступали, складировали на этих стендах тексты выступлений, национальных меморандумов и так далее. Так вот, любопытно, что там, среди официальных документов, очень много было различных рекламных буклетов, брошюр и другой информации, то есть каждый стремился рекламировать себя, прежде всего в аспекте своих ядерных технологий и возможности их продвижения за рубежом. Корейские хозяева мероприятия выделили гигантское помещение под пресс-центр саммита, там было развернуто несколько стендов-выставок, посвященных рекламе, продвижению корейских технологий в дальнейшем развитии мирного атома.

Подводя итог, можно сказать, что Сеульский саммит стал хорошей дискуссионной площадкой, причем на высшем уровне. Наряду с важной темой физической ядерной безопасности страны, представляющие атомное сообщество, подтвердили

в своем большинстве настрой на глобальное развитие атомной энергетики и задали вектор ее развития.

Какие крупные мероприятия в дальнейшем будут посвящены развитию атомной энергетики? Мы получили приглашение от руководства МАГАТЭ провести у себя в Санкт-Петербурге министерскую конференцию, посвященную атомной энергетике. Такие конференции проводятся раз в четыре года, если не ошибаюсь, и это будет уже третья по счету конференция. Это очень серьезное глобальное мероприятие, к которому предстоит серьезно готовиться, и есть возможность нам всем в нем принять посильное участие.

И наконец в 2014 г. саммит по ядерной безопасности в Нидерландах, я просто убежден, будет не только сфокусирован на вопросах физической и ядерной безопасности, но и наверняка он станет более диверсифицированным, более широким и охватит тематику перспектив атомной энергетики в целом.

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ФЯБ

ДМИТРИЙ КОВЧЕГИН (ПИР-Центр): Первая статья Сеульского коммюнике заканчивается достаточно обтекаемой формулировкой, что стороны будут стремиться применять положения документа МАГАТЭ «Физическая защита ядерного материала и ядерных установок» — это рекомендации по физической защите — и соответствующих документов из серии изданий Агентства в практической деятельности на национальном уровне. В то же время на том симпозиуме промышленников, который упомянул В.П. Кучинов, часто звучала такая точка зрения, что в этой области, которую мы обсуждаем, пока не существует каких-то международных обязывающих норм и, в частности, не существует систем проверки соответствия этим нормам. Хотелось бы узнать, какова позиция России по дальнейшим работам в этой области в смысле установления таких международных норм и возможном учреждении системы проверок, подобно тому, что осуществляется в рамках, например, соглашения о гарантиях с МАГАТЭ?

БЕРДЕННИКОВ: Вы знаете, в ходе подготовки коммюнике, принятого в Сеуле, была попытка договориться, что государства будут отчитываться о своей работе между саммитами в соответствии с единым шаблоном и представлять туда сопоставимые данные. Никакой поддержки эта инициатива не нашла. Она была просто выброшена как не имеющая возможности получить консенсус. Иначе говоря, в будущем это может иметь место, но подготовительная работа нужна очень серьезная, и прежде всего в рамках МАГАТЭ.

Сходу эту проблему не решить, и подготовка Сеульского саммита это продемонстрировала. Если вы посмотрите на наш меморандум, там упоминается об ангарском центре и о проблеме многосторонних подходов обеспечения ядерной безопасности. Но напрямую это не касается того, что происходило в Сеуле.

КУЧИНОВ: Я думаю, это не только вопрос для России, потому что, естественно, вся терминология и документация зарождались в рамках развития нашей промышленности. Также обстоят дела, я думаю, и в других странах, которые давно работают в атомной энергетике. Но, как вы хорошо знаете, большая работа ведется на этом направлении. В МАГАТЭ ведется очень большая работа по разработке стандартов ядерной безопасности, реальных требований, рекомендаций, руководств, выпускаются глоссарии по физической ядерной безопасности.

И я полагаю, здесь деятельность обоюдная: с одной стороны, мы участвуем в работе МАГАТЭ, мы работаем над терминологией, модификацией подходов, стандартов, а с другой стороны, мы сами должны ответственно подходить к этому и тем же

заниматься у себя в стране. И в ходе подготовки к саммиту в Сеуле эти вопросы поднимались в ведомственном формате. Надо больше уделять внимания верификации терминологии, подготовке соответствующих документов, смотреть как они коррелируют с международными документами. Вообще-то это наша, специалистов, повседневная работа.

БЕРДЕННИКОВ: Кстати, к предстоящему в Нидерландах саммиту 2014 г. подготовка уже началась. Сами голландцы считают, что одно из главных мест на этом саммите должна занять проблематика ядерной криминалистики, что, на наш взгляд, довольно интересно. И вот там одна из тем, которую они уже начали разрабатывать и на которую стараются получить финансирование от своего правительства — это создание терминологической базы и глоссария по ядерной криминалистике. Что касается нас, мы тоже принимаем посильное участие в этой работе.

ОРЛОВ: Когда-то на саммите 1996 года по ядерной безопасности, который был первым по счету и проходил здесь, в Москве, был принят документ по незаконному обороту ядерных материалов (НОЯМ). Когда его готовили, было много вопросов, а нужно это или не нужно, так как тогда в политическом плане на Россию оказывалось — совершенно несправедливое — давление, но получился хороший первый документ. В историческом плане прошло не так уж много лет, а мы уже обсуждаем не проблемы НОЯМ в целом, а такие детальные вопросы, как ядерная криминалистика. И мы проводим учения по предотвращению ядерной контрабанды в практическом ключе — уже не в *голливудском*, а в профессиональном. Я думаю, что сегодняшняя дискуссия показывает, когда за дело берутся профессионалы, то с ядерной безопасностью становится всё лучше и лучше.

КОВЧЕГИН: Если мы вспомним обсуждения, которые разгораются на полях саммитов по ядерной безопасности, обзорных конференций ДНЯО, значительная часть государств-участников обращает внимание на свое неотъемлемое право на развитие ядерных технологий, ядерной энергетики и так далее. Это связано с разными соображениями: национального престижа, развития энергетики, национальной экономики и так далее. Как правило, в этой дискуссии опускается, что развитие ядерной энергетики — это не только престиж, это не только новые возможности, но и новая ответственность, которую несут страны, которые начинают развивать у себя ядерную энергетику, ядерные технологии, в том числе это ответственность за обеспечение физической ядерной безопасности.

И иногда складывается впечатление, что те страны, которые принимают решение о начале развития ядерных технологий для себя, либо те страны, которые стремятся заполучить новые рынки в области ядерных технологий, не всегда принимают это во внимание. Также они не всегда адекватно оценивают способность тех, кто вступает на путь развития ядерной энергетики, обеспечить безопасность своих ядерных объектов, своих ядерных материалов... Это то, что в рамках российско-американского сотрудничества называется *sustainability*, или *долгосрочное обеспечение работоспособности*. Обе стороны такого сотрудничества должны принимать этот аспект во внимание и серьезно учитывать при принятии решений о том, стоит ли начинать развивать ядерную энергетику или передавать ядерные технологии, будут ли способны новички поддерживать ядерную безопасность в долгосрочном плане.

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание, — это стандарты ядерной безопасности. Это достаточно сложная тема, соответствие каким бы то ни было высоким стандартам ядерной безопасности — дело нелегкое, затратное, поэтому сопротивление понятно. Но на самом деле мы должны понимать, а из чего мы исходим, когда устанавливаем те или иные требования к системам обеспечения безопасности. В первую очередь мы принимаем во внимание те угрозы, которым должны противостоять: будь то террористы, случайные злоу-

мышленники или государства, которые могут быть заинтересованы в получении ядерных материалов нечестным, нелегальным путем. В связи с этим хотелось бы отметить, что общее понимание и общий подход к угрозам могли бы стать первым шагом на пути к дальнейшему развитию в этой области, к достижению более высоких стандартов ядерной безопасности.

Соответственно, в рамках МАГАТЭ или в рамках международного сотрудничества в первую очередь можно было бы рассмотреть возможности согласования общих подходов к оценке угроз и общих подходов к оценке тех систем, которые должны противостоять этим самым угрозам на международном уровне. Вот, скажем, работая в рамках российско-американского сотрудничества, я знаю, что у России и США есть достаточно высокая степень согласия по этим вопросам. Следовательно, это направление могло бы стать направлением для общей работы России и США в рамках либо саммита по ядерной безопасности, либо МАГАТЭ.

ИННОВАЦИИ И ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

КОВЧЕГИН: Вопрос взаимосвязи вопросов физической и технической ядерной безопасности был одним из главных в Сеуле. Хотелось бы обратить внимание, если весь ядерный объект или вся система обеспечения безопасности в целом управляется не очень хорошо, мы не можем обеспечить в достаточной мере физическую ядерную безопасность или техническую ядерную безопасность.

ВИКТОР МУРОГОВ (МИФИ): Здесь надо иметь в виду проблему синергии между *safety* и *security*, поскольку сегодня у нас 60% реакторов построено до Чернобыля. Если для *security* есть режим нераспространения, то для *safety* есть режим рекомендаций. А дальше национальная ответственность. И не секрет, что МАГАТЭ давала Японии рекомендации по реактору Фукусима, которые не были реализованы и в результате получили затраты уже не на миллиард на усовершенствование безопасности, а дело идет к триллиону. Адмирал Риквер, создатель атомного флота в США, сказал, что самое страшное в ядерной технологии — некомпетентность руководства.

КОВЧЕГИН: То же касается и вопросов кибербезопасности. На самом деле, пришло время рассматривать все эти вещи в комплексе и рассматривать взаимные увязки между этими самыми системами, потому что, с одной стороны, это создает определенные риски, связанные с тем, что, например, террористический акт приведет к последствиям, сравнимым с последствиями фукусимской аварии или даже чернобыльской. С другой стороны, рассматривая эти вопросы совместно, интегрировано, мы можем найти какие-то новые возможности для взаимодействия, новые решения, более эффективные, чем те, которые используются сейчас. И это распространяется и на вопросы кибербезопасности, и на вопросы общего управления ядерными объектами...

НАТАЛЬЯ ЗАЙЦЕВА (Фонд Сколково): В контексте новых решений в сфере ядерной безопасности я могу рассказать о работе Кластера ядерных технологий Фонда Сколково и о том, какую роль он играет в обеспечении участия России в международном сотрудничестве здесь. Сам Фонд Сколково — это новая инфраструктура. На его территории будут расположены следующие ключевые элементы.

Во-первых, это университет, который мы ориентируем на степень магистра и прохождение там аспирантуры. Базовая идея — соединение на территории этого университета аспектов образования, прикладных исследований и возможности коммерциализации и создания *стартап-компаний*, то есть по западным образцам. Строим этот университет совместно с MIT.

Во-вторых, на территории будут располагаться пять инновационных кластеров: кластер космических технологий, ядерных технологий, энергоэффективности, IT и биотехнологий. Это пять приоритетов. В каждом кластере находятся шесть-восемь человек, которые поддерживают инновационные компании.

В-третьих, технопарк, который будет предоставлять услуги инновационным компаниям, исследователям, различного рода разработчикам. Собственно говоря, для них будет выстроена городская инфраструктура, позволяющая тем людям, которые там работают и живут, пользоваться всеми традиционными благами города.

Кластеры ориентируются на вопросы развития радиационных технологий, к которым мы относим технологическую платформу, связанную с плазменными технологиями, ускорителями, лазерами, то есть всё, что так или иначе связано с управлением излучением. И на сегодняшний день мы развели вопросы следующим образом: если госкорпорация *Росатом* занимается в основном развитием энергетических применений, сооружением реакторов и развитием, в том числе, реакторов современных, нового поколения, то Кластер ядерных технологий Фонда *Сколково* ориентирован на развитие неэнергетических применений.

Мы выделили пять направлений, причем базовыми из них на сегодняшний день являются радиационные технологии — вопросы развития радиационных технологий в медицине, для создания систем безопасности, в сельском хозяйстве, экологии, микроэлектронике и промышленных применениях. Мы провели анализ, встречались с представителями МАГАТЭ. И выкристаллизовался тезис, что на сегодняшний день радиационные технологии, так или иначе, используются большинством стран — членов МАГАТЭ. На сегодняшний день порядка 20% ведущих мировых компаний используют радиационные технологии в своих производственных процессах.

Самый крупный рынок радиационных технологий — это сложившийся на сегодняшний день рынок ядерной медицины, куда мы отнесли изотопы, оборудование для диагностики, терапии, не включая рынок конечных услуг. Второй по объему — рынок систем безопасности, достаточно развитый за рубежом, в Соединенных Штатах, Израиле. Третий по величине рынок — это промышленное применение радиационных технологий. По оценкам наших экспертов, темпы роста рынков радиационных технологий составляет 9–12% в год, что позволит уже к 2030 г. этим рынкам вырасти до 100 млрд долл. На сегодняшний день это порядка 17 млрд долл.

С таким рыночным фокусом Кластер ядерных технологий вышел на создание платформы *Радиационные технологии*. На сегодняшний день в нее входит порядка 70 компаний-участников, в том числе и предприятия ГК *Росатом* — это Курчатовский институт, ряд университетов, включая МИФИ.

Сегодня мы также обсуждаем с участниками кластера возможность создания ассоциации в области радиационных технологий, куда вошли бы российские производители, поставщики, разработчики с привлечением туда как уже сложившихся игроков на этих рынках, так и новых компаний, которые становятся участниками *Сколково*.

Мы стараемся в проекты по радиационным технологиям привлекать и внешних инвесторов, что достаточно сложно, потому что ядерный сектор ассоциируется с закрытой тематикой, закрытыми вопросами, рисками и опасностями, связанными с этими вопросами. И венчурные инвесторы, как правило, не заинтересованы в работе с этим сектором, в отличие от сектора IT-технологий.

Отдельная линия работ, которую мы проводим совместно с *Росатомом*, — это вопрос формирования инновационных кластеров на территории ЗАТО. В част-

ности, сейчас проводится конкурс перспективных проектов, в котором участвуют Саров, Снежинск, Железногорск. Обсуждается вопрос, каким образом обеспечить сотрудничество и развитие этих инновационных центров, учитывая закрытый статус этих городов.

Также мы реализуем проекты по созданию лазерного скальпеля, источника нейтронов на основе ускорителя для диагностики раковых заболеваний, портативного рентгеновского аппарата. Есть проекты по ускорительной технике и ядерной медицине, которые мы развиваем с зарубежными партнерами — немецкой корпорацией *Сименс* и британскими учеными.

На сегодняшний день мы обсуждаем повестку работы с партнерами на рынках развивающихся азиатских стран. Мы предлагаем провести серию семинаров в развивающихся странах, на которых будут обсуждаться не только возможности, которые дают радиационные технологии, но и вопросы необходимости создания культуры, потребности в инженерном образовании и решении вопросов ядерной безопасности в случае принятия ими решения о развитии ядерных технологий.

МУРОГОВ: Мы говорим о перспективах ядерной энергетики, но в мировом энергодобывании сегодня она занимает всего 5%. Сейчас вся атомная энергетика, все наши инновации — это европейские реакторы *Evolutionary Power Reactors*, наш ВВЭР-2006 и другие. Это втрое меньше, чем нефть и другие энергоносители.

В самой ядерной энергетике ничего нового за 20 лет не случилось. Мы создали систему менеджмента, финансов, кадров, но инновационной технологии никакой не появилось. В то же время уже 21 страна обратилась к МАГАТЭ с заявкой на развитие ядерной энергетике. И это обусловлено объективными причинами: тем, что 40 стран в мире на 100% живут за счет импорта энергоресурсов, ведущие 100 стран на 50% покрывают свои потребности импортом, а 164 зависят от импорта. Ничего, кроме ядерной энергетике, им не светит. Значит, нам нужен закрытый топливный цикл.

При этом всё, что сейчас делает атомная энергетика — это электричество, она не участвует в промышленном теплоснабжении, бытовом, в транспорте, которые составляют две трети нашего энергопотребления. Значит, нужно применять энергию для технологических целей. И нужны малые реакторы.

Дальше стоит проблема переработки отработанного топлива без риска хищения выделяемых в ее процессе элементов — плутония и продуктов деления. Сейчас у нас 100 тыс. тонн отработанного топлива, а в середине века перевалит за 300 тыс. тонн, поэтому нужны структурные изменения.

Для того чтобы атомная энергетика сыграла свою роль и превысила все запасы нефти и газа на порядок, мы должны использовать уран-238, а для этого есть один тип реактора — на быстрых нейтронах, который в мире ни одна великая держава для коммерческой пользы не реализовала. У нас в стране работает БН-600, в котором реализована программа жидких металлов, но там нет плутониевого топлива, нет плутониевого цикла, а без этого *бридер* (реактор — размножитель легкорасщепляющихся ядер плутония для выработки энергии, чем является БН-600. — *Прим. ред.*) бессмысленен. Вместе с тем придется решить проблему, как такие реакторы выпускать на мировой рынок?

И последнее, что принципиально. Страны, вновь развивающие атомную энергетику — это Бангладеш, Чили, североафриканские страны... И у них другая культура. А мы говорим о глобальном режиме безопасности, о единых стандартах, о едином подходе. Это пока все под вопросом. Но безопасность и в Бангладеш, и во Франции, и в России должна быть одна и та же. И здесь встает проблема передачи знаний следующему поколению, причем нужно иметь в виду, что количество носите-

лей этих знаний продолжит расти, а качество образования должно повсеместно отвечать требованиям атомной сферы.

Первопричина всех противоречий в ядерной энергетике — это противоречие между ядерной технологией и национальной ответственностью. Если мы решим эту проблему, мы сможем говорить уже и о синергии *security* и *safety*.

ОРЛОВ: Резюмируя наше обсуждение, можно выделить следующие проблемы, которые будут актуальны на саммите в Гааге в 2014 г. *Во-первых*, это процесс ратификации КФЗЯМ, особенно со стороны передовых в атомной сфере стран. Приведенный здесь пример Южной Кореи внушает оптимизм, но, безусловно, он недостаточен.

Во-вторых, это проблема регистрации и физической защиты всех ядерных материалов, включая радиологические материалы, используемые в больницах по всему миру. И здесь необходимо не просто обсуждение, а конкретные решения, спектр конкретных мер.

В-третьих, сами государства должны демонстрировать усилия по укреплению безопасности своих ядерных объектов и ядерных материалов, тем самым создавая ситуацию взаимного доверия, без чего двигаться дальше просто невозможно.

И *в-четвертых*, непосредственная роль атомной промышленности в укреплении ядерной безопасности, совершенствовании самой культуры ядерной безопасности, а также в выработке мер регулирования этой сферы, безусловно, должна возрастать.

Всему этому в Гааге необходимо уделить самое пристальное внимание. 🌱

Примечания

¹ Материал подготовлен по итогам международного семинара, который состоялся 19 апреля 2012 г. в Москве и был организован ПИР-Центром при поддержке Международного научно-технического центра (МНТЦ).

Александр Колбин

СОЗДАНИЕ ЗСЯО В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ПОЧЕМУ ЯДЕРНОЙ ПЯТЕРКОЙ ДО СИХ ПОР НЕ ПОДПИСАН ПРОТОКОЛ К БАНГКОКСКОМУ ДОГОВОРУ?

На протяжении всего 2012 г. экспертами обсуждалась возможность подписания странами ядерной пятерки Протокола к Договору о безъядерной зоне в Юго-Восточной Азии, более известному как Бангкокский договор. Назывались конкретные сроки подписания — сначала июль, потом октябрь... Но и летом, и осенью 2012 г. Россия, США, Франция, Великобритания и Китай в последний момент оказывались не готовы подписать Протокол. В результате к концу года сложилась ситуация, которую можно было назвать патовой — представители стран ядерной пятерки требовали учесть их замечания к документу, а участники Договора говорили о том, что Протокол должен быть подписан в первоначальном варианте. Да и в самих государствах ядерной пятерки (в том числе и в России) сохранялись внутренние разногласия по поводу тех условий, на которых Протокол может быть подписан. С избранием в 2013 г. нового Генерального секретаря АСЕАН, обсуждение проблем, связанных с Бангкокским договором, снова активизировалось, прошел ряд консультаций между представителями АСЕАН и стран ядерной пятерки. И вновь забрезжила надежда, что Протокол будет подписан в 2013 г.

Создание зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), свидетельствует о настойчивом желании государств укреплять режим ядерного нераспространения, до минимума сокращая возможность фактов приобретения, угрозы применения или применения ядерного оружия. Именно поэтому региональные соглашения о создании таких зон наряду с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) являются важными международно-правовыми инструментами глобального режима нераспространения. Необходимо также понимать, что создание ЗСЯО для неядерных государств является важным средством регулирования политики ядерных держав в этой области.

В этом отношении для режима нераспространения особенно важно создание ЗСЯО в Юго-Восточной Азии (ЮВА), где соприкасаются интересы США, России, Китая, а также Индии, тем более что проблемы, связанные с созданием такой зоны, были и остаются одним из центральных вопросов в региональной повестке дня ядерного нераспространения.

БАНГКОКСКИЙ ДОГОВОР КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ ЗСЯО В ЮВА

Идея создания ЗСЯО в ЮВА впервые начала обсуждаться в начале 1970-х гг., когда АСЕАН рассматривала возможность создания в ЮВА зоны мира, свободы и нейтралитета (ЗМСН). Создание ЗСЯО тогда рассматривалось АСЕАН как про-

межучетная мера на пути к созданию ЗСЯО. В 1984 г. министры иностранных дел стран — членов АСЕАН на встрече в Джакарте обсудили перспективы создания ЗСЯО в ЮВА. На 26-й встрече министров стран АСЕАН, состоявшейся в Сингапуре в 1993 г., министры иностранных дел вновь подтвердили свою приверженность созданию ЗСЯО. В качестве неотъемлемого компонента ЗСЯО было принято решение о создании в регионе ЗСЯО. Эти усилия воплотились в Бангкокском договоре 1995 г.

Бангкокский договор был открыт для подписания 15 декабря 1995 г. и на сегодняшний день подписан всеми десятью неядерными государствами региона, на территорию которых должно распространиться его действие (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам). Договор имеет бессрочное действие.

Условия Бангкокского договора охватывают весь спектр необходимых для появления ЗСЯО мер: от запрета разработки, производства, приобретения ядерного оружия и захоронения радиоактивных веществ любым способом на своей территории до обязательств государств-участников заключить с МАГАТЭ соглашение о гарантиях. Он также оговаривает, что транзит иностранных кораблей и самолетов в иных целях, кроме мирного прохода, остается на усмотрение его участников.

Верификационный механизм договора должен обеспечиваться через регулярные отчеты государств-членов и обмен информацией, а также через применение гарантий МАГАТЭ. При этом он не содержит положения об инспекциях по запросу — вместо этого в нем имеются нечеткие формулировки относительно «миссий по установлению фактов». Каждое государство — участник договора имеет право потребовать, чтобы миссия по установлению фактов была послана в другое государство с целью прояснения и разрешения сомнений относительно его соблюдения.

Бангкокский договор также учреждает Комиссию по вопросам зоны, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии, задачей которой является наблюдение за реализацией договора и обеспечение его соблюдения.

БАНГКОКСКИЙ ДОГОВОР И ЯДЕРНАЯ ПЯТЕРКА

Как и все договоры о создании ЗСЯО, Бангкокский договор содержит протокол, согласно которому официальные ядерные государства берут на себя обязательства не применять и не угрожать применением ядерного оружия против стран — участников договора. Они также должны провозгласить свое намерение содействовать достижению «всеобщего и полного ядерного разоружения». Как раз в подписании этого Протокола странами *ядерной пятерки* и кроется основная причина пробуксовки процесса создания ЗСЯО в ЮВА.

Для того чтобы понять мотивы стран *ядерной пятерки*, мешающие им подписать данный Протокол, следует учитывать, что Бангкокский договор обладает двумя особенностями, которые выделяют его среди других попыток создать ЗСЯО. Это первый договор такого типа, который включает территорию, территориальные воды, 200-мильную специальную экономическую зону (СЭЗ) и континентальный шельф каждой страны — участницы договора. Как заявляют страны-участницы, необходимость данного положения объясняется желанием обезопасить себя от экологических последствий в случае возможного ядерного конфликта. Это также первый договор подобного типа, в протоколе к которому пять ядерных держав обязуются воздерживаться от применения или угрозы применения ядерного оружия не только против стран — участниц договора, но и внутри зоны в целом.

Причины отказа стран *ядерной пятерки* подписать Протокол как раз касаются морского пространства зоны, где на страны *ядерной пятерки* накладываются ограничения. Включение континентального шельфа и исключительных экономических зон в ЗСЯО делает ее границы слишком широкими и недостаточно четкими. Кроме того, по мнению стран *ядерной пятерки* (прежде всего США, России и Китая), Договор предоставляет странам-участницам такие права в отношении территории, входящей в зону, которые неприемлемы, поскольку могут создать угрозу их способности перемещать военные корабли и подводные лодки в регионе.

Таким образом, официальные ядерные державы не против создания в регионе ЗСЯО в принципе, но предлагают делать это с определенными оговорками.

США предложили два пути решения проблем, связанных с протоколом. Первый вариант заключается в том, чтобы убрать из текста договора все, что касается континентального шельфа и СЭЗ. Это было бы предпочтительным вариантом. Менее желательным вариантом, с точки зрения США, стало бы выступление стран — участниц договора с *интерпретирующим заявлением*, в котором бы разъяснялось, что положения договора, касающиеся континентального шельфа и СЭЗ, относятся только к государствам — участникам договора, а не к странам, подписавшим протокол. В этом заявлении мог бы быть снят второй абзац статьи 2 протокола, которая сейчас читается следующим образом: «Оно (каждое государство-участник) далее обязуется не прибегать к применению или угрозе применения ядерного оружия в зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии». В переговорах с АСЕАН США указывали, что этот абзац запрещает им запускать ядерные ракеты с кораблей или подводных лодок, находящихся внутри зоны, против целей, расположенных вне зоны. Исправленная статья 2 договора, с точки зрения США, должна состоять только из нынешнего первого абзаца: «Каждое государство-участник обязуется не прибегать к применению или угрозе применения ядерного оружия против любого государства — участника договора».

Китай обозначил свою поддержку общим целям договора, но возражает против территориальной сферы его действия. Причины китайских возражений станут понятными, если проанализировать текст договора. В договоре указывается, что в его сферу входят районы в Южно-Китайском море, относительно которых ведется спор между Китаем и странами Южной Азии.

Франция и Великобритания особенно возражают против положений договора, касающихся континентального шельфа и свободных экономических зон. С точки зрения Франции, эти положения нарушают Конвенцию ООН по морскому праву, которая, разрешая прибрежным государствам разрабатывать полезные ископаемые в пределах СЭЗ и на континентальном шельфе, не дает им право осуществлять политический контроль. А именно это вытекает из ограничений на ядерную деятельность, установленных Бангкокским договором.

ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ?

В январе 2012 г. на 20-й юбилейной сессии Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума высказывались предположения, что Протокол может быть подписан и ратифицирован до конца года. Тогда же российские представители высказали предположение, что синхронной ратификации быть не может. Параллельно этому процессу Россия в январе предложила создавать будущую структуру обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, опираясь на сеть двусторонних и многосторонних партнерств между действующими здесь диалоговыми площадками, такими как форумы АСЕАН, ШОС, АТЭС, АРФ, СВМДА, СМОА плюс.

Сам протокол планировалось подписать 10 июля 2012 г. на министерской встрече Регионального форума АСЕАН. Протокол должен был быть подписан всеми странами *ядерной пятерки*, но в последний момент часть из них сообщила, что не будет подписывать протокол, сославшись на те или иные причины. Изначально все пять держав дали свое устное согласие на подписание протокола, однако накануне министерских встреч Регионального форума АСЕАН поступили сообщения о том, что почти никто из государств документ не подпишет.

В результате Комиссия по вопросам ЗСЯО в Юго-Восточной Азии решила отложить подписание протокола по причине возражений, высказанных Россией, Францией, США и Великобританией (Китай в июле 2012 г. своих возражений по протоколу уже не высказывал).

Франция воздержалась от подписания, ссылаясь на право самообороны, Великобритания не поставила подпись, указав на новые вызовы безопасности в регионе, США заявили о том, что не будут озвучивать своих возражений до подписания Протокола, но только в процессе его ратификации парламентом страны.

Россия с 2012 г. требует для себя оговорки, которые традиционно делает при подписании подобных документов. Они касаются случаев нападения на ее территорию или вооруженные силы. Так, 26 июля 2012 г., когда многие ожидали подписания Протокола ОЯОГ, президент России В. В. Путин издал распоряжение «О подписании Протокола к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии». Он также указал МИДу на то, что протокол должен освободить Россию от всех обязательств по договору в случае нападения не только на территорию России и ее вооруженные силы, но и на любое союзное правительство или государство, имеющее с Россией договор о совместной обороне или гарантии безопасности со стороны Москвы.

При этом было особо отмечено, что в случае любого транзита ядерного оружия или ядерных взрывных устройств через территорию стран — участниц договора, Россия будет считать себя свободной от взятых на себя по протоколу обязательств.

В то же время на 20-й юбилейной сессии Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума были высказаны предположения, что все подписи под протоколом будут получены в ноябре 2012 г. в ходе 21-го саммита АСЕАН. Тем не менее этого не произошло.

В результате в итоговой декларации 21-го саммита по этому вопросу содержались лишь обтекаемые формулировки, свидетельствующие о том, что ситуация по состоянию на конец 2012 г. была *латовая*. Ядерные государства ожидали реакции членов форума АСЕАН на свои замечания к протоколу, в то время как страны АСЕАН призывали подписать протокол в том виде, в каком он существует сегодня. В итоговом документе саммита от 18 ноября 2012 г. записано буквально следующее: «Мы рассчитываем на подписание Протокола к договору о ЗСЯО в ЮВА и относящихся к нему документов без оговорок настолько скоро, насколько возможно».

Важно также отметить, что так называемый план действий по выполнению Договора о ЗСЯО в ЮВА, действовавший с 2007 по 2012 г., на этом саммите был продлен еще на 5 лет (до 2017 г.). Данное обстоятельство, вместе с настойчивым нежеланием стран АСЕАН учесть замечания ядерных государств и внести поправки в проект Протокола к Бангкокскому договору, еще в начале 2013 г. позволяло говорить о том, что прогресса с подписанием протокола ядерными державами скорее всего в 2013 г. не произойдет.

Определенные надежды на прогресс в подписании Протокола к Бангкокскому договору были связаны со второй сессией Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., который прошел в г. Женева, Швейцария с 22 апреля по 3 мая 2013 г.

Тем не менее в заявлениях, озвученных главами делегаций стран *ядерной пятерки*, в основном выражалась «надежда на то, что Протокол к Бангкокскому договору будет подписан как можно скорее», — именно так выразился глава французской делегации¹. Вторя французам, представитель США сообщил, что «США надеются, что все оставшиеся вопросы успешно разрешены, так что протокол может быть подписан без дальнейших отлагательств»². Глава делегации Великобритании заявила, что ее страна «остаётся приверженной необходимости подписания протокола и желает разрешить спорные вопросы как можно скорее»³. Китайская делегация заявила о том, что КНР «поддерживает дальнейшие консультации среди заинтересованных стран по разрешению спорных вопросов, относящихся к Протоколу»⁴.

В этом контексте замечательными выглядели слова главы российской делегации М. И. Ульянова, который довольно четко заявил о том, что «в России полностью завершены внутренние процедуры, необходимые для присоединения к Протоколу о ЗСЯО в Юго-Восточной Азии», и озвучил мнение российского МИД о том, что Протокол «готов к подписанию ядерными державами»⁵.

Правда, в этом случае следует все же помнить об упомянутом выше распоряжении президента России и обратить внимание на то, что глава российской делегации говорил именно о *внутренних процедурах*. Это может означать только окончательное оформление нашей позиции с учетом президентского распоряжения, но никак не о готовности членов Бангкокского договора принять эту позицию.

Тем не менее указанные выше заявления, вероятно, были сделаны в контексте консультаций представителей *ядерной пятерки* с представителями АСЕАН, о которых 7 мая 2013 г. рассказал генеральный секретарь организации Ле Лонг Минь, выступая на седьмой Встрече министров обороны стран АСЕАН. Он подтвердил, что в рамках этих консультаций был достигнут определенный прогресс в деле подписания Протокола к Бангкокскому договору.

Хотелось бы рассчитывать, что новый Генеральный секретарь АСЕАН, занявший свой пост 1 января 2013 г., не выдавал желаемое за действительное, как это уже случилось летом 2012 г., и что Протокол будет подписан к 23-му Саммиту АСЕАН, который пройдет 9–10 октября 2013 г. в Брунее. На данный момент, для такого оптимистичного подхода пока основания не достаточно.

Примечания

¹ Заявление руководителя делегации Франции на Второй сессии Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., 22 апреля 2013 г. http://papersmart.unmeetings.org/media/1261590/Statement_France_Eng.pdf (последнее посещение — 4 июня 2013 г.).

² Заявление делегации Соединенных Штатов Америки на Второй сессии Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., 26 апреля 2013 г. http://papersmart.unmeetings.org/media/1527341/14_USA_Cluster_2_Apr_26_AM.pdf (последнее посещение — 4 июня 2013 г.).

³ Заявление руководителя делегации Великобритании на Второй сессии Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., 26 апреля 2013 г. http://papersmart.unmeetings.org/media/1527323/7_United_Kingdom_Cluster_2_Apr_26_AM.pdf (последнее посещение — 4 июня 2013 г.).

⁴ Заявление делегации Китайской Народной Республики на Второй сессии Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., 25 апреля 2013 г. http://papersmart.unmeetings.org/media/1505013/E_Clust1_CHINA.doc (последнее посещение — 4 июня 2013 г.).

⁵ Заявление руководителя делегации Российской Федерации на Второй сессии Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., 22 апреля 2013 г. http://papersmart.unmeetings.org/media/1268712/RUSSIAN_FED.pdf (последнее посещение — 4 июня 2013 г.).

Игорь Томашов

ВОПРОС ПРО В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ — КАК ВЫЙТИ ИЗ ТУПИКА?

Данная статья получила первое место по итогам конкурса эссе «Ядерное оружие — переломный момент?». Конкурс был проведен ПИР-Центром в 2012 г. при поддержке фонда Инициатива по сокращению ядерной угрозы (Nuclear Threat Initiative).

Интерес к созданию систем противоракетной обороны (ПРО), способных защитить определенную территорию от атак баллистических ракет, имеет уже более чем полувековую историю. СССР и США начали их разработку в 1950-е гг., однако оказались не в состоянии создать эффективные системы и, достигнув к 1970-м гг. стратегического ядерного паритета, сочли выгодным зафиксировать сложившийся статус-кво. В 1972 г. СССР и США подписали Договор об ограничении систем ПРО (Договор по ПРО), по которому каждой стране разрешалось развертывание только одной системы ПРО со 100 перехватчиками для защиты одной цели¹. Вместе с тем договор не запрещал проведение исследований и разработок. Широкий резонанс получила *Стратегическая оборонная инициатива* (СОИ), объявленная в 1983 г. президентом США Рональдом Рейганом. Она была нацелена на изучение возможностей перехвата межконтинентальных баллистических ракет (МБР), в том числе из космоса².

В 1990-е гг. США активизировали свои действия в сфере противоракетной обороны, предложив России внести изменения в содержание Договора по ПРО либо прекратить его действие в связи с новой международной ситуацией³. Странам так и не удалось найти приемлемый вариант сохранения соглашения, и в 2001 г. президент США Джордж Буш-младший объявил об одностороннем выходе США из Договора по ПРО. США посчитали, что сохранение Договора в условиях увеличения количества стран, стремящихся к обладанию баллистическими ракетами и ядерным оружием, может представлять угрозу для национальной безопасности страны и ее союзников.

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ США

Американцы исходили из того, что создание системы ПРО способно снизить данную угрозу не только военно-техническими, но и военно-политическими методами, лишив *стран-изгоев* (прежде всего Иран и КНДР) стимулов к развитию ракетно-ядерных программ. Предполагалось, что осознание невозможности преодоления *противоракетного щита* окажет на них *отрезвляющее* воздействие. Россия же была заверена в том, что ПРО не приведет к снижению эффективности ее ракетно-ядерного потенциала, поскольку такая система будет нацелена исключительно на защиту от единичных пусков баллистических ракет.

Развертывание современной системы ПРО США началось в 2002 г., когда на военных базах Форт Грили на Аляске и Вандерберг в Калифорнии были установлены противоракеты наземного базирования *GBI*. В середине 2000-х гг. даже обсуждался вопрос о размещении элементов американской ПРО в Польше и Чехии, но администрация Барака Обамы отказалась от данной идеи в сентябре 2009 г., пересмотрев свой взгляд на возможные ракетные угрозы и способы защиты от них.

На нынешнем этапе реализации своих планов США нацелены на создание глобальной эшелонированной системы ПРО. Это означает, что система ПРО будет состоять из различных элементов, размещенных на территории США и других стран. В числе этих элементов будут системы, способные обнаруживать, идентифицировать и поражать баллистические ракеты на средней и заключительной фазах их траектории полета⁴.

Глобальный масштаб системы ПРО США обуславливается активным развитием сотрудничества по этому вопросу со странами НАТО, а также Австралией, Израилем, Японией и другими государствами⁵. О масштабах НИОКР также говорят цифры финансирования: в течение последних лет на создание противоракетных систем США тратили около 10 млрд долларов в год⁶.

Как утверждают официальные лица США, причиной создания системы ПРО является продолжающаяся активность КНДР и Ирана в ракетно-ядерной сфере, проявляющих открытый антиамериканизм на международной арене. КНДР уже осуществляла пуски баллистической ракеты *Тэпходон-2*, дальность полета которой на данный момент достигает 3000 км, и ракеты *Ынха-3* под видом ракеты космического назначения. Иран ведет работы по совершенствованию ракеты *Шахаб-3*, имеющей дальность полета более 2000 км. Таким образом, ракеты КНДР могут достигать территории Тайваня, Южной Кореи и Японии, на которых расположены военные базы США, а Иран способен нанести удар по Израилю и южной части Европы.

Однако международного консенсуса по вопросу создания системы ПРО США не существует. **Во-первых**, критики заявляют о преувеличении Соединенными Штатами масштабов ракетной угрозы со стороны *стран-изгоев*. В экспертном докладе Института *Восток-Запад* указывается, что «в данный момент не существует угрозы использования Ираном баллистических ракет средней дальности и межконтинентальных баллистических ракет, и даже если бы такая угроза могла возникнуть, она не появится одновременно»⁷. Высказываются сомнения и относительно ракетной программы КНДР: вполне возможно, что это военно-политический блеф, с помощью которого северокорейский режим пытается выторговать уступки на международной арене.

Во-вторых, существуют исследования, показывающие, что в некоторой степени военно-политическим блефом может являться и само создание системы американской ПРО. По словам американских экспертов Теодора Постола и Джорджа Льюиса, «когда озвучиваемые управлением противоракетной обороны (УПРО) министерства обороны США объяснения того, как функционирует система ПРО, подвергаются детальному техническому анализу, становится ясно, что ни один из элементов системы не может работать так, как говорит об этом УПРО»⁸. Настойчивость же США в создании системы ПРО объясняется желанием использовать ее в качестве инструмента военно-политического давления на другие страны и активным лоббизмом военных, заинтересованных в получении дополнительного финансирования.

В-третьих, создание противоракетной обороны может не преуспеть в достижении официально заявленных целей. Если эффективность ПРО будет находиться на низком уровне, она не обеспечит достаточную защиту от угрозы со стороны *стран-изгоев*; если же, напротив, эффективность системы ПРО США окажется высокой, это может вызвать новую *гонку вооружений* не только на региональном,

но и на глобальном уровне, поскольку страны начнут в ответ на действия США «усиливать опору на ядерное оружие и ядерное сдерживание в стратегии обеспечения своей безопасности»⁹.

Таким образом, учитывая влияние различных факторов, можно сделать вывод о существовании высокой неопределенности относительно эффективности создаваемой американцами ПРО и ее международных военно-политических последствий. Это, однако, не препятствует США реализовывать свои планы.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЗИЦИИ РОССИИ

Данная ситуация вызывает серьезную озабоченность таких стран, как Россия и Китай. КНДР граничит с Россией и Китаем, Иран находится относительно недалеко от южных границ России. Поэтому, стремясь разместить элементы ПРО недалеко от КНДР и Ирана, США неизбежно вторгаются в российскую и китайскую зоны геополитического влияния. По утверждению российского эксперта Сергея Смирнова, противоракетная оборона «уже сегодня способна обеспечить защиту не от каких-то абстрактных *стран-изгоев*, а от вполне конкретных китайских межконтинентальных баллистических ракет»¹⁰.

Перемещение РЛС с Гавайских островов на Алеутские, расположенные ближе к России и Китаю, строительство эсминцев с системами ПРО *Иджис*, способные патрулировать морские границы, — все это заставляет Россию и Китай воспринимать создание американской ПРО как попытку их *окружения* с перспективой военно-политического сдерживания их активности на международной арене.

Россия особенно чувствительна к восприятию проблемы создания ПРО. Сохранение Договора по ПРО после распада СССР отвечало интересам страны, так как поддерживало иллюзию равенства с США, в то время как технологический и политический разрыв в других сферах увеличивался. Выход США из Договора по ПРО произошел на фоне сближения российско-американских отношений после террористических атак 11 сентября 2001 г., что смягчило его последствия. Как заявил тогда президент России В. В. Путин, этот шаг США «ошибочен, но не представляет угрозу для российской безопасности»¹¹. Однако уже в середине 2000-х гг. позиция России по вопросу создания Соединенными Штатами своей ПРО изменилась. Эта проблема стала одним из главных *камней преткновения* в российско-американских отношениях.

Во-первых, вопреки высказываниям американских официальных лиц, анализ потенциала системы ПРО США российскими военными экспертами свидетельствовал о том, что она является угрозой способности России по стратегическому ядерному сдерживанию США¹². Масштаб этой угрозы не стоит преувеличивать, однако констатировать ее наличие можно с высокой степенью уверенности.

Во-вторых, создание американской противоракетной обороны может иметь ряд негативных военно-политических последствий. В 2000-е гг. переговоры стран Восточной Европы о размещении элементов системы ПРО США сопровождались усилением антироссийской риторики и направленности их политики. Кроме того, как уже было указано выше, создание такой системы может вызвать новую *гонку вооружений* на региональном и глобальном уровнях, что, безусловно, невыгодно для России.

Таким образом, складывается несколько парадоксальная ситуация: в то время как США прикладывают усилия по защите от потенциальной угрозы со стороны *стран-изгоев*, Россия, географически расположенная к ним ближе, является одним из главных критиков этих мер. Данная угроза не кажется России настолько значимой, как ее воспринимают США, и она заявляет о необходимости более умеренной политики в отношении Ирана и КНДР.

По-видимому, Россия хотела бы играть роль посредника в данной ситуации, однако для этого ей недостает международного влияния и внешнеполитических ресурсов. В результате Россия оказывается в противоречивом положении: ей предстоит либо продолжать оппонирование США — достаточно жесткое, чтобы привлечь внимание к своим аргументам, но неспособное действенным образом препятствовать реализации существующих планов, либо коренным образом изменить свою позицию по данному вопросу, начав активно сотрудничать с США в сфере противоракетной обороны.

ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ vs. СОТРУДНИЧЕСТВО

В числе возможных ответных действий России на создание системы ПРО США можно указать ряд симметричных и асимметричных мер. Логичным ответом представляется создание российской национальной ПРО, тем более что Россия уже имеет определенный опыт в этой сфере. Существует развернутая вокруг Москвы противоракетная система А-135, приняты на вооружение зенитно-ракетные комплексы С-400 Триумф, а также в конце 2011 г. были созданы Войска воздушно-космической обороны (ВКО). Вместе с тем сравняться с США по уровню развития систем ПРО будет для России сложно ввиду ограниченности ее финансовых и технических ресурсов. Именно поэтому эффективное реагирование России на угрозы, связанные с созданием американской противоракетной обороны, подразумевает использование асимметричных мер.

Во-первых, Россия может начать интенсивное совершенствование своих стратегических ядерных сил, чтобы затруднить перехват российских ракет противоракетами Соединенных Штатов и сохранить стратегический ядерный паритет с ними. На данный момент ракетно-ядерный арсенал России сокращается не только потому, что страна выполняет свои обязательства в рамках соответствующих международных договоров, но и по причине прекращения сроков эксплуатации баллистических ракет и боеголовок. Вместе с тем следует учитывать возможность негативной общественной реакции на дальнейшее увеличение военного бюджета страны.

Во-вторых, Россия может выйти из Договоров по РСМД 1987 г. или Договора по СНВ 2010 г., при подписании которого она сделала необязательное к исполнению одностороннее заявление, в котором указано, что она может денонсировать соглашение, если наращивание возможностей системы ПРО США создаст угрозу потенциалу российских стратегических ядерных сил России¹³.

Однако в действительности такой шаг маловероятен, потому что он может вызвать еще больше негативных последствий для нее: темпы наращивания Соединенными Штатами своей военной мощи и так гораздо выше, а снижение доверия к России на международной арене и ослабление легитимности сохраняющихся международных режимов в области контроля вооружений крайне нежелательны.

В-третьих, Россия может использовать различные политические и пропагандистские меры. На американских политических лидеров и международное общественное мнение можно повлиять, аргументированно доказывая преувеличение США масштабов ракетной угрозы со стороны Ирана и КНДР и выявляя слабые места создаваемой противоракетной системы. Возможна деятельность через международные институты, поиск военно-политических союзников и расширение сотрудничества с третьими странами, также выражающими озабоченность действиями Соединенных Штатов.

Альтернативным сценарием может быть сотрудничество между Россией и США по вопросу создания совместной ПРО. Главный аргумент в пользу разработки такой системы заключается в том, что она будет обладать достаточной эффективностью и легитимностью, чтобы гарантировать стабильность нового режима противоракетной обороны. Еще в 2007 г. президент России В. В. Путин предложил США рассмотреть возможности использования Габалинской РЛС в Азербайджане

(ныне уже закрытой) для обнаружения и ведения ракетных запусков с юга. В 2010 г. Д. А. Медведев выступил с идеей создания секторальной ПРО. В рамках такой системы Россия и страны НАТО гарантировали бы уничтожение ракет, пролетающих через их территории, и обязывались не направлять объекты такой системы друг против друга¹⁴.

Вместе с тем эти предложения не смогли заинтересовать США и НАТО в такой мере, чтобы они существенно скорректировали свои планы по развитию глобальной эшелонированной системы противоракетной обороны.

УКРЕПЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ STEP BY STEP

В ситуации, когда стороны не могут договориться о заключении стратегических соглашений в этой сфере, они могут сконцентрировать усилия на конкретных проектах и инициативах, способствующих росту доверия. В перспективе такой путь может привести к трансформации их идентичности и отказу от рассмотрения друг друга в качестве потенциальных врагов.

Во-первых, среди оптимальных шагов можно выделить продолжение совместной работы по оценке угроз, касающихся баллистических ракет, о которой было впервые объявлено на саммите Совета Россия-НАТО в ноябре 2010 г.¹⁵ Возможно, в ходе этих дискуссий будут найдены способы координации между создаваемой при участии США системой ЕвроПРО и российскими ВКО.

Во-вторых, Россия и США могут вернуться к идее создания совместного центра по обмену данными, «работа над которым началась в соответствии с российско-американским соглашением 1998 г., но которая была вскоре заморожена»¹⁶. В 2009 г. президенты России и США Д. А. Медведев и Барак Обама также упомянули о возможности создания такого центра, который бы способствовал интенсификации коммуникации между военными специалистами двух стран¹⁷. Кроме того, необходимо регулярное проведение совместных учений по противоракетной обороне театра военных действий между военными из России и стран НАТО.

В-третьих, Россия и США должны осознать, что выход из тупика, в который зашли переговоры по ПРО, требует от них взаимных уступок. России следует смягчить свое требование к американцам о подписании юридически обязывающих гарантий, что создание противоракетной системы не повлияет на потенциал стратегического сдерживания России. США, в свою очередь, могут предложить России заключение соглашения о техническом сотрудничестве в оборонной сфере, в рамках которого стороны могли бы осуществлять технологический обмен, в чем Россия особенно заинтересована в свете своих активных усилий по модернизации вооружений.

Создание системы ПРО США — это проект, который будет влиять на международную безопасность и российско-американские отношения в долгосрочной перспективе. Вместе с тем он может стать как поводом для конфликтов, так и возможностью по развитию более широкого сотрудничества и созданию стратегического союза между Россией, Соединенными Штатами и странами НАТО. Динамика развития ситуации будет зависеть от ряда внутри- и внешнеполитических факторов, и стоит подчеркнуть — успешное сотрудничество в сфере противоракетной обороны способно заложить основу для выработки новых подходов к обеспечению международной безопасности.

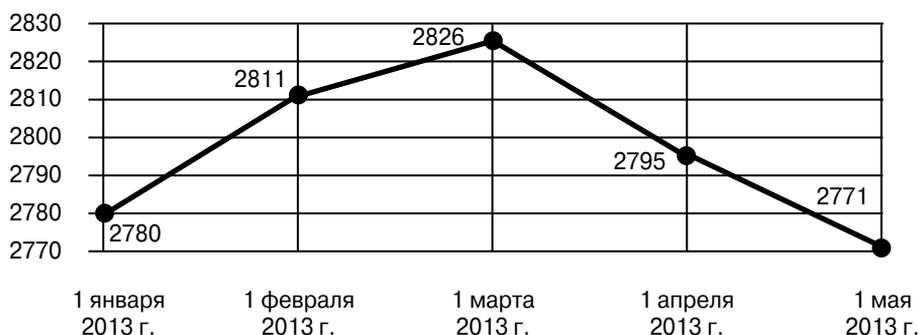
Примечания

¹ Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Limitation of Anti-Ballistic Missile Systems. The Federation of American Scientists. <http://www.fas.org/nuke/control/abmt/text/abm2.htm> (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).

- ² History of US Missile Defense Efforts. 1945 — Present. The Missile Defense Agency. http://www.mda.mil/news/history_resources.html (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ³ Уолфстол Д. Б., Дотри Э. Ю., Чуен К. А. Ядерный доклад. Московский Центр Карнеги. 2002, Декабрь. С. 43. <http://www.carnegieendowment.org/files/NSRFullTextRussian.pdf> (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ⁴ Arbatov A., Dvorkin V. Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons, Treaties. M.: The Carnegie Moscow Center, 2009. P. 135.
- ⁵ The Ballistic Missile Defense System (BMDS). The Missile Defense Agency. <http://www.mda.mil/system/system.html> (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ⁶ Holmes K. R., Carafano J. J., Brookes P., Spring B. What Americans Need to Know About Missile Defense: We're Not There Yet. The Heritage Foundation. *WebMemo*. 2009, 30 June. № 2512. <http://www.heritage.org/research/ballisticmissiledefense/wm2512.cfm> (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ⁷ Iran's Nuclear and Missile Potential. A Joint Threat Assessment by US and Russian Technical Experts. EastWest Institute. 2009, May. P. 9. <http://docs.ewi.info/JTA.pdf> (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ⁸ Lewis G. N., Postol T. A. The European Missile Defense Folly. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2008. № 2 (64). P. 33. <http://www.thebulletin.org/files/064002009.pdf> (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ⁹ Arbatov A., Dvorkin V. Op. cit. P. 139.
- ¹⁰ Смирнов С. Противоракетная оборона: дезинформация, угроза или реальность? *Индекс Безопасности*. 2009. № 2 (89). С. 68. http://www.pircenter.org/data/publications/sirus2-09/065-072_Smirnov_Analiz.pdf (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ¹¹ America Withdraws from ABM Treaty. *BBC News*. 2001, 31 December. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/1707812.stm> (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ¹² Козин В. П. ЕвроПРО — проблемы создания и условия участия в ней России. *Независимое Военное Обозрение*. 2011, 25 марта. http://nvo.ng.ru/concepts/2011-03-25/1_europro.htm (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ¹³ Заявление Российской Федерации относительно противоракетной обороны. Президент России. 2010, 8 апреля. http://news.kremlin.ru/ref_notes/511 (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ¹⁴ Саммит Россия-НАТО: подводя итоги. *Интерфакс*. 2010, 21 октября. <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=165850> (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Арбатов А. Пятый противоракетный кризис. Брифинг Московского Центра Карнеги. 2009, октябрь. Том 11, № 4. С. 4–5.
- ¹⁷ Обама и Медведев провели переговоры и подвели итоги. *NEWSru.com*. 2009, 9 июля. <http://newsru.com/russia/06jul2009/zayavili.html> (последнее посещение — 29 апреля 2013 г.).

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* в январе–мае 2013 г.

↳ **Галия Ибрагимова, Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей Кортунув, Сехларе Макгетланенг, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Константин фон Эггерт.**
ИНДЕКС *iSi* ЗА ЯНВАРЬ–МАЙ 2013 г.: ХАОТИЧНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ

↳ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА:
ПСИХОПАТОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

↳ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА:
У НАДКОЛОТОГО КОРЫТА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

ХАОТИЧНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Новое годовое значение Индекса международной безопасности *iSi*, установленное на 2013 г., составило **3145 пунктов**, что на 30 пунктов выше значения 2012 г., равного **3115 пунктам**. Рост годового значения Индекса *iSi* связан с начавшимся процессом формирования государственности в странах, где имела место так называемая *Арабская весна*. В Египте президентом стал исламист Мухаммед **Мурси**. В Ливии прошли парламентские выборы, большинство голосов завоевали либеральные силы. Эти события привели к относительной стабилизации общественно-политической жизни на Ближнем Востоке и Африке. Снижение напряженности и, соответственно, рост показателей Индекса *iSi* связано также с проведением в США президентских выборов и победой на них действующего президента Барака **Обамы**, а также избранием новым секретарем ЦК Китая **Си Цзиньпина**. В январе 2013 г. значение *iSi* составило **2811 пунктов**, в феврале — **2826 пунктов**. В марте в связи с обострением ситуации на Корейском полуострове показатель *iSi* снизился на 15 пунктов и составил **2795 пунктов**. В апреле из-за обострившейся ситуации в Сирии, Египте, Мали, Ираке, а также терактов в США на Бостонском марафоне, разразившегося банковского кризиса на Кипре значение Индекса *iSi* демонстрировало тенденцию к снижению и на 1 мая 2013 г. составило **2771 пункт**.

Андрей Картунов (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы: Состояние безопасности в мире снизилось. Главная тому причина — обострение ситуации на Корейском полуострове из-за угрозы начала войны между севером и югом. Кризис в Сирии и неспособность мирового сообщества посодействовать в поиске решений для выхода из него — еще один фактор глобальной нестабильности. Ядерная программа Ирана и отсутствие прогресса на переговорах *шестерки* международных посредников с Тегераном не менее значимое негативное событие текущего периода. В какой-то мере террористические акты, совершенные в США, оказали воздействие на безопасность в мире. Летом 2013 г. ситуация в мире вряд ли улучшится, так как нет предпосылок для серьезного сдвига в позитивном направлении ни на одном из вышеперечисленных направлений. Наоборот, тенденция к ухудшению скорее продолжится. Вполне вероятно, что в целом ряде ближневосточных стран ситуация обострится.

- **Африка и Ближний Восток.** На Ближнем Востоке гражданское противостояние власти оппозиции в **Сирии** — главная угроза региональной безопасности. Зимой–весной 2013 г. в Дамаске, Идлибе, Хаме, Хомсе, Нейрабе, шли ожесточенные столкновения армии с повстанцами. 6 января президент Сирии Башар **Асад** предложил план поэтапного выхода из кризиса, предусматривающий создание нового правительства и объявление всеобщей амнистии. Между тем, в марте при обстреле Алеппо оппозиция применила химическое оружие; власти страны потребовали расследование инцидента ООН. Обострилась ситуация на сирийско-турецкой, сирийско-израильской, сирийско-ливанской границах. На сирийско-турецкой границе имели место ожесточенные столкновения курдов с экстремистами из группировки *Джебхат ан-Нусра*. 4 марта израильские ВВС нанесли удар по военным объектам Сирии на сирийско-ливанской границе. 27 марта на саммите Лиги арабских

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Состояние безопасности в мире стремительно снижается. Обстановка в Сирии свидетельствует, что до разрядки еще далеко. Обстановка в Сирии свидетельствует, что до разрядки еще далеко. Муссируемые в СМИ слухи о возможных переговорах между властями в Дамаске и оппозицией — не более чем миф, придуманный для оттягивания времени. Такие переговоры ни к чему не приведут и ни на что не повлияют. Гражданская война в Сирии продолжит развиваться по нарастающей и перейдет в необратимую фазу, грозя перекинуться на соседние страны.

государств в Дохе достигнута договоренность о поддержке сирийской оппозиции. Президент США Барак **Обама** признал Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил (НКОРС) законным представителем сирийского народа.

В **Ливане** имели место столкновения между суннитами и алавитами из-за сирийского конфликта. Армия взяла ситуацию под контроль, чтобы остановить межплеменные столкновения. В январе ливанская оппозиция сорвала решающий раунд национального диалога, потребовав предварительной отставки правительства Наджиба **Микати**. 23 марта премьер-министр Микати ушел в отставку после разногласий вокруг процедуры проведения парламентских выборов, намеченных на 2013 г.

В **Египте** в январе во вторую годовщину революции против экс-президента Хосни **Мубарака** вспыхнули массовые акции протеста оппозиции против действующей в стране власти исламистов; наиболее ожесточенные столкновения вспыхнули в городе Порт-Саид после вынесения приговора футбольным болельщикам, устроившим погром на стадионе в феврале 2012 г. 21 февраля президент страны Мухаммед **Мурси** подписал указ о проведении в конце апреля парламентских выборов, но Административный суд Египта отменил это решение. Основанием стало то, что документ не был рассмотрен в Конституционном суде; президент подчинился решению, сдвинув на полгода дату парламентских выборов. Демонстрации оппозиции против политики исламистов не прекращались на протяжении всей весны; имели место столкновения на межконфессиональной почве между христианами и мусульманами.

Иран и его ядерная программа были в центре внимания мировой общественности зимой-весной 2013 г. В Тегеране 14 февраля состоялись переговоры между МАГАТЭ и представителями Исламской республики, но достичь соглашения о доступе на ядерные объекты Ирана не удалось. МАГАТЭ 21 февраля распространило доклад, в котором указывается, что Иран установил новые центрифуги на ядерном объекте в Натанзе. В феврале и апреле в Алма-Ате без видимых результатов прошли переговоры *шестерки* международных посредников и Ирана по ядерной программе ИРИ. Сторонам не удалось достичь видимых результатов.

Константин фон Эггерт (Россия), главный редактор радио Коммерсант FM — по телефону из Москвы: В июне состоятся выборы президента Ирана. После них, думаю, можно будет увидеть некую новую расстановку сил в регионе. Во всяком случае, от того, кто станет их победителем, во многом будет зависеть ситуация как внутри страны, так и за ее пределами.

Израиль–Палестина. На Западном берегу реки Иордан в апреле имели место столкновения палестинцев и израильтян, спровоцированные смертью в Израиле палестинского заключенного. В ответ израильские ВВС нанесли удар по сектору Газа.

23 января в Израиле состоялись досрочные парламентские выборы, победу одержал блок премьер-министра Биньямина **Нетаньяху** *Ликуд Бейтейну*.

Израиль и Турция в марте договорились о нормализации двусторонних отношений, после того как Биньямин Нетаньяху принес извинения Тайипу **Эрдогану** за инцидент с *Флотилией свободы* в 2010 г. Разговор двух премьеров состоялся во время визита в Израиль президента США Барака **Обамы**.

23 марта Рабочая партия Курдистана объявила о прекращении огня против турецких властей, следуя призыву своего лидера Абдуллы **Оджалана**.

Между тем на юго-востоке **Турции** 11 апреля произошли столкновения между курдами и турецкими исламистами.

Халил Каравели (Турция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Начавшийся мирный процесс между Турцией и Рабочей партией Курдистана — главный и пока единственный позитивный тренд на Ближнем Востоке. Для Турции мирное разрешение конфликта с курдами выгодно. Нейтрализовав РПК, Анкара предотвратила ситуацию, когда Иран мог бы начать использовать курдов как оружие против турков. Перемирие с курдами также означает, что у Турции появилась перспектива налаживания более тесных связей с самоуправляемым курдами севером Ирака. Из этого следует, что, разрядив ситуацию вокруг курдского вопроса, турецкое правительство сделало важный шаг по улучшению собственной и региональной безопасности. Представляется, однако, что Иран намерен каким-то образом саботировать мирный процесс между турками и курдами, так как он угрожает изменить баланс сил в регионе в пользу Турции.

В **Тунисе** в феврале вспыхнули массовые акции протеста, спровоцированные убийством лидера оппозиции Шокри **Белаида**. В связи с кризисом премьер-министр страны Хамади **Джебейли** объявил о роспуске правительства умеренных исламистов и формировании технического кабинета министров.

В **Ираке** в январе и апреле имели место ожесточенные столкновения между суннитскими боевиками и полицией; есть жертвы.

В **Бахрейне** вспыхнули протесты шиитов, требующих расширения своих прав в контролируемой суннитами стране.

В **Ливии** продолжились межплеменные столкновения.

В **Йемене** протесты сторонников отделения юга страны от севера переросли в столкновения с полицией.

В **Мали** зимой 2013 г. вспыхнули ожесточенные столкновения между армией и боевиками *Аль-Каиды*. 15 января Франция вступила в воен-

ную операцию в Мали для освобождения севера от исламистов. Нигерия и Чад согласились направить воинский контингент в Мали для участия в военной операции; Алжир и Марокко открыли свое воздушное пространство для полетов французских ВВС в Мали. Весной французским войскам и малийской армии удалось взять под контроль города Кидаль, Тесалит и Тимбукту, ранее захваченные исламистами.

В **Алжире** 16 января террористы захватили в заложники более 40 иностранных сотрудников газового комплекса, потребовав в обмен вывод французских войск из Мали и освобождение из алжирских тюрем террористов. В результате спецоперации, проведенной силами безопасности Алжира, террористы были уничтожены; погибли 23 заложника.

В **Центральноафриканской Республике** в марте был совершен государственный переворот; власть в стране захватило оппозиционное движение *Селека*, ее лидер Мишель **Джотодиа** объявил себя президентом страны.

Сехларе Макгетланенг (Южно-Африканская Республика), глава исследовательской программы «Управление и демократия» Института Африки ЮАР — по электронной почте из Претории: Внутренние и внешние факторы будут оказывать определяющее влияние на состояние безопасности Африканского континента летом 2013 г. Ситуация в Мали, Алжире, Конго станет определяющей. Решительность Франции по ситуации в Мали вызывает другой вопрос — способен ли Африканский союз заниматься хоть какими-нибудь проблемами на континенте, не полагаясь на поддержку Запада. Центральная и Южная Африка находятся под негативным воздействием ситуации в Конго. Конфликт между правительственными войсками Демократической Республики Конго и повстанческим *Движением 23 марта* угрожает перерасти в серьезную региональную войну с вовлечением внешних сил.

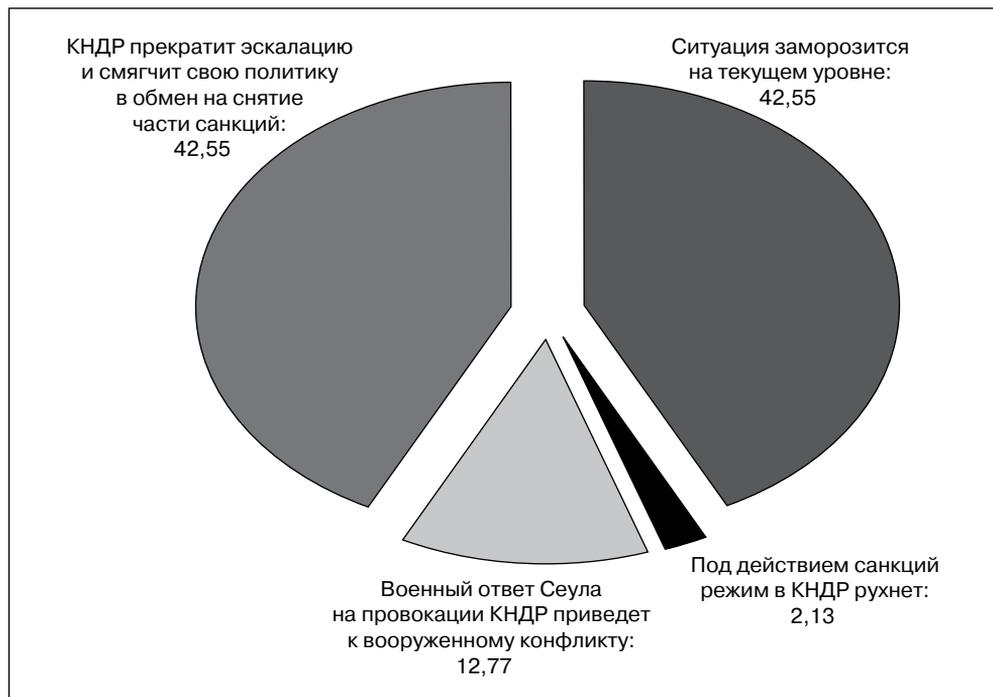
В **Судане** 7 апреля власти подписали мирный договор с повстанцами Дарфура.

В **ЮАР** на состоявшемся саммите БРИКС принято решение о создании самоуправляемого валютного резерва в объеме 100 млрд долларов.

- **Корейский полуостров.** 12 февраля 2013 г. Северная Корея провела новое ядерное испытание. Совет Безопасности ООН 7 марта принял резолюцию, ужесточающую санкции против КНДР за проведенное испытание. В ответ Пхеньян аннулировал практически все соглашения с Южной Кореей о ненападении и денуклеаризации Корейского полуострова и заявил о готовности вступить в войну с южанами в случае провокаций. Власти КНДР посоветовали иностранным дипломатам покинуть страну в связи с неспособностью обеспечить их безопасность в случае начала военных действий. Между тем 16 марта США отказались от четвертого этапа создания ЕвроПРО в пользу укрепления противоракетной обороны в тихоокеанском регионе в связи с угрозами, исходящими из Пхеньяна. Южная Корея начала военные учения в связи с опасениями новых провокаций со стороны севера. 18 апреля Пхеньян объявил о готовности начать диалог с Южной Кореей при условии отмены санкций против страны.

Рис. 1. Опрос на сайте ПИР-Центра: Чем завершится обострение ситуации на Корейском полуострове? (%)

- **Афганистан–Пакистан.** В Афганистане талибы заявили о начале весеннего наступления, призванного свергнуть режим президента Хамида Карзая. Сам Карзай запретил использовать авиацию НАТО для обеспечения воздушной поддержки афганских сил безопасности. Между тем США заявили о намерении оставить в стране девять военных баз после вывода в 2014 иностранного контингента в качестве условия для подписания соглашения о безопасности между двумя странами.

В Пакистане в январе вспыхнули массовые манифестации с требованием отставки руководства страны и проведения радикальных реформ; в феврале имели место столкновения между экстремистскими группировками, погибли 62 боевика. Исламабад 15 февраля испытал баллистическую ракету *Хатф-2*, способную нести ядерную боеголовку. 12 мая в стране состоялись парламентские выборы; победу одержала оппозиционная партия Пакистанская мусульманская лига бывшего премьер-министра Наваза Шарифа.

 Фарход Толипов (Узбекистан), директор негосударственного научно-образовательного учреждения Билим карвони (Караван знаний) — по электронной почте из Ташкента: После вывода Международных сил содействия безопасности из Афганистана в 2014 г. правительство Хамида Карзая не сможет самостоятельно контролировать ситуацию в стране. Впрочем, не только Карзай, никакая другая сила без иностранного участия не сможет контролировать ситуацию в стране.

Дайан Джаятеллека (Шри-Ланка), посол, профессор, университет Коломбо — по электронной почте из Коломбо: В Южной Азии ситуация в области безопасности ухудшилась. Крайне неприятным и негативным событием для безопасности региона стало убийство индийских солдат на линии разделения огня в Кашмире. Полагается, что за этим убийством стоят пакистанские военные. Но ситуацию нагнетают последовавшие предупреждения об ответных действиях со стороны официального Дели, что усугубило ситуацию.

В спорном регионе Кашмир в январе произошла перестрелка между пакистанскими и индийскими военными; есть жертвы.

- **Восточная и Юго-Восточная Азия.** В Бангладеш в марте демонстрации оппозиции против решения военного трибунала приговорить к смертной казни мусульманского проповедника Делвара Хуссейна **Сайеди** переросли в столкновения с полицией; есть жертвы.

В Мьянме межконфессиональные столкновения стали причиной гибели более 40 человек; в городе Мейтхила было введено чрезвычайное положение.

В Китае официально завершена процедура передачи власти; председателем КНР назначен **Си Цзиньпин**.

- **Европейский союз.** На саммите Евросоюза в Брюсселе 8 февраля утвержден сокращенный бюджетный план на 2014–2020 гг.

На Кипре в марте произошел банковский кризис; в результате в стране были заморожены крупные вклады объемом более 100 тыс. евро для спасения банковского сектора от банкротства. Власти ЕС согласились выделить Кипру 10 млрд евро на рекапитализацию банков при условии, что остальные средства, необходимые для поддержания экономики на плаву, остров найдет сам.

В Италии премьер-министр Марио **Монти** ушел в отставку, после того как парламент страны не смог принять бюджет страны на 2013 г. 20 апреля Джорджо **Наполитано** переизбран президентом Италии на второй срок, чтобы помочь разрешить сложившийся в стране политический кризис

В Болгарии в феврале массовые протесты населения против высоких цен на услуги ЖКХ спровоцировали правительственный кризис; кабинет премьер-министра Бойко **Борисова** подал в отставку.

В Испании, Германии, Греции, Германии прошли акции протеста против экономической политики властей.

В Северной Ирландии в январе имели место столкновения между лоялистами — сторонниками сохранения региона в составе Великобритании — и националистами, требующими его отделения от страны. 16 января парламент Великобритании одобрил указ о предоставлении Шотландии права провести референдум по независимости.

Сербия и Косово 22 апреля приняли план соглашения по нормализации отношений с Косово. Косовские сербы провели митинг против принятия этого документа.

- **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность.** 16 марта США отказались от четвертого этапа создания европейской противоракетной обороны в пользу укрепления противоракетной обороны в тихо-

Евгений Бужинский (Россия), старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант — по телефону из Москвы: Важным событием периода стало то, что США отказались от четвертого этапа создания ЕвроПРО в пользу укрепления противоракетной обороны в Тихоокеанском регионе в связи с угрозами, исходящими из Пхеньяна. Это решение американцев о корректировке планов создания европейского сегмента глобальной системы ПРО является совершенно четким сигналом готовности Вашингтона искать компромисс с Россией. По большому счету, именно ракеты *SM-3 Block IIB* с потенциалом перехвата МБР, размещенные в Польше, были главным предметом озабоченности России.

океанском регионе. 15 апреля Президент США Барак Обама передал российскому лидеру Владимиру Путину послание, в котором предложены инициативы, затрагивающие систему ПРО. В частности, предлагалось разработать юридически обязывающее соглашение о прозрачности, которое включало бы обмен информацией в подтверждение того, что ПРО не представляют угрозу для сил сдерживания двух стран. В середине мая Владимир Путин передал ответное послание президенту США, в котором также затронул тематику ПРО и вопрос сотрудничества с США по линии спецслужб.

23 апреля в Брюсселе состоялся саммит Россия–НАТО на уровне глав МИДов. Главным итогом встречи стало решение о расширении трастового фонда по техническому обслуживанию российских вертолетов в Афганистане, а также углублению сотрудничества Москвы и североатлантического альянса в борьбе с терроризмом. Договоренностей по противоракетной обороне достичь не удалось.

- **Природные катастрофы и техногенные аварии.** На Филиппины в декабре обрушился мощный ураган *Бофа*; погибли более 200 человек.

В Бразилии 27 января в результате пожара в ночном клубе погибли более 200 человек.

В России, в Челябинской области 15 февраля упал метеорит; пострадали более 1000 человек. В США в результате аварии на гоночной трассе пострадали более 33 зрителей.

В Японии в апреле из хранилища АЭС *Фукусима-1* вытекло 47 тонн радиоактивной воды.

В Иране произошло сильное землетрясение, погибли более 20 человек.

В Бангладеш в результате обрушения здания фабрики по пошиву одежды погибли более 1000 человек.

- **Крупные теракты** в Пакистане, Ираке, Афганистане, Сирии, Израиле, Греции, Мали, Турции, Йемене, Ливии, Хорватии.

В США 15 апреля у финишной черты Бостонского марафона прогремело два взрыва; погибли 3 человека, более 140 ранены. Спустя пару дней в штате Техас на химзаводе прогремел новый взрыв; погибли 14 человек.

- В Венесуэле скончался президент Уго **Чавес**.

Ирма Аргуэльо (Аргентина), председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности — по электронной почте из Буэнос-Айреса: Похоже, что ситуация неопределенности, сохранявшаяся в стране в связи с продолжительным лечением президента Уго Чавеса на Кубе, разрешилась. Правда, неожиданная болезнь бывшего венесуэльского лидера, лечение и его смерть оставляют много вопросов. Вместе с тем институциональный кризис, связанный с ответственностью власти, вряд ли обойдет Венесуэлу стороной.

14 апреля в стране состоялись внеочередные выборы президента. Победу одержал приемник Чавеса Николас **Мадуро**. Оппозиция, неудовлетворенная результатами выборов, провела в стране митинги с требованием пересчитать голоса избирателей.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ПСИХОПАТОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Книга Зигмунда Фрейда *Психопатология повседневной жизни* вошла в список научной классики XX века. Обзоры мировой политики, даже самые удачные, в эту категорию вряд ли попадут. Однако сам термин *психопатология* применительно к нынешним международным отношениям вполне уместен. Особое значение имеют два ее проявления.

Первое — преувеличенное восприятие собственных возможностей, в том числе убежденность лидеров в величии возглавляемых ими государств. Это часто является компенсацией персональной ущербности и, кроме того, блокирует поиск новых решений. Последнее бессмысленно, если страна находится на подъеме, а ее соперники в упадке.

Второе — стремление любыми средствами избежать осложнений. И в том, и в другом случае субъект не способен учесть прошлый опыт, отказывается принимать окружающий мир таким, какой он есть. Включается механизм психологической защиты: действительность искажается, чтобы скрыть от самого себя свои страхи, слабости, неспособность отказаться от устаревших, но привычных моделей поведения.

В конечном итоге реальность заменяется продуктами собственного воображения. Для индивида это кончается длительным и не всегда успешным лечением у психиатров, на международной арене — провалом стратегического курса и, случается, крахом государства, как это произошло с СССР. Но вернемся к актуальным мировым делам.

США: ОБНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

Наиболее значимым событием последних месяцев стало избрание Барака Обамы на второй срок в качестве американского президента, что повлекло обновление внешнеполитического курса США. Это неудивительно: практически на всем протяжении 2009–2012 гг. американская внешняя политика концентрировалась главным образом на проблемах, унаследованных от предыдущей администрации. По мере их решения происходит естественное сосредоточение на вызовах сегодняшнего дня.

Внешнеполитические итоги первого срока администрации Барака Обамы неоднозначны. Несомненным достижением стало ослабление *Аль-Каиды*, в том числе

Ы
В
Р
О
С
С
Б
Е
С
О
Ц
П
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
И
М

ликвидация Усамы бен Ладена. Вашингтон вывел войска из Ирака, готовится к их выводу из Афганистана — это, бесспорно, успех нынешней администрации, хотя пока не понятно, сколько американских солдат останется в Афганистане после 2014 г. и чем они будут там заниматься. Прямое участие США в делах этих двух стран оборачивалось огромными расходами и ограничивало их свободу действий на мировой арене.

Менее успешной была попытка наладить отношения с Россией. Отказ от создания третьего позиционного района ПРО в Европе не сопровождался какими-либо уступками Москвы. Новый Договор по СНВ, с военной точки зрения, практически бессмысленен. Неясно, сможет ли Россия к концу десятилетия нарастить стратегические вооружения до разрешенных уровней.

В свою очередь, США сокращают их, следуя собственным планам. Список целей, для поражения которых предназначены американские стратегические системы, в том числе на территории России, сокращается. Часть задач, которые ранее предполагалось решать ядерным оружием, могут быть решены обычными вооружениями. В итоге нынешний ядерный арсенал США становится избыточным и может быть сокращен, независимо от того, есть этот Договор или его нет. В то же время любые новые соглашения о сокращении ядерного оружия могли бы быть использованы как раз для доказательства успешности внешней политики.

Наконец, неудачной оказалась американская линия на Ближнем Востоке. Впрочем, ни одно западное государство не смогло сформулировать более или менее вразумительный ответ на происходящие там события.

Как бы то ни было, в начале 2013 г. стало ясно, что США сосредотачиваются на внутренних проблемах. Будут снижены расходы на оборонные нужды. Предполагается исключить военное вмешательство в международные конфликты или конфликты внутри других государств. Одна из причин этого — острые противоречия между администрацией Обамы и республиканским большинством в палате представителей по проблемам бюджета, которые привели к его секвестру в начале марта 2013 г.

В Вашингтоне убеждены, что центр тяжести мировой экономики и политики переместился в Азиатско-Тихоокеанский регион, где назревает противостояние между США и Китаем, стремящимся к гегемонии в этой зоне. Поэтому Соединенные Штаты фокусируют политические и военные ресурсы в Азии, тогда как Европа и Ближний Восток — хотя официально это отрицается — постепенно будут отходить на второй план американской политики. Этому способствуют также освоение в США сланцевых газа и нефти, снижающее зависимость от ближневосточных углеводородов и очередные ядерные испытания в Северной Корее, придающие дополнительную остроту военно-политической ситуации в Восточной Азии.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Уже сегодня очевидно, что переориентация интересов Америки в сторону АТР не пройдет бесследно для альянса. Очевидно, что после вывода войск из Афганистана США утратят интерес к некоторым не столь значимым странам членам альянса и сократят военные расходы рамках НАТО на поддержание безопасности в этих странах. Это весьма болезненно воспринимается во многих маленьких европейских странах, привыкших в вопросах своей оборонной политики полагаться на альянс и на американцев. Отсюда возникает другой вопрос, насколько охотно в столь ограниченных финансовых условиях будет откликаться НАТО для участия в военных операциях во имя глобальной безопасности? Вопрос непростой и ждать быстрых ответов на него не приходится.

Уделяя особое внимание данному региону, в Вашингтоне хотели бы несколько дистанцироваться от Ближнего Востока. Последнее, однако, возможно, если будет урегулирован кризис в Сирии и начнутся конструктивные поиски решения иранской ядерной проблемы. Для этого, в частности, желательно наладить сотрудничество Россией, поскольку, как, видимо, считают в американской столице, Москва имеет рычаги влияния на Дамаск и Тегеран.

Некоторые направления обновления внешнеполитического курса США выглядят логичными, другие вызывают сомнения. Вопрос, однако, в том, насколько их можно претворить в жизнь. Во многом это зависит от того, удастся или нет в обозримое время стабилизировать военно-политическую ситуацию на Ближнем Востоке.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ЗОНА ТУРБУЛЕНТНОСТИ

События последних месяцев еще раз подтвердили, что Большой Ближний Восток — протянувшийся от Мавритании до Афганистана пояс исламских государств — превратился в зону политической и военной турбулентности. Перспектив ее преодоления пока не видно. Наоборот, вооруженные столкновения в Мали, снятие остроты которых удалось только в результате французской интервенции; непрекращающаяся гражданская война в Сирии; вспышка политического противоборства в Египте, приведшая к массовым беспорядкам; осложнение ситуации в Тунисе накануне парламентских выборов в марте 2013 г.; продвижение Ирана к обретению ядерного оружия и, наконец, регулярные провокации и террористические акты палестинских группировок против Израиля свидетельствуют, что тенденция к обострению ситуации в этом регионе становится все более явственной. Это вновь ставит вопрос — можно ли найти средства стабилизации ситуации в ближневосточной зоне в целом или, по крайней мере, в отдельных ее частях?

Пока такие средства не найдены и неизвестно будут ли найдены вообще. Умеренные светские режимы, подобные тунисскому или египетскому, считавшиеся способными обеспечить внутреннюю и международную стабильность, изживают себя. Приходящая на смену авторитарным правителям умопомрачительная смесь исламистов, левых, националистов и либералов прозападного толка самой своей природой обречена на острую борьбу за власть. Далеко не все благополучно в суннитских монархиях Персидского залива. Сначала об этом свидетельствовали столкновения между правительственными силами и шиитскими демонстрантами в Бахрейне. В последнее время вызывает озабоченность ситуация в Саудовской Аравии, где назревает кризис престолонаследия.

Особое внимание привлекает гражданская война в Сирии. Гуманитарная катастрофа, вызванная этой войной, болезненно воспринимается мировым общественным мнением, особенно в Европе и США. По оценкам Международного комитета Красного Креста, с марта 2011 г. там погибли около 70 тысяч человек; 2 миллиона сирийцев покинули места проживания; примерно 750 тысяч из них бежали в Ливан, Иорданию, Турцию и другие страны. В ООН считают, что к середине этого года число таких беженцев превысит миллион человек. Но это лишь одна часть сложного и во многом хаотического переплетения происходящих в Сирии событий и процессов.

Опозиция остается раздробленной. Сирийский национальный совет, претендовавший на роль ее главного координационного центра, оказался не в состоянии выполнить взятые на себя функции. В ноябре 2012 г. вместо него была создана Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил Сирии, лидером которой поначалу стал бывший имам дамасской мечети Омейядов Ахмед Муаз аль-Хатыб. Через полгода он подал в отставку, аргументировав это неспособностью международного сообщества добиться падения режима Башара Асада. Его временным преемником в апреле 2013 г. избран Джордж Сабра, в прошлом один

из руководителей сирийских коммунистов, ныне близкий к социал-демократом и долгие годы находящийся в жесткой оппозиции правящей в Сирии группировке. Вопрос о том, сможет ли эта коалиция стать эффективным органом политического руководства оппозиционными силами или, по крайней мере, их значительной частью, остается открытым.

Халил Каравели (Турция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Наиболее негативным явлением последних месяцев в сирийском конфликте стало усиление джихадистских элементов, которые с каждым днем становятся все напористей. Особое внимание следует обратить на участвовавшие с ноября прошлого года атаки салафитов-джихадистов из *Фронта ан-Нусра* против курдов из северо-восточной Сирии.

В самой Сирии усиливается влияние экстремистских исламистских сил, выступающих как против режима Башара Асада, так и против «умеренных» оппозиционных организаций, ориентирующихся на упомянутую Национальную коалицию. В декабре 2012 г. создан Сирийский исламский фронт, объединивший 11 экстремистских группировок. Пока нет ясности, является ли он противовесом *Фронту ан-Нусра* (известному также как *Джабхат ан-Нусра*), связанному с *Аль-Каидой*, либо представляет собой попытку объединить исламистские силы в рамках подконтрольной последнему новой организации.

В начале 2013 г. исламисты одержали несколько важных побед. В частности, были захвачены две крупные военные базы — одна в провинции Идлиб, другая — в окрестностях Алеппо, где находились значительные склады тяжелого вооружения. В феврале — начале марта 2013 г. исламисты разгромили 113-ю бригаду правительственных войск и захватили столицу граничащей с Ираком провинции Дейр-аз-Зур.

В целом же в Сирии сложился классический военно-политический тупик. Несмотря на серьезные поражения, правительственные войска удерживают основные городские центры и ключевые коммуникации, но не в состоянии разгромить повстанцев. Последние, в свою очередь, также не могут одержать военную победу: им не хватает оружия, особенно переносных противотанковых и зенитно-ракетных комплексов, координация действий различных отрядов слаба или отсутствует полностью.

Перспективы политического урегулирования гражданской войны не просматриваются. В оппозиции нет единого мнения относительно переговоров с властями. Одна ее часть считает такие переговоры возможными при условии ухода Асада и его клики. Предлагается, чтобы переходное правительство возглавил политик, приемлемый как для оппозиции, так и для той части бюрократии и армейского офицерства, которые не скомпрометировали себя участием в массовых репрессиях. Другая делает ставку на военную победу.

Башар Асад и его сторонники, в свою очередь, готовы обсуждать вопрос о прекращении огня при условии, что реальная власть останется в их руках. Эта группа, опираясь на поддержку части офицерского корпуса армии и спецслужб и алавитского меньшинства, отдает себе отчет в том, что падение нынешнего режима может обернуться для нее тяжелыми последствиями. В материалах экстремистских исламских информационных центров среди подлежащих уничтожению противников в Сирии называются не только сторонники правящего режима (их именуют *асадитами*), но и все алавиты как таковые.

В сложившейся ситуации США, Великобритания и Франция, скорее всего, пойдут на предоставление Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил Сирии или, в случае ее распада, другому объединению *умеренной* в религиозном отношении оппозиции серьезной помощи вооружением и финансами, с тем чтобы нейтрализовать влияние радикальных исламистов и усилить военное давление на режим Башара Асада. По сути дела, это единственная возможность предотвратить появление на сирийской территории крупных анклавов, прочно контролируемых экстремистскими силами, а в относительно долгосрочной перспективе не допустить образования там государства или квазигосударственного формирования, напоминающего Афганистан во время господства талибов.

Естественно, эта линия вызывает раздражение в Москве. Российская дипломатия упорно повторяет два тезиса: во-первых, необходимо политическое урегулирование на основе переговоров; во-вторых, поставки оружия оппозиции являются нарушением международного права и недопустимы, поскольку это оружие попадет в руки экстремистских организаций. То, что переговоры лучше, чем боевые действия, сомнений не вызывает. Однако в данном случае призывы к переговорам, как минимум, бессмысленны, так как основы для политического урегулирования конфликта — а ей может стать только уход Башара Асада — нет.

Далее, официально признано, что Россия «продолжает выполнять контракты военных поставок в Сирию», о чем, например, 13 февраля 2013 г. заявил глава Рособоронэкспорта А. П. Исайкин¹. Как это соотносится с международным правом, неясно. Говорится, правда, что поставляются только оборонительные вооружения. Однако грань между наступательным и оборонительным вооружением весьма условна. Танки, например, используются и в наступлении, и в обороне. А запасные части для них, в поставках которых в Сирию были уличены российские ведомства, сами по себе, вообще, оружием не являются, однако без них сирийские танки выйдут из строя.

Но главное в другом. Российские дипломаты делают вид, что не замечают ключевого элемента западных проектов — оказание помощи *умеренным* оппозиционным организациям ставит своей целью недопущение усиления экстремистов. И чем дольше затягивается конфликт, и чем слабее входящая в Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил *Свободная сирийская армия*, тем больше вероятность того, что к власти в Сирии или на части ее территории придут исламские фанатики.

Гражданская война в Сирии отвлекает внимание от иранской ядерной программы — ключевого источника нестабильности на Ближнем Востоке. Введенные США и ЕС санкции болезненно сказались на иранской экономике: доходы от экспорта нефти сократились на 40%, что привело к 36% инфляции; на 50% выросла безработица; бюджетный дефицит достиг 44 млрд долларов (около 60% стоимости экспорта). В стране впервые за много лет произошло падение ВВП². В феврале 2013 г. президент Ирана Махмуд Ахмадинежад признал тяжелое экономическое положение страны и изложил намерение «компенсировать падение доходов от продажи нефти путем сокращения бюджетных расходов и повышения налогов»³.

Тяжелое экономическое положение не привело к свертыванию ядерной программы. Наоборот, было объявлено о мерах по ускорению производства обогащенного урана и введению в строй реактора в Араке, предназначенного для выработки плутония. В частности, на объекте по обогащению урана в Фордо были установлены 180 центрифуг следующего поколения типа *IR-2m*. По мнению израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху, новые центрифуги позволят сократить сроки создания Тегераном ядерного оружия на одну треть. Руководитель МАГАТЭ Юкия Аmano в очередной раз признал военный характер иранской ядерной программы. «Агентство, — заявил он в феврале 2013 г., — не может заключить, что все ядерные материалы в Иране задействованы в мирных целях»⁴.

Вместе с тем под давлением санкций Тегеран был вынужден начать новый тур дипломатического маневрирования, чтобы выиграть время, попытаться смягчить имеющиеся санкции или, по крайней мере, не допустить введения новых. В итоге в конце февраля 2013 г. в Алма-Ате состоялись переговоры шести государств с Ираном.

Накануне этой встречи представители Тегерана туманно намекали на возможность достижения неких компромиссов, выдвигали внешне привлекательные, но заведомо не приемлемые идеи. Говорилось, например, о возможности прекращения обогащения урана до 20% в случае полного отказа от санкций, в том числе наложенных Советом безопасности ООН. Со стороны *шестерки*, если верить прессе, было выдвинуто предложение о некотором смягчении санкций в обмен на полное свертывание программы обогащения урана.

Как и следовало ожидать, встреча в Алма-Ате и последующие переговоры завершились безрезультатно. В апреле 2013 г. Тегеран в очередной раз объявил, что не собирается приостанавливать обогащение урана до 20%, не будет отправлять уран за пределы Ирана и не согласится на преобразование 20%-ного урана в оксид урана, пригодный только для медицинских целей. Более того, появились пока еще не вполне определенные заявления иранских официальных лиц о намерениях довести обогащение урана до 56%.

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива — по электронной почте из Дубая: На переговорах в Алма-Ате Тегеран вновь продемонстрировал свое нежелание идти на какие-либо уступки. Не уверен, что компромисс по иранской ядерной программе будет найден в 2013 г. И дело даже не в неуступчивости США. Смысл существования иранского руководства во многом заключается в постоянном противостоянии угрозам со стороны США. Отсюда, любые схемы преодоления кризиса, предложенные американцами, будут встречать неуступчивость со стороны Ирана.

Позицию западных участников *шестерки* можно понять — они всеми возможными способами стремятся предотвратить или, по крайней мере, оттянуть военное решение иранской проблемы. Оно действительно потребует серьезных затрат, скорее всего приведет к скачку цен на нефть, а политические последствия разгрома нынешнего иранского режима предсказать трудно. Понятно также, что если удастся договориться с Тегераном о приемлемом для Запада компромиссе по ядерным вопросам, то появится перспектива сближения Ирана с европейскими государствами и США, а это может привести к крупным переменам в геостратегической структуре Ближнего Востока.

Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Бразилии: Перспективы создания Зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке становятся все туманней. Прогресса вокруг иранской ядерной программы в ближайшее время ожидать не стоит. Предложение президента США Барака Обамы провести прямые переговоры с Ираном были неоднозначно восприняты как в Тегеране, так и в американских консервативных кругах.

по сообщениям западных агентств, фактическим советником короля по проблемам национальной безопасности. Наконец, 1 февраля 2013 г. было объявлено о том, что вторым заместителем премьер-министра назначен упомянутый принц Мукрин. Это означает, что он является вторым в очереди наследником престола после своего брата Салмана, который, впрочем, по слухам, страдает старческим слабоумием.

Скорее всего, эти перестановки являются следствием начавшейся в Саудовской Аравии активной борьбы за престол. В то же время король и его окружение пытаются выстроить более или менее стабильный баланс сил и влияния и избежать кризиса, связанного с выбором нового правителя королевства. Однако выдвижение принца Мукрина в первый ряд претендентов на престол не гарантирует, что он его получит. В 2007 г. король Абдалла ввел правило, по которому нового короля избирает созданный им Совет преданности [Allegiance council], состоящий из 35 старших членов королевской семьи⁶.

Уверенности в том, что принц Мукрин получит их одобрение, нет. В частности, его мать происходит родом из Йемена, что в глазах саудовских принцев считается большим недостатком. Могут появиться и, скорее всего, появятся другие претенденты на саудовский престол. Дело в том, что создавая в 1920-е гг. королевство Абдель-Азиз ибн Сауд широко практиковал династические браки, беря в жены дочерей правителей различных областей и глав племенных родов. В итоге королевская семья разделена на кланы, восходящие по материнским линиям к разным племенам и регионам.

Намечающийся кризис престолонаследия может вылиться в ожесточенную борьбу этих группировок за власть на фоне обостряющихся социально-экономических и политических проблем: растущей безработицы, в том числе среди получившей образование молодежи; назревающего конфликта между традиционалистами и сторонниками ограниченной модернизации; недовольства шиитского населения в восточной части страны и сокращения по сравнению с предыдущими десятилетиями финансовых ресурсов в результате растущего внутреннего энергопотребления, уменьшающего объем нефтяного экспорта.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА?

О кризисе *перезагрузки* скептики заговорили вскоре после подписания нынешнего Договора по СНВ. Уже тогда было понятно, что позитивная повестка дня российско-американских отношений исчерпана, за исключением вопросов, относящихся к Афганистану. Однако при всей своей важности афганская проблематика не могла стать основой для полноценного и многомерного российско-американского взаимодействия. Около двух лет отношения России и США оставались в замороженном состоянии, но во второй половине 2012 г. заметно осложнились.

Началом стал отказ президента В. В. Путина участвовать в саммите *Группы восьми*, а завершением — *война законов*, прекращение работы одной из групп президентской комиссии, разрыв соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью и наркотрафиком, а также антиамериканская *истерика* в российских СМИ и политических кругах.

В то же время, выступая в начале 2013 г. на Мюнхенской конференции, вице-президент США Джозеф Байден заявил, что «мы по-прежнему видим возможность партнерства между Россией и Соединенными Штатами, которое отвечает нашим общим интересам безопасности и интересам безопасности международного сообщества». Такое партнерство, по его мнению, может относиться к обеспечению безопасности ядерных арсеналов и их сокращению, стимулированию торговли и инвестиций, а также «обеспечению свободы мореплавания в Арктике при сохранении доступа к природным ресурсам»⁷. При этом, правда, он подчеркнул,

что США не признают Абхазию и Южную Осетию в качестве независимых государств и не согласятся с формированием сферы российского влияния в бывшем СССР, а также перечислил основные узлы противоречий между Россией и США — Сирия, противоракетная оборона, расширение НАТО, проблемы демократии и прав человека.

За выступлением Дж. Байдена последовал ряд встреч между высокопоставленными представителями России и США. Наиболее важная из них — визит в Москву в середине апреля 2013 г. помощника президента США по национальной безопасности Тома Донилона, который привез с собой личное послание Барака Обамы президенту В. В. Путину. Что именно содержалось в этом письме и как на него готовились ответить в Москве, осталось, естественно, неизвестным. Комментарии официальных лиц с той и другой стороны были не слишком вразумительны.

В Москве отметили, что «считают позитивными сигналы, поступающие от администрации президента США» и что все ограничения на развитие отношений между Россией и США «делаются только с той стороны»⁸. В Белом доме сообщили, что «переговоры были всеобъемлющими и конструктивными» и что наряду с противоречиями в отношениях США и России есть также области, в которых обе страны могут сотрудничать⁹. В переводе с дипломатического языка это означает, что очевидного провала миссии Тома Донилона не произошло, а Москва ждет от США неких новых шагов навстречу.

Тем не менее некоторые моменты постепенно проясняются. Судя по всему, в Вашингтоне решили в очередной раз налаживать партнерство с Россией с сокращения ядерных вооружений. Средства массовой информации сообщили, что Вашингтон предложил, или был готов предложить, России договориться о новых крупных, примерно на 30%, сокращениях стратегических ядерных вооружений, установив на них потолки в 1000–1100 боеголовок (по правилам зачета ДСНВ).

Такое предложение, если оно действительно было сделано, в полной мере отвечает интересам России. Ее стратегический арсенал быстро сокращается. На 1 сентября 2012 г. он состоял из 491 развернутого стратегического носителя, на которых находилось 1499 ядерных боеголовок. По этим показателям Россия уже опустилась ниже разрешенных ДСНВ потолков и заметно отстала от США. Последние имели на упомянутую дату 806 развернутых носителей и 1722 боеголовки¹⁰.

До конца десятилетия в России предстоит снять с вооружения около 200 стоявших в 2012 г. на боевом дежурстве МБР *Тополь*, *СС-19* и *СС-18*, на которых в общей сложности находилось примерно 1170 боеголовок. Гарантийные сроки этих ракет несколько раз продлевались, и сохранять их в РВСН после 2020 г. невозможно. Таким образом, из имевшихся в 2012 г. МБР к 2019–2020 гг. останутся 70 ракет *Тополь-М* шахтного и мобильного базирования, несущих одну боеголовку, и шесть ракет *Ярс*, оснащенных тремя боевыми блоками. Общее количество боеголовок на этих носителях — 88 единиц. Списанию подлежат также три атомных подводных ракетносца *667БДР Кальмар*, на которых находится 144 боевых блока. В составе российского ВМФ, скорее всего, останутся шесть ракетносцев *667БДРМ Дельфин*, оснащенных 384 боеголовками. Кроме того, к указанному сроку у России сохранятся также 60–65 стратегических бомбардировщиков *Ту-160* и *Ту-95* последних модификаций¹¹.

Иными словами, из имевшихся в 2012 г. примерно 1500 развернутых боевых блоков к 2020 г. сохранится 430–435 единиц. Следовательно, чтобы довести российский стратегический арсенал до разрешенного ДСНВ потолка необходимо произвести и развернуть носители, на которых будет находиться несколько более 1100 боезарядов. Для этого Россия прилагает огромные усилия и тратит колоссальные средства. Развертываются МБР *Ярс* с тремя боеголовками и атомные подводные раке-

тоносы проекта *995 Борей*, оснащенные новой БРПЛ *Булава*. Принято решение о разработке и производстве новой тяжелой межконтинентальной баллистической ракеты. Однако уверенности в том, что к 2017–2020 гг. Москве удастся довести стратегический потенциал до уровня, разрешенного ДСНВ, нет.

Так, действующей Государственной программой вооружений предполагается к 2020 г. построить и ввести в боевой состав российского ВМФ восемь стратегических подводных лодок *Борей*. Возможность выполнения этой задачи вызывает серьезные сомнения, поскольку сроки строительства кораблей такого класса составляют несколько лет.

Между началом строительства первого *Борея* и его принятием на вооружение прошло 16 лет. У двух последующих ракетоносцев — *Александра Невского* и *Владимира Мономаха* — между моментом закладки и спуском на воду прошло 6 лет. Ни один из них не принят пока на вооружение.

Обычно длительные сроки постройки этих подводных лодок объясняют недостаточным финансированием и утверждают, что резкое увеличение средств, выделенных на перевооружение флота, позволит выполнить намеченные планы. Нехватка средств действительно была одним из факторов исключительно медленных темпов строительства *Бореев*. Однако длительность строительства этих подводных лодок зависит не только от финансирования, но и от способности промышленности произвести в необходимом количестве комплектующие, из которых они собираются, и оборудование, которым они оснащаются. Это является главным обстоятельством, замедляющим их строительство.

Таблица 1. Состояние строительства подводных лодок проекта *995 Борей* (на январь 2013 г.)¹²

Название	Заложен	Спуск на воду	Состояние
<i>Юрий Долгорукий</i>	11/1996	02/2006	В январе 2013 г. вошел в боевой состав
<i>Александр Невский</i>	03/2004	12/2010	Проходит ходовые испытания
<i>Владимир Мономах</i>	03/2006	12/2012	Проходит швартовые испытания
<i>Князь Владимир</i>	07/2012		Строится
<i>Александр Суворов</i>	07/2013 ^{а)}		
<i>Михаил Кутузов</i>	11/2013 ^{а)}		

а) планируется.

Но даже если к 2020 г. удастся ввести в строй все восемь новых подводных ракетоносцев, Россия вряд ли сможет довести количество боевых блоков на стратегических носителях до 1550 единиц. Это во многом связано с небольшим забрасываемым весом БРПЛ *Булава*, равным 1,15 т. Поскольку на боеголовки обычно приходится не более половины забрасываемого веса, то разместить на этих ракетах шесть боеголовок, о чем говорят российские военные, вряд ли возможно. Для этого вес каждой из должен быть менее 100 кг. Открытых данных о весе российских ядерных боеприпасов, разумеется, нет. Но известно, что наиболее современные американские ядерные боеголовки *W-87* и *W-88*, которыми оснащаются МБР *Минитмен-III* и БРПЛ *Трайдент-II*, весят от 200 до 360 кг¹³. Предполагать, что российские боеприпасы аналогичного назначения весят в два-три раза меньше, было бы нереалистично. Важно также, что все баллистические ракеты, имеющие забрасываемый вес 1,15–1,2 т — *Тополь-М*, *Ярс*, *Минитмен-III*, — оснащены максимум тремя боевыми блоками.

Таким образом, если к концу десятилетия будут построены и введены в строй 8 ракетоносцев *Борей*, в боевом составе сохранятся 6 подводных ракетоносцев *667БДРМ Дельфин*, около 60 дальних бомбардировщиков и 70 ракет *Тополь-М*, то, для того чтобы выйти на уровень 1550 стратегических боеголовок, России необходимо построить и развернуть на боевых позициях 187–188 новых МБР *Ярс* и 136 БРПЛ *Булава*. Иными словами, до 2020 г. необходимо произвести на Воткинском заводе и развернуть в боевом составе 324 новые ракеты. Это значит, что среднегодовое производство ракет на этом предприятии должно вырасти в 4–5 раз по сравнению с предыдущим периодом. Как и в случае со строительством новых подводных ракетоносцев, подобный рост производства вряд ли возможен.

В свою очередь, согласованное с США сокращение потолков, предусмотренных ДСНВ, позволило бы поддержать стратегический российско-американский паритет на более низком уровне. Были бы сэкономлены значительные средства. И самое главное — выйти на уровень 1000–1100 стратегических боеголовок намного реальнее, чем на уровень 1550. Для этого достаточно построить не 8, а 4 РПКСН *Борей* и около 100 новых МБР *Ярс* и 72 БРПЛ *Булава*.

Реакция Москвы на предложения США о снижении потолков на стратегические вооружения была предсказуемой. В российских Генеральном штабе и МИДе заявили, что без договоренностей по ПРО ни о каких сокращениях стратегических вооружений не может быть и речи. Более того, по мнению представителя МИДа, прежде чем говорить о дальнейшем сокращении арсеналов, необходимо выполнить требования договора СНВ. Логика поистине изумительная: сначала нарастить российский стратегический арсенал до разрешенных ДСНВ потолков, а затем поговорить о его сокращении. Кроме того, Россия хотела бы включить в будущие соглашения стратегические вооружения в неядерном оснащении и снизить дисбаланс по обычным вооружениям¹⁴.

Иными словами, российские дипломаты и военные высказались в своем традиционном тоне: если США хотят обсуждать дальнейшие сокращения стратегических вооружений, они должны, как минимум, принять требования по ПРО и по другим острым военно-политическим проблемам.

На этом фоне интерес привлекла публикация газеты *Коммерсант*. Со ссылками на дипломатические источники в Москве и Вашингтоне обычно хорошо осведомленное издание сообщило, что Россия и США договорились решить проблему ПРО, заключив соглашение, попадающее в США в категорию президентских исполнительных соглашений¹⁵. Предполагалось, в частности, что оно будет содержать обязательства о неразвертывании систем ПРО морского базирования в ряде районов северных морей, меры укрепления доверия и так далее¹⁶. Как правило *Коммерсант* не публикует столь деликатную информацию, не проверив ее достоверность. Однако министр иностранных дел России С. В. Лавров заявил: «Каких-либо оснований для подобного рода репортажей нет»¹⁷. Судя по всему, упомянутый *Коммерсантом* вариант действительно обсуждался, но в последнюю минуту Москва его отклонила, надеясь добиться от Вашингтона более значимых уступок.

И действительно, в середине марта 2013 г. новый министр обороны США Чак Хейгел сделал важное заявление: США разместят на Аляске 14 дополнительных тяжелых ракет-перехватчиков *GBI*, доведя их число до 44. Одновременно, он объявил о реструктуризации программы создания и развертывания ракет-перехватчиков *SM-3 Block IIB*. По словам Чака Хейгела, «развертывание этой программы будет отложено по крайней мере до 2022 г. в результате сокращения военного бюджета»¹⁸.

Иными словами, речь идет не об отказе от четвертого этапа развертывания системы ПРО в Европе, но об откладывании его начала. Можно напомнить, что к концу третьего этапа, к 2018 г., планируется иметь в Европе и окружающих ее морях 32 корабля,

оснащенных системой *Иджис* и ракетами-перехватчиками *SM-3 Block IIA*, а также две наземные базы — в Польше и Румынии, на каждой из которых должны находиться радар *SPY-1* и 24 ракеты *SM-3 Block IIA*. А в ходе четвертого этапа планировалось заменить перехватчики *SM-3 Block IIA* на усовершенствованную версию *SM-3 Block IIB*¹⁹. Предполагается, что последние будут отличаться от своих предшественников — *SM-3 Block IIA* — большей скоростью и улучшенной способностью поражать атакующие боеголовки в условиях помех²⁰.

Хотя принципиальных изменений в программе развертывания ПРО в Европе не произошло, решение об откладывании четвертого этапа — серьезный шаг навстречу России. Он свидетельствует о готовности США к поискам компромиссов по проблеме ПРО, поскольку именно противоракеты *SM-3 Block IIB* считаются в Москве, хотя основной для этого нет, способными сбивать российские стратегические ракеты. Но российская реакция на заявление Чака Хейгела была, увы, предсказуемой. Заместитель министра иностранных дел С.А. Рябков *ничтоже сумняшеся* сообщил, что «решение США не только не снимает прежних озабоченностей РФ, но и дает повод для новых»²¹. Какие именно *новые озабоченности* появились в Москве, высокопоставленный дипломат не сообщил. Видимо, ни в МИДе, ни в Генеральном штабе пока не хватило фантазии, чтобы их изобрести.

Логика российской позиции понятна. Пока США отказываются от требуемых Россией юридически обязывающих ограничений на тактико-технические параметры создаваемых противоракетных систем и районы их развертывания, Москва использует это для обоснования собственных программ наращивания стратегических вооружений, а также для дискредитации Америки в глазах тех кругов американской и европейской элиты, которые сомневаются в целесообразности создания ПРО и считают ее эффективность недостаточно высокой. Российская дипломатия будет при этом интерпретировать жесткую позицию Вашингтона относительно ПРО как свидетельство того, что именно США блокируют ограничение и сокращение ядерного оружия.

Логика американской позиции вызывает вопросы. Предположим, что США смогли вовлечь Россию в переговоры относительно новых сокращений стратегических вооружений. Но переговоры не означают достижения договоренности. Москва, скорее всего, будет требовать установления ограничений на неядерные стратегические системы и обычные вооружения в Европе. Может встать вопрос об ограничении американской военно-морской деятельности в окружающих Европу морях. США будут вынуждены либо пойти на принципиальные уступки России, согласившись обсуждать эти вопросы, либо взять на себя ответственность за срыв переговоров.

Но главное в другом. Возможно, после изнурительных переговоров Москва все же согласится ввести новые потолки на стратегические вооружения, не затрагивая другие военно-стратегические проблемы. В итоге, Россия сэкономит значительные средства, которые могут быть направлены на укрепление других элементов военного потенциала. Неясно, однако, какой выигрывает при этом Соединенные Штаты. Во-первых, как уже говорилось, уверенности в том, что Россия сможет к концу десятилетия выйти на уровень в 1550 развернутых стратегических боеприпасов, нет. Во-вторых, сокращение стратегических вооружений в США будет производиться не столько путем сокращения баллистических ракет, сколько в результате снятия с них части боеголовок²². Это позволит в случае необходимости быстро нарастить стратегический потенциал.

В свете этого попытки Вашингтона во что бы то ни стало наладить отношения с Россией выглядят в глазах многих как политическая слабость. Это вызывает дополнительные сомнения в надежности американских союзнических обязательств, в том числе у лидеров азиатских государств. Последние особенно чувствительны к тому, что они считают потерей лица. А мнение азиатских элит становится для Вашингтона особенно важным в свете происходящей переориентации внешней политики.

О НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

В нынешнюю постмодернистскую эпоху философы и склонные к философствованию публицисты любят рассуждать о том, что граница между нормой и патологией не просто подвижна, но часто исчезает. То, что ранее казалось нормой, со временем становится патологией, и наоборот. Последнее верно. В первобытном обществе каннибализм, например, считался нормой, но уже много столетий не только не одобряется общественным мнением, но и является уголовно наказуемым. Принципы и нормы политики, в том числе политики международной, тоже меняются, хотя и медленно.

Важно и другое. То, что стало нормой для евроатлантической цивилизации, в Азии подчас считается если не патологией, то слабостью, которой не грех воспользоваться. Как писал когда-то певец британского империализма и просто очень умный человек Редьярд Киплинг, «к востоку от Суэца десять заповедей не существуют». В его знаменитом стихотворении *Мандалай*, откуда взята эта строчка, рефреном повторяются слова о заре, что «как гром приходит из-за моря, из Китая». И ведь верно — алеет Восток, господа...

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: У НАДКОЛОТОГО КОРЫТА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Наконец-то стало понятно, что наступили новые времена. О том, что времена действительно новые становится понятно, если даже мельком взглянуть на *облако тэгов*, которое характеризует сегодняшние глобальные политические и экономические процессы.

Причем раньше многие думали, что новые времена наступят только в политике, причем будут реализовываться где-то далеко — в тех уголках мира, которые не очень-то затрагивают классического *европейского человека*. Да, поначалу именно так и было. Но теперь *ветер перемен* перекинулся уже на экономику, причем на те ее элементы, которые, казалось бы, были вечными и незыблемыми и считались атрибутами респектабельной личности, которая в качестве ответа на вопрос о своей профессии отвечала: «А я *типа* по бизнесу...»

И даже внезапный террористический акт в Бостоне, ставший совершенно уникальным явлением по числу нестыковок, натяжек и просто вранья в официальной версии, не изменил стратегического направления на приоритет экономики в международных отношениях, а как следствие, и в вопросах международной безопасности.

Так что, говоря о международной безопасности, мы будем все чаще и чаще говорить о мировой экономике, которая получает и силовое измерение. И это становится настолько неприятным контрастом по сравнению с 1990-ми гг. и даже с началом XXI века, когда только и говорили про *гуманитарные проблемы* и *общечеловеческие ценности*, что это невольно пробуждает ностальгию даже у самого циничного комментатора.

НАЗАД К МАРКСИЗМУ?

Думать, что глобальная перестройка системы международных отношений ограничится политическими катаклизмами в периферийных зонах мира, было большой ошибкой. Эта ошибка произрастала из забвения непреложной истины: политика есть концентрированное выражение экономики. Иными словами, если где-то начала меняться политика, то надо было быть очень наивным человеком, чтобы

О
Б
Щ
Е
С
О
У
С
Т
Р
А
Н
А

не догадаться, что где-то уже изменилась экономика, просто нам об этом не сказали. Тем более наивным надо было быть, чтобы не заметить явной экономической пододелки в событиях на Ближнем Востоке последних двух лет, а также того, что центр глобальных геополитических изменений находится не где-то в *третьем мире*, а в непосредственной близости от Европы, — в Средиземноморье. Увы, вероятно, нас ждут серьезные потрясения не только политического, но и экономического характера, причем даже в странах благословенного *первого мира*, а не только в странах *полуторного* — пресловутой группе *PIGS*.

Пока, конечно, рано говорить обо всех основных чертах новой экономической реальности, но кое-что очевидно:

- переход кризиса глобальной финансовой системы в открытую фазу, причем *открытый огонь* появился именно в последние полгода, максимум, восемь месяцев;
- ограниченная, хотя и становящаяся все более системной, возвратная индустриализация США, несмотря на общее сохранение постиндустриальной структуры общества. И это тоже характерная черта ситуации в последние полгода, хотя ее пока и связывают в основном лишь с восстановлением роста промышленности;
- оформление Германии в ключевую геоэкономическую силу, которая способна обеспечивать свои интересы, в том числе вопреки ранее сложившимся формальным и, тем более, неформальным реалиям. Это фактически самая новая тенденция, ставшая явью уже в 2013 г.;
- попытки изменить сложившуюся в середине 1980-х гг. структуру глобального топливно-энергетического рынка, предотвратив резкий рост спроса на классические углеводороды;
- существенная активизация региональных экономических объединений. Эта тенденция, правда, обозначилась еще в начале 2012 г. и пока не получила нового импульса.

Взятые в целом данные тенденции рисуют нам картину нарастающего нового динамизма в экономике. Однако в результате становится понятно, откуда в 2011 г. взялся динамизм в политике, в том числе в политике силовой. Более того, понятно, что этот динамизм в ближайшие годы, вероятно, на спад не пойдет. Поскольку в *экономической повестке дня* стоят три ключевых процесса, которые не смогут обойтись без политического, в частности силового, сопровождения:

- (1) демонтаж существующей глобальной финансовой системы, включая, вероятно, изменение валютного режима в Европе (по-простому говоря, отказ от *евро*) и демонтаж системы социального и пенсионного обеспечения в США;
- (2) окончательное оформление *четырёхуровневого* членства в Евросоюзе (естественно, с разным уровнем экономического стандарта), после чего выяснится, что голос Германии и, возможно, Франции совсем не равен голосу Румынии, Болгарии и, тем более, Эстонии. Да и есть ли в действительности у Эстонии голос? Вот Кипр тоже думал, что есть, а оказалось — нет и, вероятно, никогда не было;
- (3) выведение сферы энергоносителей из классических экономических рамок *свободного рынка*, возможно, с введением жесткого *международного* контроля над данным сектором.

Разумеется, пока речь не идет о демонтаже американоцентричной системы мировой экономики. Напротив, в тактической перспективе, чтобы не говорили российские *геополитики*, она только укрепляется. Но в сегодняшних условиях это всего лишь означает, что американская военная сила останется основой

так называемых *гарантий глобальной стабильности* и все страны, включенные в *пояс стабильности*, будут продолжать платить дань за пользование ею. Конечно, кровопускание, все более обильное за пределами *пояса стабильности*, будет продолжаться. Но вот внутри американоцентричной глобальной экономической системы расстановка сил вполне может существенно измениться. И уже сейчас понятно, за счет кого это изменение, по всей видимости, произойдет — за счет Великобритании, которую Вашингтон для спасения своей глобальной гегемонии будет вынужден, вероятно, принести в жертву. Кстати, следующим кандидатом на роль *жертвы*, если *пояс стабильности* не удастся *застабилизировать*, будет, вероятно, Саудовская Аравия.

КИПР КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

Интересность ситуации на Кипре с точки зрения глобального расклада не в том, что *раскулачили* российских инвесторов: рано или поздно это должно было произойти. Хотя прецедент административного определения границ дозволенного благосостояния, особенно для *некоренных жителей первого мира, понаехавших* в европейские города в последние двадцать лет, будет еще долго будоражить умы общественности.

Наиболее очевидным последствием является то, что в дальнейшем для стабилизации европейской, а затем, возможно, и глобальной финансовой системы будут применяться все более жесткие методы.

Еще более очевидно, что развитие ситуации вокруг Кипра жестко выводит оффшоры из списка допустимых, с точки зрения мирового сообщества, форм и методов ведения бизнеса, притом что оффшорные компании более 40 лет были важной составной и вполне уважаемой частью мировой экономики. К тому же именно оффшорные зоны в последние 20 лет сыграли решающую роль в установлении жесткого контроля со стороны США над финансовыми потоками из бывшего СССР, которые имели, мягко говоря, мутное происхождение. Такой канал для движения финансов будет сложно чем-то заменить.

И самое важное, что Германия, очевидно, в дальнейшем не будет связывать себя *условностями* предыдущего времени в отношениях с партнерами. В ЕС как-то странно забыли о происхождении Ангелы Меркель (а она там такая теперь не одна), а зря. В ГДР, в отличие от ФРГ, гораздо слабее был выражен навязанный немцам *комплекс исторической вины*. И это будет иметь политическое, и, возможно, военное-политическое значение. Потому стоит готовиться к повышению агрессивности поведения Германии как в Европе, так и за ее пределами. А значит, нам следует ожидать и определенного кризиса в отношениях между Германией и европейскими институтами, в первую очередь по финансовым вопросам.

Конечно, в запасе у Еврокомиссии с учетом существенно усилившихся там восточных европейцев всегда есть ответный ход — активизация деятельности на просторах постсоветского пространства под лозунгом помощи *неоперившимся* демократиям, однако на этот вариант явно нет денег, и не будет еще лет десять. Тем более что элиты постсоветских государств менее прожорливыми не стали, разве что в Молдавии, да и то сомнительно.

Другой, гораздо более сильный и перспективный ход — оживление идеи *европейской оборонной идентичности*, вопрос о которой уже лет десять как был снят с повестки дня. С учетом того что по периметру Евросоюза, особенно с Юга (да и с Юго-Востока) уже виднеется зарево вооруженных конфликтов, акцентирование проблем безопасности как основы общеевропейской повестки дня будет выглядеть вполне оправданным, и вполне может быть поддержано европейским общественным мнением. Будет очень захватывающим зрелищем, как в этом случае германская элита попытается защитить свои финансовые и политиче-

ские интересы, поскольку европейская оборонная идентичность будет формироваться на деньги немцев, но вряд ли Германии достанется в ней доминирующая роль.

Иными словами, нам стоит начать усиленно готовиться к тому неприятному обстоятельству, что Европа в том виде, как мы ее знали в последние двадцать с лишним лет, все-таки перестает существовать. То есть почти игрушечные домики в туристических городках останутся, но за их стенами может начаться совсем другая жизнь, да и хозяева, думаю, поменяются. И для России это является существенным вызовом и в экономике, и в политике.

КРИЗИС ГАЗПРОМА КАК КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Как-то очень незаметно в российском газовом гиганте разразился кризис. И дело тут не в сказанных жестким голосом поручениях президента разработать стратегию в отношении сланцевого газа, хотя такая критика в любой другой стране привела бы к массовым трагедиям в сообществе топ-менеджеров соответствующих структур. Дело в общем отсутствии какого-либо положительного развития в крупнейшей мировой монополии и утраты ею казавшихся незыблемыми экономических и геополитических позиций.

Почему мы рассматриваем экономические проблемы одной из российских компаний в качестве проблемы национальной и даже международной безопасности? Это не вопрос бюджетных поступлений, это вопрос системной роли Газпрома в государственных делах. Газпром выполнял геополитическую функцию, а сейчас выполнять перестал, потому что оказался неадекватен новым реалиям. Газпром в России заменил армию, внешнюю политику, внешнеэкономическую деятельность и многое другое, включая Российский футбольный союз. Он почти заменил правительство и был не прочь заменить и президента, но не успел — произошла *рокировка в тандеме*, и наступили несколько иные времена.

Политика и состояние Газпрома фактически отражают видение Россией своего текущего места в мире и своего будущего. И вряд ли будет ошибкой сказать, что Газпром активно это видение формировал.

И вот теперь выясняется что политическая концепция, под которую выстраивалась вся содержательная линия Газпрома, исчерпала себя. Причем по всем направлениям:

- как манифестация определенного — европейского — геополитического выбора, следовать которому становится все более проблематично. И дело тут не только в постепенном превращении Украины в *диковатое поле*, сколько в существенном падении возможностей России оказывать эффективное влияние на Европу через *газовые* рычаги;
- как проявление нарастающего сырьевого характера российской экономики. Показательно, что Газпром даже в лучшие годы в отличие от нефтяников и не пытался хоть как-то проявить себя в обрабатывающих отраслях промышленности и высоких технологиях;
- как проявление приоритетного и привилегированного характера деятельности российских госкомпаний, которым (вернее, руководству которых) за выполнение определенных и вполне понятных и резонных функций разрешались максимальные вольности в поведении.

Очень показательно, что кризис Газпрома начался именно в тот момент, когда в Евросоюзе зародились серьезнейшие процессы, связанные с перестройкой всей системы управления этим объединением, и, как следствие, всей идеологии развития. Иначе говоря, не изменение расклада на рынке углеводородов, связанное с появлением пресловутого сланцевого газа, стало тому причиной, а именно

изменение характера внутренних связей и управления в крупнейшем партнере России и Газпрома. Но ведь *европейский выбор* был основой российской внешней политики с 1991 г. и лишь риторически прикрывался разговорами о некоем *стратегическом партнерстве* с КНР, которое пока реализовалось преимущественно на вещевых рынках (хотя надо признать, что и тут появились некие отрадные симптомы) и в сфере военно-технического сотрудничества. И это государство, а не группа топ-менеджеров сделало Газпром главным внешнеполитическим инструментом страны, испортив, где можно и где не нужно, отношения на постсоветском пространстве.

Таким образом, нынешний кризис Газпрома может быть преодолен исключительно через пересмотр всей геоэкономической и геополитической стратегии государства. Тем более что с учетом последних событий в Европе и мире это все равно придется делать, чтобы спасти хотя бы часть *нажитого непосильным трудом*. Главное, чтобы *геополитику* Газпрома не сменила *геополитика* Роснефти.

УГО ЧАВЕС КАК ВЕСТНИК БУДУЩЕГО

Смерть Уго Чавеса стала событием, которое было диспропорционально роли Венесуэлы в мире и реальному значению экономических достижений боливарианского социализма. Конечно, в данном случае большую роль сыграла *магия* личности, однако дело не только в этом. Главным здесь было понимание того, что команданте стал источником одной из наиболее значимых геоэкономических инициатив последнего времени.

Говорят, что смерть этого человека принципиальным образом изменит судьбу боливарианской идеи. Понятно, что Николас Мадуро вряд ли сможет даже претендовать на роль ее главного выразителя, особенно после весьма скромной победы на выборах. Но, думается, что ситуация более сложна и стратегически неоднозначна.

В конечном счете Уго Чавес выпал из активной политической жизни уже где-то за год до смерти и вряд ли мог оказывать действительно большое влияние на судьбу тех процессов, которые некогда инициировал. И тем не менее боливарианская инициатива развивалась, несмотря на явные признаки кризиса на рынке энергоиспытателей и, как следствие, в экономике Венесуэлы. В связи с этим рискованно высказывать три суждения:

- ❑ главной проблемой боливарианского проекта в последнее время стал кризис развития. Ему, очевидно, нужен был новый лидер и новые ресурсные возможности. Но при живом Уго Чавесе появление нового лидера было невозможно ни по объективным, ни по субъективным соображениям: на фоне команданте все остальные лидеры Латинской Америки, даже очень сильные, выглядели бледновато. Теперь это возможно;
- ❑ Уго Чавес, и в этом плане стоит признать силу его интуиции, *угадал* потребность региона в новой форме объединения, которая еще не была полностью осознана рационально. Он занял в этом процессе первое место, которое вряд ли было заслуженным, с точки зрения реального экономического и политического веса страны, но не смог сформулировать его экономические основы, сконцентрировавшись лишь на проблеме топливных ресурсов;
- ❑ уход команданте вместе со свойственной его поведению экзотикой, возможно, прибавит боливарианскому проекту респектабельности, ведь именно личность Чавеса, его эмоциональность и перехлестывавший через край популизм (хотя вообще-то нет ничего дурного в том, чтобы обращать внимание на настроения общества) оттолкнули от проекта очень многих. В результате, как ни цинично звучит, смерть Уго Чавеса как

человека окажется в целом позитивным для дела Чавеса, поскольку его идеи не будут *смазываться* в дальнейшем его же экзотическим и чрезмерно радикальным поведением.

Что до Соединенных Штатов, то, лишившись главного раздражителя, они с гораздо большим трудом смогут формировать негативный контекст вокруг Венесуэлы и вокруг боливарианского проекта в целом. Да, конечно, привести к власти в Каракасе своего ставленника было бы желательно, но это не такой уж и приоритет, как раньше. К тому же умные люди в США прекрасно понимают, что реальный экономический центр развития боливарианского процесса из Каракаса уже ушел (не исключаю, что в Бразилию), а там остался только духовный. А с бесплотными духами США, несмотря на все свои недостатки, никогда не воевали.

Хотя надо быть реалистом: рано или поздно, по мере обострения потребности в имеющихся в регионе топливных и иных ресурсах со стороны внешних сил (уже сейчас можно говорить о системном интересе к региону со стороны КНР) боливарианская инициатива просто обязана обрести военно-политическое измерение. Тогда она станет реальной геополитической силой, а в противном случае будет выхолощена либо вовсе уничтожена.

Другой вопрос, что со смертью Уго Чавеса никуда не денутся те вызовы, которые неожиданно для американцев возникли в Латинской Америке в момент, когда в остальном мире еще никто даже не помышлял о самой возможности размывания их геополитической гегемонии. И любые геополитические телодвижения при наличии в *мягком подбрюшье* Америки скрыто враждебного процесса являются очень рискованными. И Вашингтону придется искать на это ответ, а не продолжать относиться к Латинской Америке в духе 1960-х гг.

Нельзя не отметить и другой аспект: Уго Чавес смог успешно идеологически, а затем и политически противопоставить коллективное сознание индивидуализированному, опираясь на народное волеизъявление, а не на политические технологии или интриги. Хороший урок для российской элиты, которая боится одного блогера больше, чем населения средней величины промышленного города. А происходит это потому, что кремлевские правители не могут, не умеют и не хотят опираться на широкие социальные слои. Пример Уго Чавеса доказал, насколько это может быть эффективным, в том числе и для собственного выживания.

СЕВЕРКОРЕЙСКИЙ ГАМБИТ

Внешне ситуация с северокорейским ядерным *гамбитом* совершенно ложится в модель относительного недостатка политического мастерства у нынешнего северокорейского руководства. Казалось бы, задумка очень неплоха: под прикрытием ура-патриотических лозунгов спровоцировать кризис и провести точечную зачистку несогласных с генеральной линией партии. Однако сделано все это было как-то грубовато. В действиях Ким Чен Ына не было той утонченности, того восточного завораживающего цинизма, с которым подобные трюки проделывали его отец и дед.

В результате, получилось слишком много шума и слишком много невыполнимых обещаний, которые существенным образом снизили эффективность действий Пхеньяна. Как это ни странно, главная проблема северокорейского режима оказалась как раз в сфере коммуникаций и восприятия: Ким Чен Ын хотел, чтобы его воспринимали как *взрослого*, и переборщил...

Короче говоря, первый блин у молодого северокорейского лидера вышел почти комом, хотя и в этой ситуации во внутривнутриполитическом плане это может стать *плюсом*. Во всяком случае доказано, что с мобилизацией масс проблем у молодого *великого вождя* нет. К слову, то, как *молодой* Ким откровенно форсировал внешне-

вительное все же у нас умение помогать другим выходить из тупиковых состояний и при этом самим оказываться в странном положении.

Действительно, никогда еще позиции России по ПРО не были столь слабы, как сейчас. Главная слабость заключается в том, что после уступки Вашингтона России оказалось не о чем вести переговоры. В то же время в глубине ума мы понимаем, что для подрыва российского потенциала ядерного сдерживания (это в том случае, если на ракету еще раньше не поставили *паленую* деталь) вариант размещения ПРО на Аляске гораздо неприятнее, нежели *польский* или даже *румынский*.

С другой стороны, нынешний формат ПРО США, в отличие от европейского варианта, дает более адекватное представление о том, что же собираются делать американцы в области противоракетной обороны.

Первое. Соединенным Штатам было в принципе все равно, где разместить ударный компонент своей ПРО. Им, вероятно, гораздо важнее было его произвести, развернуть и начать апробировать в режиме текущего постоянного функционирования.

Второе. Очевидно, что долго ожидаемый технологический прорыв в области ПРО, о возможности которого говорили многие специалисты в России и на Западе (включая меня), у американцев не состоялся. Да, ПРО стала более оперативной, более защищенной, но подлинной революции не случилось. Иными словами, вкладываться *по полной* в такую систему смысла нет — она не создаст *Крепость Америку*.

Третье. Бюджетные ограничения, конечно, явно имеют определенное влияние на программу ПРО, но не такое большое, как это можно было бы себе представить, изучая американские СМИ.

Четвертое. Сила американского варианта ПРО состоит в том, что противоракетные *кусты*, по сути, защищающие объекты, могут быть при желании и наличии ресурсов интегрированы в относительно единое пространство. Конечно, это не будет полноценной противоракетной обороной континентальной части США, но такие функции будут ей присущи. А главное — против одиночных ракет даже такой вариант будет адекватным.

Пятое. Без развертывания полноценного космического эшелона, включая ударный компонент, ПРО национальной США территории невозможна. И все же США в рамках существующих научно-технических и бюджетных реалий сделали максимум. И хотя не все геополитические задачи были выполнены, а Польша вообще осталась в глубокой обиде — этот раунд, безусловно, пошел в зачет Вашингтону.

Резюмируя, можно сказать, что сегодня у США в области ПРО есть некое *количество* систем и технологий, но нет нового *качества*. А без нового качества строительство *Крепости Америка*, увы, невозможно и будет отложено. В какой-то мере России сейчас повезло. Но к тому времени, как США будут готовы трансформировать *количество* в *качество*, а случится это, думаю, через 4–6 лет, России было бы очень неплохо нормализовать ситуацию в ракетно-космической отрасли и продемонстрировать, что она не только способна говорить о новых типах ракет, но и реально их производить.

СИРИЯ: СМЫСЛ ТРАГЕДИИ

Ситуация в Сирии приобрела характер *застойной мясорубки*, которая практически не имеет теперь шансов на политическое урегулирование. Классическая победа одной из сторон также вряд ли возможна, скорее речь идет о перспективе глобального побоища. Какой-то из сторон сдаваться в общепринятом смысле уже поздно — слишком много крови пролито. Причем во вполне вероятном варианте победы оппозиции речь пойдет о возникновении исламистской охлократии с весьма агрессивными намерениями, поскольку к моменту возможного ее прихо-

РОССИЙСКАЯ АРМИЯ: А ВСКРЫТ ЛИ НАРЫВ?

Снятие почти с позором А. Э. Сердюкова с поста министра обороны вызвало вздох откровенного облегчения у всех наблюдателей. Конечно, сейчас можно дискутировать о том, сделал ли он вообще что-то верно и не следует ли его показательно посадить, однако главное сделано — влияния на ситуацию в Вооруженных силах он не будет оказывать никогда. А уж где он при этом будет находиться — вторичный вопрос.

Конечно, приход С. К. Шойгу в Министерство обороны стоит считать позитивным знаком. Во всяком случае, если развал армии и не прекратится, то будет идти все же в не столь экзотических формах, оставляющих меньше возможностей для серьезной социально-политической дестабилизации. Да и к решениям, превращающим армию в подобие офиса, а солдат — в подобие *офисного планктона*, новый министр будет, вероятно, менее склонен.

Однако действия С. К. Шойгу выглядят и по сути своей являются лишь элементами стабилизации ситуации, но не ее развития. Тогда как геоэкономические реалии нового мира диктуют нам необходимость формирования действительно эффективного военно-силового потенциала. Очевидно, эта нехитрая мысль пока не достигла умов российских властителей. Хотя, судя по скромным реляциям с мартовских учений на Черном море, дела там пошли не так блистательно, как это планировало наше политическое и военное руководство.

Тем не менее с уходом А. Э. Сердюкова становится необходимым обсуждение российской военной политики. В основу этой дискуссии, вероятно, должна лечь гипотеза о принципиальной допустимости крупного регионального конфликта в форме столкновения с сопредельным государством или интервенции в отношении России. Думаю, следует признать ошибкой исключение этого типа конфликтов из российского военного планирования, произошедшее как раз в середине 2000-х гг. и внешне подтвержденное ходом августовской войны с Грузией. В конце концов разработка новой российской военной политики должна завершить этап метаний, характерных для последних 7–8 лет.

В связи с этим возникают четыре основных аспекта, которые нуждаются в разработке и вокруг которых затем должно развиваться российское военное строительство.

Первое. Необходима четкая и однозначная декларация тех условий, при которых Россия пойдет на применение военной силы за пределами своей территории, в том числе для выполнения союзнических обязательств. Прозрачность и понятность в данном вопросе пойдут на пользу всем, тем более что ревизия военно-политических обязательств России перед различными странами назрела уже давно. Это будет важным фактором, как укрепляющим предсказуемость российской политики для внешнего мира, так и постепенно приучающим отечественную политическую элиту к ответственности за свои слова.

Второе. Необходима разработка новой российской ядерной доктрины, которая просто обязана обозначать принципиально новое место для субстратегических ядерных боеприпасов. Российское ядерное оружие вновь должно стать эффективным военным инструментом, а не только политическим явлением. И это также существенно изменит геополитический расклад вокруг России.

Третье. Вероятно, придется ответить на вопрос о численности российских вооруженных сил на обозримую перспективу и об адекватном соотношении профессионального и призывного контингента. Причем ответ должен содержать учет мобилизационных возможностей, поскольку все меньше и меньше уверенности в том, что Россия сможет абсолютно на все военные вызовы отвечать армией мирного времени.

Четвертое. Адекватна ли принятая не так давно бригадная организация российских сухопутных войск? Априори ничего дурного в такой организации нет, осо-

бенно если эти бригады являют действительно боеспособный компонент вооруженных сил. Однако с учетом новых геополитических условий вполне возможно возникновение ситуаций, при которых бригадной организации будет все же недостаточно. Если в определенных случаях нам понадобится дивизия, то восстановление дивизионного потенциала надо начинать уже сейчас, поскольку путь от бригады к дивизии гораздо сложнее, чем от дивизии к бригаде. На это потребуется гораздо больше времени и усилий, а главное — понадобится иное качество управления.

Если не дать ответ на эти четыре принципиальных вопроса, нарыв, который сформировался примерно в 2005–2006 гг. и который может быть определен как зависание всей силовой сферы России в концептуальном вакууме, будет не вскрыт и продолжит отравлять нам жизнь.

Бессмысленными в таком случае станут и все усилия по упорядочиванию закупок вооружений, поскольку ситуация будет продолжать толкать российскую армию покупать то, что есть, а не то, что ей требуется. Поэтому на следующем этапе развития вооруженных сил необходима срочная разработка и принятие новой военно-промышленной политики, однако она не может возникнуть до формулирования основ собственно военной политики. Иначе это будет просто повторением хаотических метаний последнего времени, но в сильно ухудшившихся политических и экономических условиях.

ПОСТНЕОКОЛОНИАЛИЗМ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Думаю, никто не будет спорить с тем, что мы присутствуем при возникновении новой геополитической реальности. Эта реальность основана на сочетании силовых и финансовых инструментов в экономических интересах одной страны или группы стран, используемых уже без соблюдения ранее принятых на глобальном уровне юридических и политических формальностей.

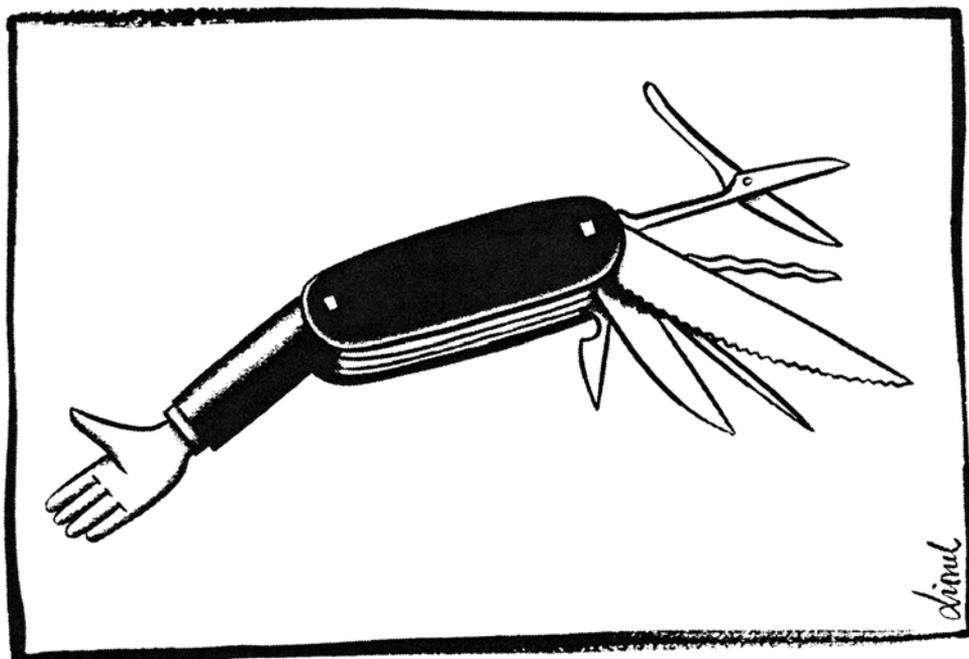
Следует учитывать безраздельное господство США и их ближайших союзников в каналах глобальных коммуникаций, начиная от классических электронных СМИ и заканчивая пресловутыми социальными сетями, которые представляют весьма эффективный способ формирования образов политики и экономики. Это немаловажный аспект управления глобальными процессами.

Данная реальность бесконечно далека от того, с чего начинался в начале 1990-х гг. *новый мировой порядок*, от концепции *единого мира*. Но она уже почти не напоминает и вариант начала XXI века, основанный на противопоставлении *оси добра* и *оси зла*.

Вероятно, мы можем назвать возникающую систему глобальной политики *постмодернистским колониализмом* или *империализмом 2.0*, поскольку все классические компоненты системы империализма: периферия, метрополия, контроль на каналами коммуникаций, навязывание культуры метрополии и проч. — присутствуют, только содержание этих компонентов и система управленческих связей существенно изменились.

Пока в Москве и Пекине рассуждали о многополярности и выдвигали концепции, в США приступили к реальному формированию многополярного мира. При чем *полюсами* силы в этом новом мире будут не те страны, которые считались основными претендентами на это, с точки зрения экономического и политического потенциала, а те страны, которые оказываются под американским силовым и финансовым зонтиком, получая солидный конкурентный *бонус*. Хотя свои геополитические интересы, согласующиеся с американскими интересами, эти страны должны будут обеспечивать преимущественно своими силами и за свои деньги.

Лионель Портье. Лицемерие.

Классическим примером того вновь образованного *полюса силы при хозяине* является нынешняя Франция, которую несколько лет назад многие поторопились списать с геополитических счетов. И хотя фигура уровня Шарля де Голля или даже Франсуа Миттерана в теперешней политической системе Франции просто невозможна, Париж получил право на *вторую геополитическую молодость* в пределах отведенной ему Вашингтоном *сферы влияния*. Чем это в долгосрочной перспективе закончится для Франции — не ясно, однако в кратко- и среднесрочной перспективе позиции Франции выглядят вполне солидными.

Ключевой вопрос, на который я затрудняюсь дать уверенный ответ: сократился или увеличился уровень глобальной военной опасности за последние полгода в связи с формированием указанной системы? Глядя на ситуацию в Сирии, засвидетельствовать сокращение уровня военной угрозы нельзя. Понятно, что ситуация на Корейском полуострове развивается за рамками системы *империализм 2.0*. Однако нельзя исключать, что со временем данная система поможет ограничить масштабы применения вооруженной силы со стороны контролируемых Вашингтоном *полюсов силы* без согласия *сюзерена*. Особенно если сформируется система обязательств новой *метрополии* перед своими *государствами-преторианцами*. Правда, на пути к этому относительно *светлому завтра* не исключены, а скорее предначертаны масштабные кровопускания.

У России в этом контексте всего две, но очень существенные проблемы: отсутствие у руководства *чувства времени*, что побуждает использовать исключительно прежние модели поведения, и катастрофически нарастающее технологическое и инфраструктурное отставание. В какой-то мере негативную роль сыграл и определенный *угар суверенизации*, когда восстановление контроля национального правительства над политикой государства (сам по себе исключительно отрядный

факт) начал восприниматься как некая панацея, обеспечивающая защищенность страны от воздействия внешнеэкономических факторов.

Начавшийся в России коллапс *газовой геополитики* лишь подчеркивает отсутствие внятной стратегической линии, а фактический провал последней встречи БРИКС ставит уже не вопросительный, а восклицательный знак. Беда только в том, что российская элита, погнавшаяся за пресловутой *стабильностью*, даже не понимает до конца, что происходит в сегодняшнем мире. Не понимает она и того, что стабильность без развития существует только в одном месте: на кладбище.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ «Рособоронэкспорт» похвалился ростом мировых поставок и рассказал, как вооружает воюющие Сирию и Мали. *NEWSru.com*. 2013, 13 февраля. <http://newsru.com/russia/13feb2013/rosoboron.html> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

² Велизаде Ильгар. Ахмадинежад уходит. *Независимая Газета*. 2013, 30 января.

³ Строкань Сергей. Иранский атом крепчает. *Коммерсант*. 2013, 25 февраля.

⁴ Нетаньяху Биньямин: Иран остановит только военная угроза. *Euronews*. 2013, 5 марта. <http://ru.euronews.com/2013/03/05/israel-sharpens-its-tone-towards-iran> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

⁵ О возрасте старших членов правящей в Саудовской Аравии семьи можно судить с известной долей осторожности. В 1930–1940-е годы, время рождения ныне здравствующих сыновей основателя Королевства Абдул-Азиза ибн Сауда, никто не заботился о том, чтобы точно фиксировать даты рождения детей от его многочисленных жен.

⁶ Другое название — Совет по принесению клятвы.

⁷ Remarks by Vice-President Joe Biden to the Munich security conference. The White House. Office of the Vice President. 2013, February 2. <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/02/remarks-vice-president-joe-biden-munich-security-conference-hotel-bayeri> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

⁸ В Кремле считают позитивными сигналы от администрации Обамы. *РИА Новости*. 15 апреля 2013 г., <http://ria.ru/politics/20130415/932701934.html#13678328866513&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration#ixzz2SVlcRUZt> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

⁹ “The discussions were comprehensive and constructive. [...] We disagree on some matters, and we are able to cooperate and agree on others”. Press Briefing by Press Secretary Jay Carney. The White House. Office of the Press Secretary. April 15, 2013., <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/04/15/press-briefing-press-secretary-jay-carney-4152013> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁰ New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Fact Sheet. Bureau of Arms Control. Verification and Compliance. US Department of State. 2012, November 30. <http://www.state.gov/t/avc/rls/201216.htm> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹¹ Стратегическое ядерное вооружение России, <http://www.russianforces.org/> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.) Приведенные цифры выглядят вполне правдоподобными; даже если они отличаются от реальных характеристик российского стратегического потенциала на несколько единиц в ту или иную сторону, это не влияет на принципиальные выводы.

¹² 1) В Северодвинске начались испытания «Владимира Мономаха». *Lenta.ru*. 2013, 18 января. <http://lenta.ru/news/2013/01/18/trials/> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

2) Первая серийная АПЛ проекта «Борей» приступила к ходовым испытаниям. *Lenta.ru*. 2011, 24 октября. <http://lenta.ru/news/2011/10/24/borealis> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

Ы
В
Р
О
С
С
Б
Е
О
Д
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
И

3) «Владимир Мономах» сойдет со стапеля. Севмаш. 2012, 26 декабря. <http://www.sevmash.ru/rus/index.php> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

4) В Северодвинске заложили четвертую подлодку проекта «Борей». *Lenta.ru*. 2012, 30 июля. <http://lenta.ru/news/2012/07/30/vladimir/> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹³ Complete List of All U.S. Nuclear Weapons. Federation of American Scientists. <http://nuclearweaponarchive.org/Usa/Weapons/Allbombs.html> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁴ Черненко Елена, Сафронов Иван. Разоружение замедленного действия. *Коммерсант*. 2013, 16 февраля. <http://www.kommersant.ru/doc/2127445?isSearch=True> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁵ В правовой системе США есть два понятия: *международный договор* [treaty] и *исполнительное соглашение* [executive agreement]. Договор подлежит ратификации в Сенате двумя третями голосов. Исполнительные соглашения делятся на *конгрессистские* и *президентские*. Первые заключаются на основе принятых Конгрессом законов или ратифицированных международных договоров и подлежат одобрению в Конгрессе простым большинством. Вторые заключаются президентом на основе его конституционных прерогатив и не подлежат обязательной ратификации. Однако Конгресс может принять закон, обязывающий президента представить то или иное исполнительное соглашение на ратификацию. См.: Осминин Борис. Принятие и реализация государствами договорных обязательств. М., 2006. С. 222–223.

¹⁶ Черненко Елена. Прорыв по ПРО. *Коммерсант*. 2013, 26 февраля. <http://www.kommersant.ru/doc/2135295> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁷ Лавров опроверг обмен декларациями по вопросу ПРО. *Lenta.Ru*. 2013, 26 февраля. www.lenta.ru/news/2013/02/26/lavrov/ (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁸ “We are restructuring the SM-3 IIB program [...] The timeline for deploying this program had been delayed to at least 2022 due to cuts in congressional funding”. Missile Defense Announcement As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. The Pentagon. 2013, March 15. <http://www.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1759> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

¹⁹ The European Phased Adaptive Approach at a Glance. Arms Control Association. 2013, February. <http://www.armscontrol.org/factsheets/Phasedadaptiveapproach> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

²⁰ По данным независимых американских экспертов перехватчики *SM-3 Block IIA* имеют скорость в конце разгонного участка 4,5 км/с, тогда как у их предшественников — перехватчиков *SM-3 Block IB* — эта скорость равна 3 км/с. Предполагается, хотя официального подтверждения этому нет, что *SM-3 Block IIB* должны разгоняться до 5–5,5 км/с. См.: The European Phased Adaptive Approach at a Glance...

²¹ Белянинов Кирилл, Черненко Елена. США меняют прописку ПРО. *Коммерсант*. 2013, 18 марта. <http://www.kommersant.ru/doc/2148848> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

²² Kristensen Hans M. Options for Reducing Nuclear Weapons Requirements. FAS Strategic Security Blog. 2013, February 11. <http://www.fas.org/blog/ssp/2013/02/nukeoptions.php> (последнее посещение — 17 апреля 2013 г.).

ТРОЙНОЙ АГЕНТ

Warrick Joby. The Triple Agent. The al-Qaeda Mole Who Informed the CIA. New York, London, Toronto, Sydney, Auckland. 2011. 244 pages

Джоби Уоррик. Тройной агент. Иностранная Литература. 2013, №№ 5–6.

Рецензия — Евгений Бужинский

11 сентября 2001 г. стал черным днем в истории Соединенных Штатов. Впервые за прошедшие 50 лет атака неприятеля была осуществлена на американской территории, более того, в экономическом и политическом центрах страны — Нью-Йорке и Вашингтоне. Количество жертв (более 3000 человек убитыми) впечатляет. Ответ американского руководства не заставил себя долго ждать. В обращении к нации президент Джордж Буш объявил войну международному терроризму, а именно *Аль-Каиде*, которая взяла на себя ответственность за проведенные теракты. К планированию военных действий американцы подошли с присущим им размахом. Раз президент объявил войну, ведение ее было поручено Пентагону. А так как руководство *Аль-Каиды* и основные силы организации нашли прибежище в талибанском Афганистане, то планирование военной операции и ее начало прошли по уже отработанному в Югославии и Ираке сценарию: принятие соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, предъявление ультиматума руководству Афганистана с требованием выдачи руководителей *Аль-Каиды* во главе с Усамой бен Ладеном, и после ожидаемого отказа сколачивание международной коалиции под американским началом, нанесение массированных авиационных ударов и проведение наземной операции, завершившейся отстранением от власти движения *Талибан*.

После решения первой задачи, заключавшейся в установлении контроля над территорией Афганистана, настал черед достижения главной заявленной цели операции: поимки и преданию суду руководства *Аль-Каиды* (оптимальный вариант) либо его физического уничтожения. Довольно продолжительная осада хорошо укрепленного убежища *Аль-Каиды* в горном массиве Тора-Бора успехом не увенчалась — Усама бен Ладен и его ближайшие соратники благополучно ушли на территорию Пакистана, где нашли прибежище в зоне племен в северо-западной части страны, слабо контролируемой пакистанским правительством. После относительной неудачи американских военных в решении задачи поимки либо уничтожения Усамы бен Ладена ее решение было поручено Центральному разведывательному управлению США.

ХОСТ

Книга Джоби Уоррика *Тройной агент* посвящена исследованию одной из самых чувствительных неудач ЦРУ в его борьбе с *Аль-Каидой* на фоне в целом успешной борьбы с этой мощной террористической организацией. 30 декабря 2009 г. террорист-смертник, иорданец палестинского происхождения Хумам Халиль аль-

Балави, которого американцы считали своим самым ценным агентом, способным привести их к верхушке *Аль-Каиды*, уничтожил группу высокопоставленных офицеров ЦРУ в стенах самой укрепленной и хорошо охраняемой базы американской разведки в восточном Афганистане — Хост. Произведение Уоррика представляет собой очень удачный образец документально-художественной прозы, которая читается на одном дыхании, как хороший детективный роман.

Повествование начинается с пролога, в котором в деталях описывается подготовка к встрече группы сотрудников ЦРУ во главе с начальником передовой оперативной базы Чепмэн («Хост») Дженифер Мэтьюз. Помимо американцев в группе находился и высокопоставленный представитель иорданской разведки, родственник короля Абдаллы капитан Али бин Зейд, *завербовавший аль-Балави*. Интрига описания встречи с тройным агентом (иорданской разведки, ЦРУ и *Аль-Каиды*) заключается в том, что, несмотря на то что американцы считали его самым ценным своим приобретением, они работали с ним практически вслепую, и встреча в Хосте была их первой очной встречей с суперагентом. Ценность агента была утверждена на высшем политическом уровне, и главной задачей, стоявшей перед начальником базы, помимо знакомства с аль-Балави и получения от него ценной информации по руководству *Аль-Каиды*, было установление с ним доверительных личных отношений. Ни в коем случае нельзя было обидеть его недоверием (хотя основания для недоверия агенту были). Именно поэтому Дженифер Мэтьюз приняла беспрецедентное для американцев, особенно находящихся в *горячих точках*, решение не проводить личный досмотр агента при въезде на базу, что в итоге стоило жизни ей самой и семерым членам ее команды.

ПРОБЛЕМЫ В ПАКИСТАНЕ

Следующие главы книги посвящены достаточно детальному описанию форм и методов работы американской разведки по отслеживанию и последовательному уничтожению лидеров *Аль-Каиды*. Проблема американцев заключалась в том, что с каждым прошедшим после перебазирования террористической организации в Северо-Западный Пакистан годом она быстро восстанавливала свою эффективность, в первую очередь за счет притока новых молодых и более фанатичных бойцов практически из всех стран мусульманского мира. Более того, по сравнению с пиковым для нее 2001 г. к 2007 г. она стала еще более эффективной за счет тесного альянса с пакистанскими экстремистскими группировками. Планирование и осуществление террористических актов против США и стран Западной Европы продолжались.

В начале 2008 г. аналитики ЦРУ пришли к выводу, что проведение нового, сопоставимого по масштабам с 11 сентября террористического акта на территории США, неизбежно. Бывший в то время директором ЦРУ Майкл Хайден предложил президенту Джорджу Бушу непростое решение: начать уничтожение главарей *Аль-Каиды* непосредственно на территории Пакистана. Причем делать это путем нанесения точечных ракетных ударов с беспилотных летательных аппаратов (БЛА) типа *Предатор*. Сложность принятия данного предложения заключалась в том, что Пакистан является союзником США в борьбе с терроризмом, а его руководство официально возражало против нанесения американцами ракетных ударов по пакистанской территории. Более того, правительство Пакистана справедливо опасалось радикализации населения страны и роста антиамериканских настроений вследствие неизбежных побочных последствий ракетных ударов по населенным пунктам, где укрывались лидеры террористов. Эти опасения разделяли многие американские эксперты по борьбе с терроризмом, которые, кроме того, предсказывали приток новых бойцов в ряды *Аль-Каиды* и других экстремистских группировок в результате радикализации пакистанского населения.

В конце концов в июле 2008 г. решение было принято. Пакистанское правительство согласилось на нанесение ограниченного количества ракетных ударов по избранным ЦРУ целям при условии соответствующей нотификации. В следующие шесть месяцев американцы с помощью БЛА нанесли более 30 ракетных ударов по выбранным целям — в три раза больше, чем за предыдущие четыре года. Под занавес пребывания Майкла Хайдена в качестве директора ЦРУ после прихода к власти в США администрации Барака Обамы его ждал очередной успех. ЦРУ удалось установить местонахождение одного из руководителей *Аль-Каиды* Осамы аль-Кини, причастного, помимо прочих преступлений, к покушению на премьер-министра Пакистана Беназир Бхуто. В результате точного ракетного удара он был уничтожен.

Сменивший Хайдена на посту директора ЦРУ Леон Панетта, несмотря на некоторые сомнения, продолжил практику своего предшественника: ракетные удары с БЛА по целям на пакистанской территории наносились с прежней интенсивностью.

АГЕНТ

Несколько глав книги посвящены описанию жизненного пути Хамама аль-Балави, выпускника медицинского факультета Стамбульского университета, успешного врача-педиатра, отца двух дочерей, отнюдь не религиозного фанатика. Помимо работы и семьи у Хамама было одно вполне современное увлечение: написание острых заметок в своем блоге в защиту ислама и его мучеников, против сионистских завоевателей и их американских покровителей. Выступая под ником Абу Дужана аль-Хорасани, он стал довольно популярен у своих единомышленников в Сети. Его кумиром стал известный иорданский террорист Абу Мусад аль-Заркави, повинный в гибели десятков иорданцев в серии террористических актов в Аммане, а также американских солдат в Ираке. Вполне естественно, что однажды он попал в поле зрения специалистов контртеррористического подразделения ЦРУ, которые обратились к своим иорданским коллегам, чтобы установить личность неистового блогера. В январе 2009 г. Хамам аль-Балави был арестован иорданской контрразведкой, допрошен и поставлен перед выбором: либо стать агентом иорданской разведки, либо поставить под угрозу благополучие своей семьи, свою профессиональную карьеру и свободу. Хамам аль-Балави выбрал первое. При этом он проявил удивительную готовность к сотрудничеству, раскрыв имена всех своих контактов в интернете, структуру джихадистских сайтов и даже источники их финансирования. После этого руководство иорданской разведки пришло к выводу, что они получили ценный источник информации, готовый сотрудничать с ними по идейным соображениям. Его куратором стал капитан иорданской разведки Бин Зейд, который в соответствии с существующим соглашением о сотрудничестве передал данные на нового агента в контртеррористический центр ЦРУ. В дальнейшем Бин Зейд осуществлял руководство аль-Балави совместно со своим давним американским приятелем, сотрудником амманской резидентуры ЦРУ Дарреном ЛаБонтом. Так аль-Балави стал двойным агентом.

В марте 2009 г. аль-Балави выразил желание более активно включиться в борьбу с *Аль-Каидой*. Он предложил свои услуги по установлению местонахождения наиболее одиозных лидеров террористов, в первую очередь Усамы бен Ладена и его ближайшего соратника египтянина Аймана аль-Завахири, задействовав для этого имеющиеся у него связи в пакистанской *зоне племен*. Особенно ЦРУ интересовал аль-Завахири, находившийся в поле зрения американской разведки с середины 1980-х гг., задолго до того, как мир услышал об Усаме бен Ладене.

Любопытно, что молодые годы аль-Завахири и аль-Балави на удивление похожи. Оба — выходцы из семей, относящихся к среднему классу и толерантных к представителям других религиозных конфессий. Оба получили медицинское образование и в студенческие годы увлеклись радикальным исламом. Оба начали свою врачебную деятельность в лагерях беженцев. Аль-Завахири принимал активное участие в борьбе афганских моджахедов против советских войск в Афганистане в 1980-е гг., в 1998 г. вступил в ряды *Аль-Каиды*, принял непосредственное участие в планировании террористических актов 11 сентября 2001 г. и намеревался продолжить ведение террористической войны против Соединенных Штатов, но уже с применением оружия массового уничтожения, для чего основал в Афганистане лабораторию для разработки бактериологического оружия. Разгром *Талибана* вынудил аль-Завахири перебраться в Пакистан, где он продолжил свою деятельность. Американцы были готовы платить любые деньги за содействие в поимке этого человека, поэтому, пообещав аль-Балави щедрое вознаграждение, они с радостью приняли его предложение (правда автор ничего не пишет о том, заинтересовались ли американцы качеством связей аль-Балави).

Дальнейшее описание жизни аль-Балави в Пакистане по понятным причинам уже не опирается на документы или свидетельские показания и представляет собой авторскую реконструкцию возможного развития событий, которая, впрочем, читается с неменьшим интересом. Единственное, что подтверждено документально из этого периода жизни аль-Балави — это его сообщения, передаваемые им своему иорданскому руководителю, в которых он сообщал об установлении контактов с представителями *Талибана* среднего уровня. В мае 2009 г. он сообщил, что принял предложение присоединиться к одной из наиболее влиятельных джихадистских группировок *Техрик-и-Талибан*, действовавшей в Южном Вазиристане, которая очень нуждалась в квалифицированном враче. Из дальнейшего повествования не очень понятно, когда аль-Балави раскрыв перед своими пакистанскими единомышленниками принадлежность к иорданской и американской разведкам, однако очевидно, что он с самого начала деятельности в качестве их агента не собирался действовать во вред *священному делу джихада*.

Апофеозом деятельности аль-Балави в Пакистане стало представление американцам видеосвидетельств (запись, якобы сделанная мобильным телефоном) своего вхождения в ближний круг Аймана аль-Завахири и присутствия на одной из встреч руководства *Аль-Каиды*. После этого американцы словно впали в транс. О суперагенте было доложено президенту Бараку Обаме и было принято решение пригласить его на личную встречу с группой специалистов ЦРУ для проведения брифинга и прохождения краткого курса оперативной подготовки. Справедливости ради следует отметить (и это уже не художественный вымысел автора), что не все американские разведчики поддались ажиотажу, царившему вокруг аль-Балави. Были и трезвые головы, выразившие обоснованные сомнения достоверности информации агента. Его амманский руководитель Даррен ЛаБонт даже написал докладную руководству, в которой он доказывал, что в жизни так не бывает, чтобы совершенно неподготовленный агент в столь короткое время завоевал доверие руководителей *Талибана* и *Аль-Каиды*. Однако, к сожалению, к его мнению не прислушались.

ПРОВАЛ

Одну из глав книги автор посвятил малоизвестному широкой публике эпизоду борьбы ЦРУ с террористическими группировками Пакистана, относящемуся к весне 2009 г. В мае месяце средствами радиотехнической разведки американцы перехватили сообщение, в котором говорилось, что лидер группировки

Техрик-и-Талибан Баитулла Мехсуд якобы имел в своем распоряжении ядерное устройство, которое он был готов использовать для совершения террористического акта на территории США. Аналитики ЦРУ достаточно быстро пришли к выводу о том, что речь может идти о так называемой *грязной бомбе*. На Баитуллу Мехсуда была начата настоящая охота, и после нескольких неудачных попыток он был наконец уничтожен 5 августа 2009 г. в результате точечного пуска ракеты с БЛА *Предатор*. Очевидно, что никакого ядерного устройства у Мехсуда не было, так как в дальнейшем эта тема ни одной из террористических группировок больше не поднималась.

Очевидно, автор прав в своем предположении, что после уничтожения Баитуллы Мехсуда, его брат Хакимулла решил отомстить именно ЦРУ, использовав для этого аль-Балави в качестве живого взрывного устройства огромной мощности. Очевидно и то, что у аль-Балави просто не было другого выбора.

Одним из несомненных достоинств книги Уоррика является достаточно подробное описание технических возможностей ЦРУ и Агентства национальной безопасности (АНБ) США по отслеживанию передвижений, определению местоположения выбранных целей и их последующему уничтожению. К весне 2009 г. американцы создали мощнейшую из когда-либо созданных группировку разведывательных спутников с задачей отслеживания обстановки в северо-западном Пакистане. Кроме того, для решения этой задачи была задействована разветвленная сеть средств радио- и радиотехнической разведки. Контроль был тотальным: проводилась сплошная фотосъемка местности, прослушивались все телефонные, включая сотовую связь, и телеграфные линии, полностью контролировался интернет. Вся поступающая информация оперативно обрабатывалась в штаб-квартире АНБ в Форт Мид, Мэриленд. Для уничтожения объектов использовалась целая флотилия БЛА *Предатор*, вооруженных ракетами *Хеллфайер* и более мощными *GBU-12 Пэйвуэй*. Конечно, можно поставить под сомнение утверждение автора о высочайшей эффективности ракетных ударов с БЛА. Утверждения типа «*Предатор* может выпустить ракету в открытое окно движущегося автомобиля или попасть по цели размером с обеденную тарелку в ночное время», конечно, производят впечатление. Однако статистика вызывает определенные сомнения. Несомненным является то, что использование *Предаторов*, способных длительное время находиться в воздухе в поиске объекта поражения, оказывало значительное психологическое давление на лидеров и простых бойцов террористических группировок, действовавших на территории северо-западного Пакистана.

Небезынтересным для читателя станет знакомство с оперативной базой ЦРУ в районе афгано-пакистанской границы, которая и стала объектом атаки террориста-смертника аль-Балави. Задолго до того, как база Хост стала *неприступной крепостью*, она использовалась специальным оперативным подразделением ЦРУ, комплектовавшимся бывшими военнослужащими из числа *зеленых беретов* и *морских котиков*, и решавшим, начиная с 1950-х гг. *прошлого века*, задачи проведения специальных операций за пределами США, включая ведение партизанской войны, актов саботажа и физического устранения неугодных лиц. Именно это подразделение начало активные действия на территории Афганистана против отдельных представителей *Аль-Каиды* в 2001 г., а после вторжения в страну коалиционных войск и свержения *Талибана* продолжило зачистку приграничных с Пакистаном районов от оставшихся там очагов сопротивления талибов. В то время база располагалась в школьном здании в самом городе Хост и не представляла собой сколь-либо хорошо укрепленного объекта, способного защитить находившейся там персонал от ракетных атак, акций террористов-смертников и действий снайперов, скрывавшихся в близлежащих домах и зарослях деревьев.

4 января 2002 г. группа сотрудников базы, проводившая встречу со старейшинами соседней деревни, подверглась вооруженному нападению со стороны местного жителя, в результате которого один из сотрудников, *зеленый берет* по имени Натан Чэпмэн, был убит. Вскоре после этого ЦРУ передислоцировало базу на территорию находившегося за пределами города аэродрома, который использовался еще советской авиацией. Проведя полную модернизацию инфраструктуры аэродрома и укрепив его с точки зрения обеспечения безопасности, руководство ЦРУ превратило его в первую оперативную базу американской разведки на территории Афганистана за пределами Кабула. База получила имя погибшего рядового Чэпмэна, хотя впоследствии она стала более известна как передовая оперативная база Хост.

На протяжении всего повествования автор постоянно возвращается к его главному событию, пытаясь понять, как могло произойти столь труднообъяснимое с точки зрения нормальной оперативной работы чрезвычайное происшествие. При этом автор, естественно, не может доказательно объяснить мотивы поступка аль-Балави. Он их может лишь художественно реконструировать, что делает достаточно убедительно. Но вот действия руководства ЦРУ автор реконструирует, опираясь на документы и свидетельства очевидцев и участников описываемых событий.

Итак, получив от аль-Балави сообщение о том, что ему удалось стать личным врачом аль-Захири, подкрепленное подлинным медицинским досье на своего пациента, руководство ЦРУ впало в настоящую эйфорию. Сразу же было принято решение об организации встречи с особо ценным агентом и проведения с ним ускоренного курса подготовки для решения особо важной задачи (очевидно, физического устранения аль-Завахири). При этом не принимались во внимание никакие доводы против, главный из которых был очевиден: слишком быстро, фактически за три дня, фанатичный религиозный блогер согласился на сотрудничество с иорданской разведкой; слишком быстро он согласился на смертельно опасную поездку в Пакистан; слишком быстро он сумел вплотную приблизиться к руководству *Талибана* и *Аль-Каиды*. В жизни, как справедливо отмечали в своих докладах противники форсирования операции с аль-Балави, так не бывает. Более того, при организации встречи в Афганистане, американцы нарушили все существующие правила при проведении подобного рода операций, начиная от количества участников (нормальный формат — три человека: агент, его куратор и необходимый для проведения инструктажа специалист) и заканчивая его беспрепятственным (без какого-либо досмотра) проездом практически к парадному входу основного здания базы (что объяснялось, с одной стороны, стремлением оградить его от посторонних глаз возможных агентов талибов на внешнем периметре базы, с другой — принять его по *высшему разряду* как настоящего друга).

Интересная деталь — автор справедливо и аргументированно предположил, что организация подрыва террориста-смертника на территории базы ЦРУ, несмотря на страстное желание брата убитого лидера *Тахрик-и-Талибан* отомстить американцам, не была первоначальной целью операции *Аль-Каиды* с участием аль-Балави. Первоначальная цель заключалась в организации встречи аль-Балави с его иорданским руководителем капитаном Али бин-Зеидом на территории Пакистана, с последующим его захватом. По замыслу организаторов акции пленение и последующий суд, приговор и казнь родственника короля Абдаллы II, транслируемые через интернет, были бы очень сильным пропагандистским ходом, направленным против руководителя Хашимитского королевства, заключившего мирный договор с Израилем, который, по мнению руководства *Талибана* и *Аль-Каиды*, слишком активно сотрудничает с американцами. Лишь категорическое несогласие руководства иорданской разведки с поездкой бин-Зеида в Пакистан,

поддержанное американцами, вынудило *Аль-Каиду* отказаться от первоначального плана. Справедливости ради необходимо отметить, что проведенная акция с последующим ее освещением в интернете, имела не меньший пропагандистский эффект.

Последние главы книги посвящены описанию ответных действий американцев на взрыв в Хосте. В течение трех недель после террористической атаки на оперативную базу ЦРУ было совершено 11 ракетных атак по выбранным целям в южном и северном Вазиристане. Было уничтожено, по меньшей мере, 62 члена террористических группировок. По распоряжению президента Барака Обамы ЦРУ получило в свое распоряжение новые БЛА и возможность наносить удары по новым целям. Более того, тем же распоряжением были сняты любые ограничения на интенсивность и районы нанесения ударов (ранее ЦРУ избегало проведения массированных атак, способных вызвать массовое недовольство местного населения).

Однако, несмотря на очевидные успехи, праздновать победу над *Аль-Каидой* и *Талибаном* было еще рано. В ответ на массированные ракетные удары американских БЛА по целям на территории Пакистана *Аль-Каида* активизировала террористическую деятельность на огромной территории, простиравшейся от Восточной Африки до Аравийского полуострова. Лидер группировки *Техрик-и-Талибан* избежал смерти до время массированной ракетной атаки на базу талибов в районе Шахтой 14 января 2010 г. и планировал новые теракты против американцев. Усама бен Ладен сделал очередное видеообращение с угрозами в адрес Соединенных Штатов. Шейх Саед аль-Масри, номер три в руководстве *Аль-Каиды*, в очередной раз ушел от преследовавшего его *Предатора*.

ПОБЕДА ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ?

Автор завершает свое повествование детальным описанием операций ЦРУ по уничтожению лидеров *Аль-Каиды* Саеда аль-Масри и Усамы бен Ладена. Аль-Масри был уничтожен 21 мая 2010 г. в результате ракетного удара по своему убежищу в нескольких милях к северо-востоку от маленького пакистанского городка Мираншах. При этом впервые удар сознательно наносился по зданию, в котором совершенно точно находились, по крайней мере, две женщины и несколько детей.

Ликвидация бен Ладена проходила по иному, более сложному и сопряженному с возможным политическим и материальным ущербом сценарию. 1 мая 2011 г. специалисты ЦРУ с достаточной степенью достоверности установили местонахождение бен Ладена. С 2005 г. он проживал со своими пятью женами и 18 детьми в одном из курортных пакистанских городков под названием Абботтабад. Дом, окруженный 4-метровой стеной, практически был изолирован от внешнего мира, так как в нем не было ни телефонной, ни интернет-связи. В данном случае главным было избежать ошибки в идентификации цели. Поэтому руководство ЦРУ отказалось от нанесения ракетного удара по установленному зданию. Было принято непростое решение осуществить штурм здания силами двух групп *морских котиков* по 12 человек каждая, переброшенных вглубь пакистанской территории на специально модифицированных вертолетах *MH-60 Блэк Хок*. С самого начала операция развивалась не так, как планировалось. При посадке десанта винт одного из вертолетов задел за дерево и жестко приземлился (очень быстро резервный вертолет был на месте). Тем не менее, задача была выполнена: бен Ладен был обнаружен и уничтожен. При этом он не был вооружен и не оказывал никакого сопротивления. Однако наученные горьким опытом командос предпочли не испытывать судьбу, рискуя столкнуться с еще одним *поясом шахида*, и пристрелили бен Ладена. Операция заняла всего 40 минут. Две группы *котиков*

были успешно эвакуированы на территорию Афганистана. 2 мая 2011 г. ликвидация лидеров *Аль-Каиды* была завершена. В живых остался лишь Айман аль-Завахири.

Таким образом, на примере одного из самых драматичных эпизодов в истории борьбы ЦРУ с международным терроризмом, Джоби Уоррик сумел очень реалистично показать *внутреннюю кухню* одной из наиболее эффективных разведывательных служб мира. При этом он сумел так построить повествование, что у читателя не складывается впечатление, что книга посвящена разбору крупнейшего провала в истории ЦРУ. Напротив, автор убеждает читателя в том, что, несмотря на отдельные недочеты в работе американских спецслужб, ни один террористический акт против США или их граждан не останется безнаказанным, а возможности американской разведки по физическому уничтожению участников террористических и экстремистских группировок, включая их лидеров, поистине безграничны. 🐾

ПОВЕСТИ И ПРЕДСКАЗАНИЯ У КИПЯЩЕГО КОТЛА

**Евгений Сатановский. Россия и Ближний Восток.
Котел с неприятностями. М.: Эксмо, 2012. 384 с.**

Рецензия — Владимир Орлов

«Кто на Ближнем Востоке для России друг и партнер, а кто враг и агрессор?». «Почему нам не удастся выработать эффективную политику на Ближнем Востоке?». «К чему приведет противостояние между Ираном, США и ЕС и как это отразится на России?». «Будет ли на Ближнем Востоке ядерная война?»..

БЕЗ ГНЕВА И С ПРИСТРАСТИЕМ

Ух ты! Как, увидев такие вопросы, вынесенные на обложку, не схватить эту книгу и не приняться жадно за чтение? Тем более когда у нее такой автор — политолог и политик, бизнесмен и филантроп, эрудит, мистификатор, провокатор, или — в попытке автобиографии: «Жизнерадостный толстяк, смахивающий на Де Вито больше, чем на Де Ниро», которому «с юности был интересен мир, в котором мы живем» и который к середине 1990-х «знал, как свои пять пальцев, весь еврейский мир, был вхож в российские верхи и западную элиту, по рекомендации МИДа наладил хорошие отношения с Аббасом и его семьей, основал собственную корпорацию и институт, сохранил оптимизм и веру в человечество, заработал изрядное количество денег и располагал более чем столетним семейным опытом строительства металлургических заводов, военно-морских баз и прочих хозяйственных объектов» (с. 140).

Конечно, те, кто знакомы с президентом Института Ближнего Востока, бывшим президентом Российского еврейского конгресса (РЕК) Евгением Яновичем Сатановским, согласятся: к этой книжке не хватает приложенного компакт-диска. Жанр аудиокниги усилил бы впечатление. Истории, рассказанные Сатановским, надо слушать: согласен ты с повествователем или в корне не согласен — заслушаешься, попадешь в плен его обаяния и пассионарности! Он сам это знает, поэтому в книге, насколько это возможно, сохраняет свои фирменные интонации, в результате чего она пестрит многочисленными отступлениями — про АфПак и сомалийские традиции, про «пользу ЦРУ» и «Новую Оттоманскую империю», про «кебаб под Иерихоном» и ближневосточную демографию — то на несколько строк, а то и на несколько страниц.

Что за жанр у этой книги? Сатановский в первых же строках делает (очень домашний, слишком многословный, почти как застольный тост) disclaimer: должно было быть учебное пособие «для серьезных студентов серьезного вуза» — уж не ИСАА ли, где он преподает? Но краткость и сухость пособия оказались автору чужды, и получилось то, что получилось — не учебник, не справочник, не энциклопедия... Я бы назвал «Котел с неприятностями» сборником эссе, плотно нанизанных на ближневосточный шампур.

Уже оформление книги выдает авторскую страсть к географии, а с ней и к геополитике: страницы советских атласов времен детства автора хорошо подготавливают к *броску к дуге нестабильности*, которая и есть Ближний и Средний Восток (БСВ). Сатановский тщательно вычерчивает регион, умышленно включая сюда и Турцию, и Пакистан, и Мавританию, и Сомали: «Ближний и Средний Восток этой книги — это арабский мир, неарабские исламские страны и неисламские регионалы». Разобравшись с географией, Сатановский широкими мазками и с уверенностью энциклопедиста разбирается с историей региона и каждой его страны в отдельности: не сомневаюсь, студенты будут зачитываться этой частью — пусть и не учебное пособие, зато какой концентрат фактов, мыслей, тезисов — часто спорных, но всегда задорных, всегда небанальных.

Очарование этой книги в том же, в чем и ее проблема: это — не научный труд, а яркая, очень личностная публицистика. Сатановский брезгает недосказанностями, размытостями, околичностями, в общем политкорректностью. Он рубит правду-матку — так, как он себе ее представляет, опираясь на хорошее образование и бескрайние общения. Вот, например: «Иран — наиболее эффективная демократия БСВ» (с. 80). Или: «В отсутствие иностранной военной силы или местной диктатуры самостоятельное существование Ирака маловероятно, а отделение Курдистана неизбежно» (с. 94). Или: «Саудовская Аравия [...] готова к региональной гонке ядерных вооружений. Произойдет это, скорее всего, за счет получения *изделия*, обслуживающего персонала и носителей из Пакистана» (с. 106).

Мало? Тогда вот еще: «Инициатива создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке [...] напрямую направлена против Ирана и Израиля, обходя проблему ядерного оружия Пакистана» (с. 106). И еще: «Духовный лидер братьев-мусульман шейх Юсеф Кардауи — *суннитский Хомейни*, поклонник Гитлера и популярный телепроповедник» — с территории Катара в значительной мере повлиял на события вокруг Египта и Ливии (с. 113). Или вот: «Столкновение интересов Турции с Ираном из-за борьбы за гегемонию в исламском мире и противоречий в Армении, Азербайджане, Сирии, Ливане и Ираке [...] практически неизбежно» (с. 182), но при этом сегодня, сообщая действуя против курдов, Турция и Иран репетируют совместные действия против Израиля (с. 291).

В книге тесно переплетается острое, остроактуальное, эксцентричное. Поэтому многое *цепляет*.

ЛОББИСТЫ, МИРОТВОРЦЫ, МИФОТВОРЦЫ, ИЛИ КТО БЛИЗОРУКИЙ

Я с большим интересом прочитал главы, посвященные внешним игрокам на БСВ: максимально жесткий, максимально критический анализ роли США; внимательное вслушивание во все более заметную скрипку Китая... С наибольшим напряжением вчитывался в страницы, посвященные роли и политике России на БСВ. Здесь совсем жестко: «Слабая мобильность, медлительность, незаинтересованность в конечном результате, нежелание брать на себя ответственность, волюнтаризм высшего и фаворитизм среднего управленческого звена, системная и личная коррупция — отличительные черты российских проектов на БСВ» (с. 372). С такой оценкой трудно не согласиться. Так же как и со следующей: российская политика «далека по своему уровню от долгосрочной глобальной деятельности Китая или энергичных до лихорадочности действий Турции и Ирана. Связано это не только с нехваткой средств и нежеланием повторять ошибки Советского Союза, но и с элементарной нехваткой кадров и [...] слабой координацией звеньев государственной системы» (там же).

Но вот следующая оценка в адрес российской ближневосточной политики мне уже менее понятна: «В своей политике (Россия) усилиями лоббистских групп, в том числе и отечественного МИДа, часто поддерживает глобальные политические инициативы с высоким имиджевым риском и минимальной осмысленностью для национальных интересов» (с. 373). Что за «лоббистские группы»? Мне-то как раз

казалось, что в последние годы наметился перекося в другую сторону — и как раз из-за «лоббистских групп», только совсем не тех, которые имеет в виду бывший руководитель РЕК.

Вообще, неизбежная уязвимость этой книги — создающая парадоксальным образом простор для дальнейшей полемики — нескрываемая ангажированность автора, когда вопросы касаются израильско-палестинских дел, мирного процесса. Сатановский честен с читателем: он не верит в возможность создания самостоятельного и эффективного Палестинского государства, больше того, он убежден, — на мой взгляд, ошибочно, — что этого подспудно не хотят сами палестинцы, которые гораздо больше выигрывают в нынешней ситуации неопределенности и, по его мнению, отсутствия ответственности. Голос Сатановского против ООН, против миротворцев, против *коспонсоров* звучит раздражающе веско: Москва в Чечне обошлась без *коспонсоров* — и выиграла; Тегеран в иранском Азербайджане обошелся без *коспонсоров* — и выиграл; так почему же Тель-Авив (его Сатановский последовательно именуется «Иерусалим») не поступит так же, что за нерешительность? Передоверие решения проблемы *мировому сообществу*, пишет Сатановский, «лишь выводит конфликт на новый уровень, увековечивает его», тем более что задачей *миротворцев*, пишет он уже с иронией, «является, как правило, не разрешение конфликта, а сам процесс» (с. 276). Далее Сатановский именуется ООН не иначе как «малозффективной бюрократической структурой, живущей по своим, далеким от реальной жизни законам. Дорогостоящие миротворческие структуры ООН никого ни от чего не защищают» (с. 216).

Брошено серьезное обвинение. Так ли уж несправедливо? Думаю, на страницах *Индекса Безопасности* этот тезис Сатановского нужно обсудить особо. Но не могу не вспомнить эпизод с одной из недавних конференций, посвященных БСВ, когда израильский эксперт (и бывший госчиновник) назвал заключительный документ Обзорной конференции по ДНЯО *близоруким*. Напомню, документ был принят консенсусом — всеми государствами мира, кроме четырех (и Израиль среди этой четверки). На что тут же взорвался чилийский дипломат: «Так что же, по вашему выходит, все мировое сообщество — близорукое, одни вы — дальнзоркие?».

ПАКИСТАН, ИРАН И АТОМНОЕ ДОМИНО

Не скрою, с особым пристрастием читал главы, посвященные иранской ядерной программе и вообще ядерным делам на БСВ: региональной *атомной бомбе* Сатановский отводит в книге много места.

Любопытно читать переживания автора по поводу пакистанской ядерной программы, пакистанского ядерного распространения. В этих зарисовках много личного, иногда личностные интонации слишком уж вытесняют фактуру и анализ. Но с выводами Сатановского по Пакистану я солидарен.

По Ирану сложнее. С одной стороны, анализ перспектив политики Ирана в БСВ мне представляется стереоскопичным, глубоким, пронизательным. С другой — стопроцентное убеждение автора в том, что Иран работает над ядерной бомбой все-таки не достаточно подкрепляется фактами, здесь он чувствует себя чуть ли не впервые за все повествование на зыбкой почве. Не могу не вспомнить, что уже 10 лет прошло с тех пор, как Евгений Янович высказал идею о том, что Израиль и Иран должны сесть за стол прямых переговоров — чтобы договориться о правилах игры, когда в Иране будет ядерная бомба. Проще говоря, о том, как будет работать в регионе ядерное сдерживание — по моделям СССР–США времен холодной войны или по нынешней модели Индия–Пакистан. Уже тогда он был убежден, что иранцы от своей *idée fixe* не отступятся и что с ними можно и нужно договориться, пока не поздно, то есть пока на БСВ не вспыхнул региональный ядерный конфликт, причем договариваться надо именно тем, кто в регионе, то есть израильтянам, а не американцам, которые вовне и только все запутают.

Я не разделяю эту точку зрения, как не разделяю и теории ближневосточного атомного домино, о которой пишут многие эксперты, и Сатановский в их стане: мол, за Ираном последует Саудовская Аравия, потом Египет, потом подтянется Турция. Сатановский добавляет сюда и ОАЭ, и Алжир — которые, и это правда, проявляют интерес к ядерной деятельности, — но правда и то, что пока — к сугубо мирной. «Ядерные арсеналы их будут невелики и примитивны, пишет Сатановский, однако обеспечат им иммунитет против вмешательства извне, которым в настоящее время обладает Северная Корея и [...] скоро будет обладать Иран» (с. 319). Да не будет у заливников ядерных арсеналов! Даже если предположить, что иранцы втайне целенаправленно трудятся над ядерной бомбой (что я ставлю под сомнение), — так это с 1985 г. продолжается... сколько ж времени уйдет у саудитов, да и гор у них нет таких, как у иранцев или северных корейцев, чтобы замаскироваться.

Но если в этой части мне с Сатановским спорить легко, то вот другой его очень *нострадамусский* прогноз меня волнует, и у меня нет ответа, чего больше в этом прогнозе: эффектного алармизма, бесприкрытого в формате эссе, или же результата безупречного анализа нынешнего хода вещей на Ближнем Востоке. Вот он, этот прогноз-вывод: «Регион ускоренными темпами движется к большой войне. Неизбежность ее обусловлена сочетанием факторов, главным из которых является состояние дел в Иране» (с. 318).

Читайте быстрее «Котел с неприятностями» — а то котел уже закипает, не успеете дочитать книгу, и прогнозы начнут сбываться... может быть. 🐱

КОСМИЧЕСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ ПО МАККИНДЕРУ

Nayef R.F. Al-Rodhan. Meta-Geopolitics of Outer Space. An Analysis of Space Power, Security and Governance. Palgrave Macmillan, 2012. 276 p.

Рецензия — Павел Лузин

Морем нельзя владеть, но на море можно господствовать — это понимали еще лидеры республиканского Рима, когда в III в. до н.э. вступали в борьбу с Карфагеном, по итогам которой *город на семи холмах* стал центром античной цивилизации. Расцвет Дамасского и Багдадского халифатов был связан с арабскими мореплавателями, контролировавшими торговлю в Аравийском и Средиземном морях. Главной целью крестовых походов, объявленных в 1095 г. римским папой Урбаном II, стало завоевание средиземноморских торговых путей, положившее к XIII веку начало экономическому и культурному расцвету средневековой Европы. В 1494 г. Испания и Португалия на подъеме своего могущества с одобрения папы Александра VI заключили Тордесильясский договор, разделивший весь мир на зоны влияния двух морских держав. И эта уникальная правовая система существовала и развивалась, пока во второй половине XVI века в борьбу за морское господство не вступили Англия и Голландия, а за ними и Франция... Четыре века спустя усилиями СССР и США конкуренция за доминирование охватила еще одну сферу, которой нельзя владеть, — космос. И сегодня несколько десятков государств по всему миру занимаются его гражданским и военным освоением.

В этой связи работа старшего научного сотрудника Колледжа Святого Антония Оксфордского университета доктора Наефа аль-Родана *Метагеополитика космоса: Анализ космического потенциала, безопасности и методов управления* вызывает неподдельный интерес. А начать здесь следует с того, что автор пришел в международные исследования из медицины Наеф аль-Родан — невролог и нейробиолог, для которого сама природа человека, его здоровье, страхи и эмоции имеют такое же значение, как и система распределения власти и богатства в обществе, технологическое развитие, отношения государств друг с другом.

Понятие *метагеополитика* разработано самим аль-Роданом в качестве методологической основы проводимых им исследований в области международных отношений. В отличие от традиционной геополитики, занимающейся военно-политической значимостью пространств, *метагеополитика*, по аль-Родану, охватывает семь направлений жизнедеятельности государства: вопросы здравоохранения и состояния общества; внутренняя политика; экономика; окружающая среда; научный и человеческий потенциал; военные возможности и вопросы безопасности; международная дипломатия. Эти направления определяют возможности государства и его позиции на мировой арене. В свою очередь, космический потенциал определяется автором как способность использовать космос для укрепления и усиления государства в указанных аспектах, что, таким образом, придает ему *метагеополитическое* значение.

На самом деле, если обратиться к космической доктрине Соединенных Штатов, критерии американского лидерства в космосе очень похожи на то, что аль-Родан называет *метагеополитикой*. Однако скепсис читателя и возможные намеки на необходимость использования *бритвы Оккама* предупреждает сам автор — для него новый термин представляет удобный инструмент сравнительного анализа, охватывающего деятельность в космосе США, России, ЕС, Китая, Индии и других игроков, включая частные компании. Иными словами, *метагеополитика* просто позволяет заменить постоянное перечисление всех семи, на взгляд аль-Родана, ключевых аспектов существования современного государства и обозначить их системную взаимосвязь между собой и использованием космоса.

В простой и понятной структуре работы, которая сама по себе является серьезным достоинством, отдельный интерес представляют вводимые автором *кейсы*. Так, например, рассматриваемая с точки зрения *метагеополитики* космическая программа Индии позволяет заключить, что основными целями ее космической программы является сохранение окружающей среды, а также социальное и научное развитие — повышение уровня образованности граждан, снижение уровня бедности, сокращение разрыва между самыми богатыми и самыми бедными слоями. Именно поэтому Индия делает ставку на спутники дистанционного зондирования земли, связи, автоматические исследовательские миссии к Луне.

В то же время Иран в своей космической программе наибольшую активность проявляет в создании ракет-носителей, а также спутников связи. И здесь ведущими направлениями для него выступают развитие научной базы и человеческого потенциала, а также укрепление внутривнутриполитической стабильности, поскольку демонстрация весомых достижений в космосе сплачивает граждан, прививает им чувство гордости и аргументирует правильность проводимого политического курса. Безусловно, в своей космической программе Иран преследует также военные и региональные внешнеполитические цели, однако, как замечает аль-Родан, возможность использования ракеты-носителя в военных целях крайне невелика, зато необходимость дальнейшего развития на этом пути заставит исламскую республику сотрудничать с достаточно широким кругом зарубежных игроков.

Также в качестве отдельного *кейса* автор выделяет создание европейцами спутниковой навигационной системы *Галилео*, что позитивно воздействует на все семь выделенных автором ключевых сфер жизни ЕС. Не трудно заметить, что эффективность космической программы того или иного государства (в случае ЕС — союза государств), как и глубина ее целеполагания, напрямую зависят от общего уровня социально-политического и экономического развития этого государства. А отсюда возникает оставшийся без ответа вопрос о степени влияния собственно космической активности на *метагеополитическое* положение страны и о факторах, снижающих или увеличивающих это влияние.

Главными объектами анализа космического потенциала для аль-Родана являются США, ЕС, Китай, Россия и негосударственные игроки, рассматриваемые на примере концернов *EADS-Astrium* и *Boeing*. И главный вывод автора здесь в том, что, несмотря на достаточно острую конкуренцию между указанными государственными игроками, дальнейшие шаги по освоению космоса не возможны без их кооперации. Этому способствует и растущее давление со стороны начинающих космических держав, и все большая коммерческая привлекательность космоса для частных игроков. Тривиальность вывода лишь кажущаяся, поскольку аль-Родан превращает аналитическую концепцию *метагеополитики* в политическую идеологию: позиции государств на мировой арене и их жизненные интересы напрямую зависят от того, смогут ли они совместно контролировать космическое пространство.

В то же время аль-Родан констатирует наличие угроз, эффективный ответ на которые без использования космических систем сегодня невозможен, и выделяет пять основных сфер обеспечения безопасности: безопасность человека [human security], безопасность окружающей среды [environmental security], национальная безопасность, транснациональная безопасность [transnational security], *транскультурная* безопасность [transcultural security].

И если первые четыре сферы не нуждаются в пояснениях, за исключением того, что вопросы имиджа и престижа политической системы автор относит к сфере национальной безопасности, а кибербезопасность является частью транснациональной безопасности, то *транскультурная* безопасность фокусирует на себе внимание. Так, автор поддерживает идею исследователей из Шри-Ланки Н. Джасентулияны и К. Карника (весьма полезно знать, как на глобальные проблемы смотрят в растущем индийском мире), согласно которой космическая инфраструктура связи может рассматриваться как *оружие массового внушения идей*. В качестве примера он приводит тот факт, что в 2007 г. разгромленное ныне движение *Тигры освобождения Тамил-Илама* на Шри-Ланке использовало нелегальный доступ к системе спутниковой связи *Интелсат* для пропаганды своих воззрений на самом острове и в Индии.

Из всего этого Наеф аль-Родан заключает, что совместные международные действия представляют единственную приемлемую политическую возможность по решению стоящих на повестке проблем использования космоса. Такой подход он формулирует как *принцип безопасности со многими суммами* [multi-sum security principle] в противовес известному принципу игры с нулевой суммой. Этот принцип должен, по мысли автора, лечь в основу новой, *метагеополитической* системы глобального управления космической деятельностью.

Другим фундаментальным принципом аль-Родан называет *симбиотический реализм*. Эта категория основана на авторском предположении, что усиление глобальных взаимосвязей и взаимозависимости должно вывести на передний план рациональные интересы государств вместо заложенных человеческой природой эгоцентризма и различных фобий, что на уровне политических систем классический реализм формулирует как *мировую анархию*. Симбиотический реализм напрямую связан с космической деятельностью, где вопросы безопасности и задачи приобретения политической и экономической выгоды не способны решить самостоятельно ни одно государство. Космос будет безопасным либо для всех, либо ни для кого — таков посыл аль-Родана.

Таким образом, *принцип безопасности со многими суммами* и *симбиотический реализм* закладывают единственно возможный путь развития международных отношений применительно к космической сфере — совершенствование глобальных институциональных и правовых механизмов ее регулирования. Такой подход в целом укладывается в рамки неолиберальной концепции в теории международных отношений. Однако аль-Родан предпочел выдвинуть собственную терминологию, судя по всему, исходя из идеи синтеза ТМО в единую систему.

В конце работы автор формулирует серию политических рекомендаций, направленных на расширение международной правовой базы в таких аспектах, как военное и коммерческое использование космоса, и в целом выработку между всеми игроками доверия и прозрачности действий в этой сфере. Одновременно аль-Родан формулирует проблему, которую предстоит решать широкому кругу экспертов от политики, бизнеса и неправительственных организаций — это поиск баланса между глобальным регулированием и созданием условий для качественного развития коммерческой и общественной инициативы в освоении космоса.

Стоит отметить, что у *метагеополитического* подхода, несмотря на оптимизм автора, потенциал политического прогнозирования отсутствует. Сама работа

представляет собой статический срез космической политики ключевых держав и связанных с космосом проблем международных отношений. При этом свой подход Наеф аль-Родан использует исключительно как идеологическую оболочку для обоснования необходимости углубления международного сотрудничества в космосе. Иными словами, *метагеополитика* космоса, как, впрочем, и классическая геополитика морей и континентов в духе сэра Х. Д. Маккиндера, сродни метафизике и политической мифологии. Кроме того, она лишена ортодоксии, свойственной многим современным приверженцам геополитических построений.

Концепцию *метагеополитики* следует воспринимать в качестве попытки предложить взаимовыгодный выход из вполне ощутимого мировоззренческого и ресурсного тупика, в котором сегодня пребывает космическая политика ведущих держав. К тому же события в мире в последние годы свидетельствуют, что точек противоречий становится куда больше, чем точек консенсуса. 🐢

Steven Pifer, Michael E. O’Hanlon. The Opportunity: Next Steps in Reducing Nuclear Arms. Wash.: Brookings Institution Press, 2012. 242 p.

Последним наиболее заметным событием в области сокращения ядерных вооружений и контроля над ними до сих пор является вступление в силу в 2011 году российско-американского договора СНВ-3 (*New START*). Вслед за этим *прорывом* развития успеха в данной сфере так и не произошло. И здесь вполне было бы резонно задать вопрос: неужели прогресс в контроле над ядерными вооружениями уже выдохся?

В книге, вышедшей из-под пера Стивена Пайфера и Майкла О’Хэнлона, содержится подробный анализ перспектив развития процесса сокращения ядерных вооружений и контроля над ними. Традиционно для Института Брукингса, сотрудниками которого являются оба автора, данная работа представляет не только очень качественный академический труд, но и довольно обстоятельную *карту* рекомендаций руководству Соединенных Штатов по продвижению американских интересов в области ядерного разоружения.

Относительно практической значимости этой книги Эллен Таушер, в прошлом заместитель государственного секретаря США по вопросам контроля за вооружениями и международной безопасностью, охарактеризовала ее как *обязательную к прочтению* (*must-read*) в администрации президента и Конгрессе.

Подход ученых из Института Брукингса к проблеме ядерного разоружения, что неудивительно, тесно перекликается с идеей *Ядерного ноля*. Однако эту идею они рассматривают, скорее, как долгосрочную политическую цель, как своеобразный горизонт — фактически недостижимый рубеж, к которому можно и следовало бы стремиться мировому сообществу в целом и США в частности. Поэтому можно сказать, что позиция Стивена Пайфера и Майкла О’Хэнлона является довольно сбалансированна. Для них дальнейшее сокращение ядерных вооружений видится как насущная необходимость для обеспечения национальной безопасности Соединенных Штатов.

В этом смысле, по мнению авторов, Белый Дом должен начать смело *стучаться* в то *окно возможностей* для развития международного сотрудничества в области ядерного разоружения, которое образовалось со вступлением в силу договора СНВ-3. При этом Стивен Пайфер и Майкл О’Хэнлон подчеркивают, что, несмотря на то что холодная война давно уже прошла, на фоне широких разоруженческих

Е
Ы
К
Н
Ж
И
В
Н
О
К

инициатив Соединенным Штатами не нужно забывать о сохранении способности к ядерному сдерживанию как одному из столпов национальной безопасности и стратегической стабильности в мире.

Шесть из девяти глав книги посвящены анализу перспектив международного сотрудничества по главным направлениям глобальной повестки ядерного разоружения: ограничению стратегических вооружений после СНВ-3; контролю над тактическим ядерным оружием; вопросам ПРО; вступлению в силу ДВЗЯИ; переговорам по ДЗПРМ; присоединению к контролю над вооружениями других ядерных держав.

С точки зрения Стивена Пайфера и Майкла О'Хэнлона, активные действия американской дипломатии по всем этим направлениям должны создать *кумулятивный эффект*, когда продвижение по наиболее важным разоруженческим фронтам позволит сформировать среду для всеохватывающего многостороннего контроля над ядерными вооружениями и укрепить в целом режим нераспространения.

При этом, несмотря на довольно оптимистичный посыл данной работы, авторы достаточно трезво оценивают возможные успехи и провалы по всем ключевым вопросам ядерного разоружения. Так, к примеру, Россия, опираясь на ядерные силы как на единственную гарантию безопасности при условии диспаритета по обычным вооружениям с США, вряд ли пойдет на серьезные уступки по нестратегическим ядерным вооружениям, а восточноевропейские члены НАТО, до сих пор рассматривающие Москву как потенциального агрессора, вряд ли откажутся от американского *ядерного зонтика*.

Однако гораздо важнее, по мнению Стивена Пайфера и Майкла О'Хэнлона, чтобы Соединенные Штаты в ближайшие годы закладывали фундамент для достижения в долгосрочной перспективе главной цели — создания режима многостороннего контроля над ядерными вооружениями. ❦

Артём Блащаница

Mehran Kamrava, ed. *The Nuclear Question in the Middle East*. N. Y.: Columbia University Press, 2012. 297 p.

Одна из самых горячих и часто обсуждаемых тем на сегодняшний день — ядерный вопрос на Ближнем востоке. Почему? Потому что за последнее время многие ближневосточные государства выразили желание создать собственную атомную энергетическую программу, но мало кто имеет какую-либо инфраструктуру для этого. Потому что западные страны подозревают Иран в разработке ядерной бомбы. Потому что в регионе протекает далеко не один конфликт, из-за чего возникает вопрос о ядерной безопасности и распространении ядерного оружия.

Книга является наиболее полезным справочником по ядерному вопросу и его будущему на Ближнем Востоке. В отличие от других работ на эту тему, она включает разные аспекты анализа ближневосточной ситуации, не только ядерные, но и политические, экономические, социальные и исторические. Она написана в форме сборника статей, посвященных нераспространению и ядерной энергетике на Ближнем Востоке, и снабжена конкретными примерами того, как к этим вопросам подходят государства региона. Особо следует выделить и затрагивае-

мую в работе проблему создания ближневосточной зоны, свободной от ядерного оружия.

Цель коллективной работы под общей редакцией Мехрана Камравы, директора Центра международных и региональных исследований при Школе дипломатической службы Джорджтаунского университета в Катаре, заключается в том, чтобы охарактеризовать ядерную проблематику на Ближнем Востоке целиком и представить прогноз развития ядерных программ в этом регионе. Автор уделяет достаточное внимание нынешним и будущим последствиям *арабской весны*, что также выгодно отличает эту работу от других материалов, написанных на данную тему. Четыре наиболее интересные главы касаются будущего Египта и Ливии, роли ядерной энергетики на Ближнем Востоке, перспектив развития ядерной программы Саудовской Аравии и Ирана.

В первой главе Мария Рост Рубли (Maria Rost Rublee), старший преподаватель на факультете международных отношений Австралийского национального университета, начинает с политической истории Египта и Ливии и истории появления у них интереса к развитию ядерных технологий. Используя существующие теории распространения, автор рассматривает возможные варианты развития ядерных программ в этих странах в зависимости от того, кто придет к власти после завершения постреволюционных процессов в них.

Во второй главе, Джакомо Лучиани (Giacomo Luciani), научный директор магистратуры по международной энергетике в Институте политических исследований (Париж) и приглашенный преподаватель Принстонского университета демонстрирует полную уверенность, что ближневосточным странам нужна атомная энергетика, несмотря на обильные запасы углеводородного топлива. Он подробно объясняет причины этой потребности, основывая свои тезисы на обширной социальной статистике и обращаясь к проблематике энергетической безопасности в государствах региона.

В третьей главе Томас Липпман (Thomas Lippman), штатный старший научный сотрудник Совета по международным отношениям и бывший заведующий бюро по Ближнему Востоку в газете *The Washington Post*, оценивает возможность ядерного распространения в Саудовской Аравии. Автор приходит к выводу, что, несмотря на распространенный исламский экстремизм, вероятность создания военной ядерной программы в этой стране весьма мала.

В четвертой главе иранский ученый Кайхан Барзегар (Kayhan Barzegar), директор Института ближневосточных стратегических исследований (IMESS) и преподаватель на факультете международных отношений в Научном и исследовательском филиале Исламского университета Азад, предлагает читателю перспективу развития иранской ситуации. Он освещает не только историю и технические особенности ядерной программы Ирана, но и внутривнутриполитический контекст исламской республики, сложившийся вокруг нее.

Другие главы рассматривают теории распространения, характеризуют ядерные программы и политику Объединенных Арабских Эмиратов, Турции и Израиля, и предлагают пути по созданию зоны, свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке. При этом учитываются подходы самих ближневосточных стран к данной проблеме, а также опыт создания аналогичных зон в других частях мира.

Книгу можно рекомендовать широкому кругу читателей, интересующихся проблемами ядерного нераспространения в целом и его специфическим характером применительно к Ближнему Востоку в частности. 🐾

Дженнифер Данке

Е ≈
Ы <
Н Н
Ж ≈
И В
Н О
К Н

Victor Cha. The Impossible State: North Korea, Past and Future. Harper Collins Publishers, 2012. 541 p.

12 февраля 2013 г. мир оказался вновь потрясен и разгневан очередным северокорейским ядерным испытанием. Политики повсеместно резко осудили этот шаг Пхеньяна, и даже Китай ответил с нехарактерным раздражением. В Сеуле возмущенные студенты и активисты разорвали северокорейские флаги на клочки, в то время как другие подожгли груды плакатов с изображением молодого правителя Ким Чен Ына, призывая прекратить его правление. Однако всего в 240 км к северу граждане КНДР радостно встречали на площади перед железнодорожным вокзалом Пхеньяна надпись, появившуюся на гигантском экране: «Было успешно проведено третье подземное ядерное испытание».

Северная Корея продолжает усиливать свой ядерный потенциал, не стесняясь десятилетиями длящихся многосторонних переговоров, наплевав на отсутствие инвестиций и какие-либо соглашения и не боясь санкций. Остается удивляться, как этот режим так упорно и так долго выживает. Несмотря на свою упадочную экономику, на нехватку продовольствия и годы политической отчужденности, население по-прежнему оказывает поддержку ядерной программе своего руководства.

В своей книге *Невозможное государство: прошлое и будущее Северной Кореи* д-р Виктор Ча исследует загадку многих противоречий этого государства-изгоя бывший директор отдела по азиатским делам в Совете национальной безопасности и главный советник президента США Джорджа Буша по северокорейским делам, Виктор Ча использует собственный обширный опыт и широкий круг источников. Он умело сочетает личные воспоминания, исторические экскурсы и впечатляющий массив фактических данных, доступным языком представляя своим читателям уникальную и обоснованную точку зрения по сложной и зачастую непонятной северокорейской проблематике.

Учитывая серьезность и глубину сложившейся ситуации в контексте международной безопасности, труд, в котором исследуется политическая подноготная КНДР, необходим сейчас более чем когда-либо. «То, что мы понимаем, не так важно, как то, что они считают, — отмечает Виктор Ча, и потом делает вывод: Убеденность северокорейцев, что ядерное оружие делает их неуязвимыми для репрессий, означает, что [...] обычное сдерживание [...] не остановит дальнейших провокаций по типу гибели корвета *Чхонан* или обстрел острова Енпхендо. Продолжение провокаций в этих условиях не станет сумасшествием, но будет вполне рациональным».

В целях лучшего знакомства читателей с политикой и идеологией Северной Кореи Виктор Ча излагает историю происхождения государства и те уникальные политические и экономические факторы, которые позволяют Северной Корее несмотря на все трудности оставаться на мировой арене. Однако автор все же настоятельно рекомендует международному сообществу иметь разумный план действий на случай коллапса режима в КНДР, который так или иначе неизбежен.

Хотя выводы Виктор Ча совпадают с существующей американской точкой зрения на будущее Северной Кореи, его книга будет оценена по достоинству любым человеком, будь то дипломат, журналист или равнодушный гражданин, который хочет получить четкое и современное понимание ситуации в Северной Корее. На сегодняшний день работа Виктора Ча, безусловно, одна из самых всеобъемлющих, и она создает тот полезный интеллектуальный фон, на котором может строиться диалог по корейскому вопросу.

Дерек Йохансон

Окунева Л. С., Орлов А. А. (отв. ред.) Восходящие государства — гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии модернизации. Сборник научных трудов. М.: МГИМО-Университет, 2012. 392 с.

Группа стран БРИКС стала одной из самых многообещающих структур последних лет и сегодня за новым политическим игроком внимательно следят развитые страны и развивающиеся государства, которые возлагают на организацию свои надежды касательно многовекторной дипломатии.

В сборнике *Восходящие государства — гиганты БРИКС* вниманию читателя представлены материалы, опубликованные по итогам состоявшейся в 2011 г. в МГИМО (У) МИД России масштабной научной конференции. Авторы приводят подробный статистический анализ общих проблем стран БРИКС, обращаются к вопросу их международного позиционирования и особенностям развития внешнеполитических моделей стран, чертам модернизационных процессов в этих странах. Отдельно освещены проблемы внешнеполитических стратегий стран БРИКС, многосторонних отношений по линиям РИК и БРИКС в целом. Кроме этого, эксперты пытаются ответить на наиболее актуальные для России вопросы: насколько велика ее роль в этой группе и как дальше будет происходить ее позиционирование?

Книга отражает гипотезу авторов, что роль БРИКС в современности — это альтернатива складывающейся *западной гегемонии*, своеобразная попытка создать многополярный мир, основанный на взаимодополняющем сотрудничестве и общей безопасности. Вот только до сих пор пока еще сложно рассуждать о том, насколько взаимодополняющим будет это сотрудничество — здесь позиции авторов расходятся. Одни считают, что среди стран БРИКС выделяется Китай, который своим весом ощутимо смещает центр силы и через участие в организации лоббирует свои экономические интересы в Африке. Отсюда группа БРИКС признается неэффективным механизмом решения глобальных проблем.

Другие эксперты приводят весомые аргументы за объединение в формате БРИКС, делая упор на совпадение политических и экономических интересов участников. Согласно этой позиции, страны — основательницы организации — это не просто развивающиеся экономики, а восходящие страны-гиганты с *нарождающимися рынками*, которые объединены общими целями: борьбой с терроризмом; борьбой с пиратством; многосторонним сотрудничеством; схожестью взглядов на принятие решений в рамках ООН; необходимостью достижения *Целей развития тысячелетия*.

В то же время БРИКС — это прежде всего диалоговый форум, а не новая форма экономической интеграции и, тем более, не военно-политический союз. Но это и модель распределения центров влияния в мире, олицетворяющая переход от однополярности к некоему новому, более справедливому мироустройству. В данном контексте БРИКС — это и своеобразный ответ на кризис политической идентичности.

Рассуждая о перспективах и проблемах сотрудничества, авторы статей обращают внимание читателя на увеличение наряду с Китаем международного веса Индии, работы стран БРИКС в рамках G20. Значительный раздел книги посвящен анализу взаимодействия внутри стран БРИКС, поиску ответа на вопрос: чьи же все-таки интересы представляет группа БРИКС, насколько отличается функционирование БРИКС от работы G8 или G20?

Ключевое понятие для всех стран-участниц — это стратегия модернизации. У всех стран она протекала по-разному, но особый интерес представляет сравнительный анализ модернизации Китая и реформ России.

Е
З
Б
К
Н
Ж
И
О
К

В целом книга наиболее полно и широко охватывает весь ряд вопросов, касающихся БРИКС, сводит в систему противоречивые мнения о будущем организации и ее перспективах. Для большей наглядности собранные в работе тексты сопровождаются солидным объемом статистических данных, позволяющих читателю самостоятельно оценить значение роли стран группы в процессе формирования нового мирового порядка. 📖

Анастасия Ковалева

Харченко В. А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления (на материалах Юга России и Киргизстана). Бишкек: Киргизско-Российский Славянский университет, 2011. 287 с.

Проблема мира, солидарности и толерантности внутри государства является одной из самых важных проблем современного мира. Актуальность нерешенных исторических межэтнических конфликтов внутри государств порождает необходимость тщательного изучения и анализа причин и динамики этих конфликтов для раннего их предупреждения и предотвращения. Именно этой актуальной проблеме В. А. Харченко *Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления (на материалах Юга России и Киргизстана)*.

Автор представляет глубокий анализ теории конфликтов, а также возникновения и движущих факторов внутригосударственных межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве на примере конфликтов в Южной России и Киргизии. Автор акцентирует внимание на том, что возникновение внутригосударственных межэтнических конфликтов связано «[...] с нашей точки зрения, с особенностями становления общей теории конфликта, которая развивалась на протяжении последних полутора столетий главным образом в рамках философии, психологии и социологии» (С. 17). Важность и актуальность проблемы конфликтов привело к развитию целой отрасли в политологических исследованиях, называемой конфликтологией.

Обсуждая теоретические подходы к изучению конфликтов автор упоминает известных конфликтологов современности, таких как Р. Дарендорф, Л. Козер, М. Дойч, Х. Шмидт, Дж. Бертон и других. Интересным моментом в функциях конфликтов являются конструктивная и деструктивная функции конфликтов. Конфликты не только разрушают общество и систему государственного управления, но и могут выступать фактором солидарности и сплоченности. Во время конфликтных ситуаций общество и элита могут сплотиться и сотрудничать в целях предотвращения и устранения конфликтов и конфликтных ситуаций.

В современном глобализованном мире конфликты разного рода, в частности межэтнические, возникают по социально-экономическим, психологическим и политическим причинам, из-за борьбы за власть, ресурсы и статус в обществе. Книга представляет подробный обзор теоретико-методологических основ изучения конфликтов для их предупреждения, предотвращения и разрешения, когда конфликтные ситуации все же возникают. В ней характеризуются функции и причины конфликтов, а также типология конфликтных ситуаций в рамках конфликтологии и политологии. Изучение теории возникновения и эскалации конфликтов способствует раннему предупреждению и предотвращению конфликтов глобального и межэтнического характера.

Переходя к конкретным примерам внутригосударственных межэтнических конфликтов, автор подчеркивает то, что этническая миграция и политическое неравенство являются главными причинами межэтнических столкновений. При этом смена этнического состава населения играет немаловажную роль во внутригосударственных этнических волнениях.

Межэтнические конфликты имеют большое значение во внутренней и внешней политике страны. Примеры межэтнических конфликтов, приведенные автором, показывают, что на постсоветском пространстве было достаточно много конфликтных ситуаций между различными этническими группами, что требует практической и теоретической подготовленности для решения таких конфликтов.

В. А. Харченко подчеркивает значимость конфликтов между русскими и турками-месхетинцами, вспыхнувших в Краснодарском крае, в Крымском, Абинском и Апшеронском районах; между русскими и армянами в Кореновском, Славянскена-Кубани, Анапских городах, в Пашковской станице, в Каневском и Кавказском районах. В России конфликты происходили между разными народами: русскими и чеченцами, даргинцами, туркменами, армянами, греками и турками.

Автор указывает, что «для понимания сути и причин этого явления целесообразно сравнить два периода в истории России, которые объединяет сочетание двух важнейших общественных процессов: изменение социальной структуры общества и смена этнического состава региона в результате массовой этнической миграции» (С. 73). Оба этих периода имели значение для возрастания межэтнического недовольства, которое возникло вследствие социальных и экономических причин, «[...] быстрого и радикального изменения социальной и политической структуры общества, направленного на формирование класса крупных и мелких собственников. В этих условиях, естественно, возникает вопрос о том, кто на данной территории имеет право на власть и собственность, а этнический ресурс экономической и политической конкуренции становится важнейшим и выступает основной причиной межэтнических конфликтов и вынужденных миграций» (С. 76). Такие конфликты, конечно же, не обходятся без экономических, социальных и политических последствий.

В Киргизии жертвой межэтнических конфликтов стали этнические меньшинства, проживающие в стране. Многие были вынуждены ее покинуть из-за столкновений с титульной нацией, киргизами, которые боролись за доминирование на территории республики. В. А. Харченко заключает, что причинами рассмотренных конфликтов на юге России и в Киргизии являются: разделение населения на *своих* и *чужих*, негативное отношение *титульной нации* и меньшинств к взаимной интеграции, а также существующие стереотипы народностей друг о друге.

По мнению автора, основными элементами управления внутригосударственными конфликтами являются нормативно-правовая база по регулированию взаимоотношений между разными этническими группами и государством и институциональные органы, которые регулируют и вмешиваются в конфликтные ситуации для управления, разрешения и предотвращения.

Возрастающая частота и масштабы внутригосударственных межэтнических конфликтов придают особую значимость предупреждению и предотвращению конфликтных ситуаций внутри государства. В своей книге В. А. Харченко представил глубокий анализ теоретических знаний о конфликтах и о предотвращении и предупреждении межэтнических конфликтов с примерами юга России и Киргизии. При анализе теории и практики внутригосударственных межэтнических конфликтов автор проанализировал более четырехсот источников, а также местную и зарубежную литературу по теме, что придает работе высокую научную ценность. 🐘

Е
Ы
Н
Ж
И
К

Шахноза Джаббарова

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2014 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:	
----------------	---------------------------	--------------	--------------	---------------------------	--

на 2014 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ИГРА, БИЗНЕС, БЕЗОПАСНОСТЬ

Главному редактору:

Ноябрь 2012 г. ознаменовался запуском проекта дочерней компании *Google*, *Niantic Labs*. Это *Ingress*, игра в дополненной реальности, которая ведется на местности с использованием смартфонов, работающих под операционной системой *Android*.

Компания *Niantic Labs* до запуска проекта *Ingress* была известна в первую очередь как разработчик ныне закрытого проекта *Field Trip*, посвященного поиску местных коммерческих компаний с использованием движка картографии *Google*. Собственно это подразделение в первую очередь было сконцентрировано именно на совершенствовании картографических сервисов *Google*. Как заявляется, основной целью запуска проекта *Ingress* должно было стать именно совершенствование алгоритмов пешей навигации для карт *Google*. Тем не менее за самим проектом стоит нечто большее, и его с полным правом можно рассматривать как *первую ласточку*, призванную изменить привычный облик интернета и открыть новые способы использования интегрированных геолокационных сервисов.

Ingress поделена на два направления. Первое из них — это игра на местности. Приложение для мобильного телефона отображает для игрока карту города, которая дополнена сущностями, незаметными для тех, кто в игру не играет. Это в первую очередь *порталы*, расположение которых привязано к достопримечательностям города. Именно вокруг этих порталов и разворачивается состязание игроков за контроль над местностью. Команды, принадлежащие к одной из двух фракций, стараются захватить и удерживать порталы в городе.

Необходимость физического присутствия игрока у порталов — это ключевое отличие проекта *Ingress* от всего многообразия существующих компьютерных игр. При этом в *Ingress* ведется непрерывное слежение за маршрутами перемещения игроков с использованием средств спутниковой навигации; информация в непрерывном режиме передается на сервера *Google*.

Есть и другой аспект *игры на местности*. Игроки стимулируются к созданию своих порталов, для чего соответствующую точку нужно сфотографировать (фотография должна содержать геометку) и отослать на рассмотрение в компанию — оператора игры. *Google* также не скрывает своей заинтересованности в регистрации в качестве порталов местных коммерческих структур и учреждений.

Второе, не менее масштабное направление игры связано с развитием таинственного сюжета и ведением виртуального расследования. Ежедневно игрокам предлагаются довольно сложные загадки, которые, как правило, требуют серьезно-

го владения компьютерными технологиями и знания криптографии. В качестве поощрения за решение головоломки игроки получают какие-либо виртуальные бонусы. Очевидно, это была проба пера в создании нового направления рекламы в зарождающемся рыночном сегменте дополненной реальности.

Следует заметить, что *Ingress* — закрытая игра, где все игроки должны запросить индивидуальное приглашение или получить его от друзей. Такая закрытость определяет малую численность играющих в *Ingress*, некоторую эксклюзивность статуса. Так, *Ingress*-сообщество Москвы оценивается по численности всего в 1500–2000 игроков, из которых регулярную активность проявляет несколько сотен. Тем не менее в настоящее время наблюдается устойчивый рост этого сообщества, создание социальных сетей и групп, посвященных *Ingress*, координация действий, разработка продвинутой тактики и творческое использование предоставляемых игрой возможностей.

Утверждается, что данные о перемещении игроков, как и другие личные данные, используются преимущественно для совершенствования картографии *Google*: алгоритмов прокладки пеших маршрутов на местности. Но здесь корпорация кривит душой. Ключевое слово тут *дополненная реальность*, новое направление в развитии интернет-технологий. Информация, накопленная посредством игры в *Ingress*, принадлежит *Google*. Достопримечательности-порталы могут создать солидное подспорье для ориентации в городе с использованием возможностей другого проекта — электронных очков *Google Glass*.

Реклама в создаваемой дополненной реальности — это новое направление бизнеса. Усилия, нацеленные на эксплуатацию этого ресурса, предпринимаются с разных направлений. Не стоит забывать и о другом параллельном проекте *Google*, уже интегрированном в последнюю версию мобильной ОС *Android: Google Now*. Это приложение, используя информацию о местоположении и накопленных данных о перемещениях, пока выдает лишь советы по расписаниям общественного транспорта, афишам находящихся рядом кинотеатров, встречах. В будущих устройствах дополненной реальности оно, вероятно, будет использоваться гораздо шире.

Появление этой *не совсем* игры вызвало ряд алармистских заявлений. Действительно, за человеком фактически устанавливается непрерывная слежка. Маршруты перемещений в рамках игры могут использоваться в разведывательных целях. Точки, которые посещает пользователь, могут позволить с большой степенью достоверности определить его место работы, личные пристрастия и быть использованы против пользователя. Правовых коллизий на уровне международного законодательства и национальных законодательств государств более чем достаточно, для того чтобы сам факт появления подобных игр и сервисов привлек к себе внимание регулирующих органов.

Однако большинство алармистских заявлений можно признать несостоятельными. Дело вовсе не в возможностях слежки. Современные мобильные устройства используют комплекс информации о местоположении прежде всего для продвижения продукции, повышения удобства использования рассеянной информации.

Однако над предотвращением возможных правовых коллизий при использовании дополненной реальности, возможно, стоит начать работу уже сегодня. Ведь это уже даже не будущее — это революция, которая началась. 🐾

Виталий Каберник,
начальник отдела, Управление инновационного
развития, МГИМО(У) МИД РФ
vic@inno.mgimo.ru

Главному редактору:

Новый виток новостей с Корейского полуострова как обычно сопровождается широким потоком разного рода домыслов и спекуляций. Что известно сегодня достаточно четко?

Во-первых, КНДР располагает способностью обеспечивать высокую степень скрытности своей ядерной программы!

Во-вторых, КНДР располагает достаточно разнообразным пакетом технологий, связанных с производством ядерных материалов.

В-третьих, в настоящее время ядерная деятельность в стране стабильно наращивает обороты.

Что это значит в практической плоскости?

С одной стороны, арсеналы явно будут наращиваться и количественно и качественно. Для этого у Пхеньяна есть несколько опций. Этой задаче может послужить старый газографитовый реактор (если его конечно восстановят). Этой задаче может послужить и новый легководный реактор.

По крайней мере, в принципе может. Ну и не забываем о том, что так или иначе, но Северная Корея обладает и технологиями обогащения урана. Так что *начинки* для производства бомб (плутония или урана) постепенно будет все больше.

Учитывая, что под ядерным оружием следует понимать не только сами заряды, но и средства их доставки, несомненно одно — испытания носителей будут продолжены. И не столь важно, когда будут новые циклы испытаний: завтра или через год. Новые ракеты разработаны, и их придется проверять.

Владимир Хрусталеv,
эксперт международной организации *Lifeboat Foundation*,
эксперт Центра международных исследований Морского
государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского
hrustec83@mail.ru

Открываем мир

Продолжение и развитие дискуссии за рамками журнала проходит на нашем сайте www.pircenter.org/пир-центр.рф и в нашем блоге <http://pircenter.org/blog>. На сайте также можно бесплатно подписаться на электронные издания *Ядерный контроль*, *Вена + Женева* и новости ПИР-ПРЕСС.

Наши социальные сети: микроблог на сервисе *Twitter* и страница в *Facebook*, позволяют освещать новости глобальной безопасности в реальном времени и, в случае необходимости, вести прямые трансляции с места событий. Мы стремимся не только охватить новую аудиторию, но и предоставить всем заинтересованным лицам максимальный выбор вариантов для получения экспертизы ПИР-Центра и обратной связи.

с Вашей помощью

ПИР-Центр — некоммерческая организация. Если Вам нравятся наши проекты, выпускаемые нами журналы *Индекс Безопасности* и *Security Index*, наши бесплатные информационные рассылки, Летние Школы или программы стажировок, Вы можете помочь нам поддерживать и развивать их.

На главной странице нашего сайта www.pircenter.org Вы найдете кнопку «Поддержать ПИР-Центр», нажав на которую, можно перевести с Вашей банковской карты на наш счет любую сумму, которую Вы посчитаете нужной.

Мы ценим Вашу поддержку.

SUMMARY

F R O M T H E E D I T O R

7 **Political elites in the era of deficit** — *Pavel Luzin*

Political elites are the main seat of political ideas, values and responsibility — but there is currently an obvious deficit in this area. That deficit is having a negative impact on international relations and global security.

Key words: *political elites, international affairs, international security, institutional effectiveness.*

B U L L S E Y E

10 **On peace initiatives**

I N T E R V I E W

11 **Russia forced to develop global prompt strike weapons** — *Anatoly Antonov*

Global prompt strike weapons have a powerful offensive potential. They can be used to achieve the kind of objectives that presently require the use of nuclear weapons. The best solution would be to ban global prompt strike weapons altogether, but a grave mistake has been made in this area: Russia and the United States ended talks after the signing of the New START treaty. Russian deputy defense minister Anatoly Antonov offers his view of the problems posed by global prompt strike weapons and the prospects for their resolution.

Key words: *global prompt strike weapons, New START treaty, strategic stability, Russian-American relations, missile defense.*

19 **Russia maintains status as global power but has no global goals** — *Vyacheslav Nikonov*

Russian foreign policy aims to achieve development and security goals. At the same time, there are differences on the main foreign-policy fronts, such as the CIS, the CSTO, the European Union, the United States, and Asia Pacific. Vyacheslav Nikonov, chairman of the Russian Duma select committee for education, offers frank views of the Russian foreign policy dynamics and prospects.

Key words: *CIS, CSTO, Ukraine, European Union, United States, Asia Pacific, Iran, missile defense, international cooperation in education, modernization of the Russian Far East.*

A N A L Y S I S

25 **Nuclear energy in the Middle East: Russia's interests and role** — *Andrey Baklitsky*

Growing competition for the Middle Eastern nuclear energy market is an opportunity for expansion as well as a serious risk for Rosatom. The Russian state-owned nuclear corporation has to compete with powerful international consortiums, with obvious repercussions for the price policy. Nevertheless, the company's positions will remain very strong in the region until Chinese suppliers enter the fray. Researcher of PIR Center Andrey Baklitsky examines the issue.

Key words: nuclear energy, Rosatom, Middle East, political aspects of economic competition on the nuclear market.

39 **Qatar's role on the gas markets: prospects for cooperation with Russia** — *Eldar Kasayev*

The article offers an in-depth analysis of economic relations between Russia and Qatar, including ties in the framework of the Gas Exporting Countries Forum, as well as the current state and prospects of the emirate's gas industry. That industry is not only the foundation of Qatar's wealth, but also a major problem for Russian interests. In recent years Doha has been ramping up LNG exports to the European market, thereby undermining the competitiveness of Russian gas supplies. The article of international lawyer and investment advisor Eldar Kasayev also offers long-term projections for the situation.

Key words: Qatar, Russia, Europe, Asia, GECCF, LNG, energy.

57 **Why South Africa needs BRICS, and why BRICS needs South Africa** — *Vladimir Shubin*

South Africa hoped to achieve several long-term goals by joining BRIC. It wanted to prevent its own marginalization and to maintain its positions as the leader of the African continent. The country also has growing interest in cooperation with Russia. That cooperation is being held back by the lack of proper coordination between government agencies and commercial entities in both countries. Professor of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences Vladimir Shubin examines the issue.

Key words: BRICS, South African foreign policy, Russian interests in Africa, Russian-South African relations.

R O U N D T A B L E

71 **Experience and prospects for international cooperation in nuclear security: between Seoul and The Hague** — *Grigoriy Berdennikov, Sergey Vorobyev, Natalya Zaytseva, Dmitry Kovchegin, Vladimir Kuchinov, Mikhail Lysenko, Viktor Murogov, Vladimir Orlov, Park Ji Eun*

Implementation of the decisions made at the Nuclear Security Summit in Seoul in 2012 will be high on the agenda of the next summit in The Hague in 2014. Broad participation of industry representatives in the Seoul summit has emphasized the nuclear industry's global growth. There is an obvious need for that industry to take part in strengthening nuclear security measures and nuclear materials accounting and control (including radiological materials), as well as for the ratification of the Convention on the Physical Protection of Nuclear Material by the leading nuclear powers. The participants of the seminar organized by PIR Center in cooperation with ISTC have discussed the issue in details.

Key words: nuclear security, nuclear industry, nuclear energy, radiological materials, political problems of nuclear nonproliferation.

C O M M E N T A R Y

85 **Establishing a NWFZ in Southeast Asia: why have the P5 not signed the Protocol to the Bangkok Treaty?** — *Alexander Kolbin*

The signing by the nuclear-weapon states of the Protocol that completes the establishment of a nuclear-weapons free zone in Southeast Asia has run up against a whole host of international political differences. These include economic and political control over resource-rich offshore areas, disputed territories, and different approaches to military security. Researcher of PIR Center Alexander Kolbin considers there is little chance of the Protocol being signed in 2013, but there have also been some signs of progress.

Key words: Bangkok Treaty, nuclear weapons free zones, nuclear nonproliferation, nuclear disarmament, security in Southeast Asia.

91 **Missile defense in Russian-U.S. relations — how to end the deadlock?** — *Igor Tomashov*

PhD-student of the Higher School of Economics Igor Tomashov believes that the problem of the U.S. missile defense system in Russian-U.S. relations can be resolved through closer cooperation in the assessment of global threats posed by ballistic missiles; a resurrection of the idea of creating a joint data exchange center; and a policy of mutual concessions.

Key words: missile defense, Russian-U.S. relations, international security, strategic nuclear forces.

- 98 **International Security Index in January-May 2013: Chaotic volatility** — *Galiya Ibragimova, Irma Arguello, Evgeny Buzhinsky, Dayan Jayatileka, Sergio Duarte, Pal Dunay, Halil Karaveli, Andrey Kortunov, Sehlare Makgetlaneng, Abdulaziz Sager, Yevgeny Satanovsky, Farkhod Tolipov, Nandan Unnikrishnan, Konstantin von Eggert*

The situation in Syria and neighboring countries continues to depress the iSI International Security Index; the state of security on the African continent is also worrying. A flare-up in North Korea has quickly ended without any serious consequences. Political difficulties in Europe make it hard to predict its social and economic prospects. An exchange of letters between Vladimir Putin and Barack Obama has not brought any positive changes in Russian-U.S. relations.

Key words: *civil war in Syria, situation in Africa, the European Union, North Korea.*

- 105 **A View by a Russian Liberal: Psychopathology of international relations** — *Yuri Fedorov*

The Middle East has essentially become a turbulence zone, and there are no optimistic scenarios for the region at the moment. The United States has completed the reorientation of its foreign-policy course towards Asia, but its success will also depend on the situation in the Middle East. In this context, Russian-U.S. relations have shifted to the periphery of global affairs.

Key words: *U.S. foreign policy, civil war in Syria, Russian-U.S. relations, strategic nuclear forces.*

- 117 **A View by a Russian Conservative: The cracked edifice of world politics** — *Dmitry Evstafiev*

It is becoming increasingly obvious that the U.S.-centered global financial system is gradually being dismantled. The banking crisis in Cyprus has been a major event not just for the European economy but also for the tightly linked Russian economy as well. Meanwhile, the West is losing its ability to influence the political and military events taking place on the global periphery, including Syria, North Korea and Latin America. As a result we are witnessing the formation of a post-neocolonial reality in which military power is becoming increasingly important.

Key words: *the United States, Russian-U.S. relations, civil war in Syria, North Korea, Venezuela, global economic crisis, the European Union.*

L I B R A R Y

- 131 **Triple agent** — *Evgeny Buzhinsky*

«Joby Warrick has managed a very realistic portrayal of the inner kitchen of one of the world's most effective intelligence services. He has also built the story in such a way that the reader does not get the impression as though the book is not merely a post-mortem of the biggest failing in CIA history», writes PIR Center vice president. We offer a review of: *Joby Warrick. The Triple Agent. The al-Qaeda Mole Who Informed the CIA. New York, London, Toronto, Sydney, Auckland. 2011.*

Key words: *Pakistan, Al Qaeda, terrorism.*

- 139 **Tales and prophecies at a boiling cauldron** — *Vladimir Orlov*

«Satanovsky makes no secret of the fact that he does not believe in the possibility of Palestine ever becoming a viable independent state. What is more, he is confident — wrongly, I believe — that deep down, even the Palestinians themselves do not want such a state because they benefit from the current uncertainty and, as the author puts it, from not having to bear any responsibility for anything», writes PIR Center president. We offer a review of: *Yevgeny Satanovsky. Russia and the Middle East. A Cauldron of Trouble. Moscow: Eksmo, 2012.*

Key words: *Israeli-Palestinian conflict, Middle East.*

- 143 **A cosmic nostalgia for Mackinder** — *Pavel Luzin*

«Meta-Geopolitics of Outer Space, just like the classic geopolitics of seas and continents in the spirit of Sir H.J. Mackinder, is akin to metaphysics and political mythology. Also, it is completely devoid of the orthodoxy which is so characteristic of many modern adherents of geopolitical constructs», writes PIR Center assistant to editor-in-chief. We offer a review

Y
R
A
M
M
U
S

of: *Nayef R.F. Al-Rodhan. Meta-Geopolitics of Outer Space. An Analysis of Space Power, Security and Governance. Palgrave Macmillan, 2012.*

Key words: *peaceful and military use of space, geopolitics.*

N E W B O O K S

- 147 *Artem Blashchanitsa, Jennifer Dahnke, Shahnoza Jabbarova, Derek Johansen, Anastasia Kovaleva — PIR Center interns offer reviews of new additions to the PIR Center library — PIR Center interns offer reviews of new additions to the PIR Center library.*

T O T H E E D I T O R

- 155 **Augmented reality: game, business, security** — *Vitaly Kabernik*
- 157 **Thoughts about North Korea's nuclear ambitions** — *Vladimir Khrustalev*

159 S U M M A R Y

163 A B O U T T H E A U T H O R S

169 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

173 S U S T A I N A B L E P A R T N E R S H I P W I T H R U S S I A G R O U P

174 I N T E R N A T I O N A L E X P E R T S G R O U P

Антонов Анатолий Иванович — заместитель министра обороны РФ, доктор политических наук. В 1978 г. — окончил МГИМО. С 1983 г. — кандидат экономических наук. С 2012 г. — доктор политических наук. Работал в системах МИД СССР и МИД РФ. В 2004–2011 гг. — директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ. Являлся руководителем российской делегации на переговорах с США по новому Договору о стратегических наступательных вооружениях. С 2011 г. — заместитель министра обороны РФ. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени и Почета, другими государственными наградами. Чрезвычайный и Полномочный посол. С 2009 г. — член СУПР (Совета по устойчивому партнерству с Россией). Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра с 2000 г.

Баклицкий Андрей Александрович — директор информационных проектов ПИР-Центра, аспирант Института востоковедения РАН. Выпускник факультета международных отношений Уральского федерального университета. Специалист в области регионоведения. Переводчик-синхронист. В 2008–2009 гг. проходил обучение в Университете Севильи (Испания). Участник всероссийских и международных конференций по вопросам международной безопасности и ядерного нераспространения. Стажер ПИР-Центра с мая по июль 2011 г. Выпускник Летней школы по проблемам глобальной безопасности (2011). Редактор Белой книги ПИР-Центра «Десять шагов к зоне, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке». Адрес электронной почты: baklitsky@pircenter.org

Берденников Григорий Витальевич — Чрезвычайный и Полномочный посол, посол по особым поручениям, Министерство иностранных дел РФ. Окончил МГИМО МИД СССР. В 1993–1998 гг. Постоянный представитель РФ на Конференции по разоружению в Женеве. В 1992–1993 и 1999–2001 гг. занимал должность заместителя министра иностранных дел. В 1998–1999 гг. директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ. В 2001–2007 гг. Постоянный представитель России при международных организациях в Вене. С 2003 г. представитель России в Совете управляющих МАГАТЭ. С 2007 г. Посол по особым поручениям.

Бужинский Евгений Петрович — старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант запаса, кандидат военных наук. В Вооруженных силах с 1968 г. Окончил Военный институт, Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1976–1992 гг. проходил службу на различных должностях офицера Генерального штаба, в 1992–2009 гг. — в Международно-договорном управлении Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации. В 2002–2009 гг. — начальник Международно-договорного управления, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. Член Международной экспертной группы при ПИР-Центре, член СУПР (Совета по устойчивому партнерству с Россией). Адрес электронной почты: buzhinsky@pircenter.org

Воробьев Сергей Анриевич — кандидат физико-математических наук, старший менеджер отдела международных научных программ ГК *Росатом*. В 1984 г. окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). В 1984–2001 гг. — инженер, ведущий научный сотрудник отделения теоретической физики РФЯЦ-ВНИИТФ. Работал над проектами по состоянию и перспективам ядерно-оружейной программы Ирака и информационным барьерам для контроля ядерных материалов. В 2001–2007 гг. — ведущий специалист, главный специалист, заместитель начальника отдела, начальник отдела Департамента разработки и испытаний ядерных боеприпасов ГК *Росатом*. В 2007–2012 гг. — первый заместитель исполнительного директора, Международный научно-технический центр (МНТЦ).

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — профессор НИУ Высшая школа экономики. Окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал сначала младшим научным сотрудником, а затем научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее — старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей* (КРОС), а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: estd1212@yandex.ru

Зайцева Наталья Викторовна — проектный менеджер, Кластер ядерных технологий, Фонд *Сколково*. Окончила Высшую школу бизнеса МГУ им М.В. Ломоносова. Магистр в области международных отношений (МГИМО). С 2008 г. работала в структурах ГК *Росатом* (ОАО *Атомэнергомаш*, ГК *Росатом*) в области стратегического и инновационного развития, принимала участие в разработке отраслевых программ развития и реформирования. В 2010–2011 гг. отвечала за реализацию проекта по разработке программы инновационного развития и технологической модернизации Госкорпорации *Росатом*. С июня 2011 г. в Кластере ядерных технологий *Сколково* отвечает за развитие международного сотрудничества и взаимодействие с институтами развития.

Ибрагимова Галия Ринатовна — консультант ПИР-Центра. В июле 2012 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Глобальное информационное пространство в условиях формирования нового мирового порядка» при Университете мировой экономики и дипломатии

(Ташкент, Узбекистан). Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе МВА в Узбекско-японском центре развития человеческих ресурсов с присвоением международной степени *Project Management Professional (PMP)*. Участница ряда конференций по проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной летней школы по проблемам международной безопасности (2008). Адрес электронной почты: ibragimova@pircenter.org

Каберник Виталий Владимирович — начальник отдела перспективных научно-образовательных разработок Управления инновационного развития МГИМО (У) МИД РФ. Член рабочих групп ПИР-Центра по проблемам кибербезопасности и развития интернета. Сфера научных интересов: кибербезопасность, кибервооружения, международная безопасность, моделирование систем, геоинформатика, противоракетная оборона, стратегическое сдерживание. Автор спецкурсов для аспирантуры и магистратуры по проблемам обеспечения международной безопасности и информационной безопасности, соавтор работ по международно-политической тематике. Адрес электронной почты: vic@inno.mgimo.ru

Касаев Эльдар Османович — юрист-международник, специалист по инвестициям в энергетику стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Родился 20 января 1985 г. в Москве. Окончил Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России (2008). Находился на дипломатической службе в Посольстве России в Катаре (2010–2011). Сфера научных интересов: исследование различных аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российского и иностранного бизнеса в топливно-энергетическом комплексе государств БВСА. Адрес электронной почты: eldar_karach@mail.ru

Ковчегин Дмитрий Алексеевич — независимый исследователь. До 2013 г. — консультант *Booz Allen Hamilton Inc.* в рамках российско-американской программы сотрудничества по усовершенствованию систем физической защиты, учета и контроля на российских ядерных объектах. Ранее работал научным сотрудником в ПИР-Центре и Центре Белфера по науке и международным отношениям Гарвардского университета. Выпускник по образовательной программе в области физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и нераспространения, осуществлявшейся в Московском инженерно-физическом институте при поддержке Министерства энергетики США и участии ПИР-Центра. Член рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете ПИР-Центра. Адрес электронной почты: kovchegin@yahoo.com

Колбин Александр Сергеевич — координатор программы ПИР-Центра *Россия и ядерное нераспространение*. В 2011 г. окончил исторический факультет Томского государственного университета. Участник всероссийских и международных конференций по вопросам международной безопасности и ядерного нераспространения. В 2008–2010 гг. — участник Международных летних школ по нераспространению Томского государственного университета и Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. Выпускник Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности 2010 г. Адрес электронной почты: kolbin@pircenter.org

Кучинов Владимир Петрович, Советник генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии ГК *Росатом*. Работал в качестве главы департамента международного и внешнеэкономического сотрудничества Министерства по атомной энергии и Федерального агентства по атомной энергии (1998–2008). Сотрудник МАГАТЭ в 1980–1985 и в 1994–1998 гг. В 1991–1994 гг. — советник Постоянного представительства Российской Федерации при международных организациях в Вене. В 1969 г. окончил Московский инженерно-физический институт по специальности инженер-физик. Член рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете ПИР-Центра.

Лузин Павел Александрович — кандидат политических наук, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности* (с 2013 г.), преподаватель кафедры всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета. В 2008 г. — стажер ПИР-Центра. Выпускник Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности (2008). В 2009 г. — сотрудник Представительства Пермского края при правительстве РФ. В 2008–2011 гг. аспирант очной аспирантуры ИМЭМО РАН. В 2012–2013 гг. эксперт ПИР-Центра. Адрес электронной почты: editor@pircenter.org

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии ГК *Росатом*. До 2008 г. посол РФ в Новой Зеландии. Ранее — директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения (ДВБР) Министерства иностранных дел РФ. В 1977 г. закончил МГИМО(У) МИД РФ. С 1977 г. работал в Министерстве иностранных дел. В 1992–1996 гг. — заместитель директора Департамента Северной Америки, МИД РФ. В 1996–2000 гг. — советник посольства России в Канаде. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Мурогов Виктор Михайлович, профессор Государственного технического университета атомной энергетики, заместитель генерального директора МАГАТЭ (1996–2004). Одновременно с января 1996 г. по сентябрь 2003 г. был руководителем Департамента по ядерной энергии МАГАТЭ и главным менеджером Программы № 1 МАГАТЭ «Ядерная энергетика, топливный цикл и ядерная наука»; с 2000 г. — руководитель Международного проекта «ИНПРО», созданного в МАГАТЭ по инициативе Президента РФ. С 2008 г. назначен директором Международного центра ядерного образования МИФИ (Москва). Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: vmurogov@mephi.ru

Никонов Вячеслав Алексеевич — председатель комитета Государственной Думы ФС РФ по образованию (с 2013 г.), доктор исторических наук. Окончил факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1978 г.). Докторскую диссертацию защитил в 1989 г. С 1991 г. — помощник руководителя аппарата Президента СССР. После августа 1991 г. — помощник председателя КГБ СССР. С 1992 г. — советник департамента политических и межнациональных проблем Международного фонда экономических и социальных реформ, преподавал в Калифорнийском технологическом институте (США). В 1993 г. — впервые избран депутатом Государственной Думы ФС РФ. В 2006–2009 гг. — член Общественной палаты РФ, руководитель комиссии по международному сотрудничеству и общественной дипломатии. В 2007–2012 гг. — исполнительный директор правления фонда *Русский мир*, с 2012 г. председатель правления фонда. С 2011 г. — декан факультета государственного управления МГУ. Член Европейского отделения ПИР-Центра в Женеве — Centre russe d'études politiques.

Орлов Владимир Андреевич — президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Является основателем (1994 г.) и бессменным президентом ПИР-Центра. С 2006 г. возглавляет европейское отделение ПИР-Центра в Женеве — Centre russe d'études politiques. Является членом Совета ПИР-Центра. Член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Член Монтерейской группы по разработке стратегии в области нераспространения. Член Редакционной коллегии журнала *Washington Quarterly*. Основатель (1993 г.), член Международного клуба *Триалог*. Ассоциированный научный сотрудник Женевского центра политики безопасности (GCSP). Член делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО. Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Кандидат политических наук. Под его общей редакцией был издан учебник *Ядерное нераспространение* (второе издание — 2003 г.). Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org.

Пак Чжи Ын, советник, посольство Республики Корея в Москве. Окончила Сеульский государственный университет и Университетский колледж Лондона при Лондонском университете. С 1992 г. в Министерстве иностранных дел Республики Корея. Работала в Нью-Йорке, Бангкоке. С 2009 по 2011 г. начальник Отдела межкорейских отношений МИД Республики Корея. С 2011 г. советник посольства Республики Корея в России.

Томашов Игорь Андреевич — аспирант НИУ ВШЭ. Тема диссертации: Конструирование исторической памяти как фактор внутренней политики в современной России. Окончил бакалавриат факультета прикладной политологии (2009 г.) и магистратуру факультета мировой экономики и мировой политики (2011 г.) НИУ ВШЭ. С 2008 г. координатор проекта *Escapes from Modernity*. В 2010–2012 гг. — директор по исследованию *Stanford US–Russia Forum*. Выпускник Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности (2012). Адрес электронной почты: itomashov@yandex.ru

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. С сентября 1998 г. — заведующий сектором, а с декабря 2000 г. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: fedorov.yury@yahoo.com

Хрусталеv Владимир Владимирович — эксперт Центра международных исследований Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского, эксперт *Lifeboat Foundation*. В 2005 г. окончил отделение биохимии и биотехнологий Академии экологии, морской биологии и биотехнологий ДВГУ. Сфера научных интересов: проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии, современные локальные войны и вооруженные конфликты, предотвращение вооруженных конфликтов, оружие массового уничтожения и средства его доставки, миротворческая деятельность неправительственных организаций, территориальные споры. Выпускник Летней школы ПИР-Центра 2008 г. Адрес электронной почты: hrustec83@mail.ru

Шубин Владимир Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Африки РАН; профессор факультета истории, политологии и права РГГУ; член Научного совета Национального комитета по изучению БРИКС, член экспертного совета комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ. Окончил факультет международных отношений МГИМО (1962 г.), проходил службу в Вооруженных силах СССР (1962–1969 гг.). В 1969–1979 гг. — референт, заведующий отделом, секретарь Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. С 1982 по 1991 г. — референт, заместитель руководителя, руководитель сектора международного отдела ЦК КПСС. В 1993–2011 гг. преподавал в университетах Африки, Европы и Азии, параллельно работая в Институте Африки РАН и РГГУ. Адрес электронной почты: *vlgs@yandex.ru*

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 20 июня 2013 г.)

Айнхорн Роберт, старший научный сотрудник, Институт Брукинса, Вашингтон, США (с 2007 г.)

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия (с 2010 г.)

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий отделом, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный посол, д.п.н., заместитель министра, Министерство обороны Российской Федерации, Москва, Россия (с 2000 г.)

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., академик РАН, руководитель, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия (с 2007 г.)

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., академик РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия (с 1999 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия (с 2002 г.)

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., Постоянный представитель, Представительство России при международных организациях в Вене, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Воронцов Александр Валентинович, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (с 2013 г.)

Геттемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США (с 1994 г.)

Данилов Дмитрий Александрович, к.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия (с 2011 г.)

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2003 г.)

Джонсон Ребекка, д-р, директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)

Дханапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, председатель Совета Университета ООН, Коломбо, Шри-Ланка (с 2004 г.)

Елеукенов Дастан Шериазданович, д. ф.-м.н., временный поверенный в делах, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США (с 1994 г.)

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария (с 2005 г.)

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия (с 2005 г.)

Кибароглу Мустафа, декан, факультет международных отношений, Университет Окан, Стамбул, Турция (с 2013 г.)

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 1994 г.)

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2003 г.)

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия (с 2003 г.)

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия (с 2002 г.)

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия (с 2002 г.)

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия (с 2000 г.)

Лукьянов Федор Александрович, председатель президиума, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Москва, Россия (с 2010 г.)

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2004 г.)

Льюис Патриция, д-р, директор по исследованиям, *Chatham House*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Международная жизнь, журнал, Москва, Россия (с 2010 г.)

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия (с 1994 г.)

- Мурогов** Виктор Михайлович, профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия (с 2009 г.)
- Мурсанков** Сергей Геннадьевич, заместитель директора, Аналитический центр, ОАО *Объединенная авиастроительная корпорация*, Москва, Россия (с 2010 г.)
- Мюллер** Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия (с 1997 г.)
- Мясников** Евгений Владимирович, к. ф.-м. н., директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2011 г.)
- Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»**, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Никитин** Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Новиков** Владимир Евгеньевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Пархалина** Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Пономарев-Степной** Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Радчук** Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия (с 2009 г.)
- Рауф** Тарик, руководитель, Global Nuclear Solutions, Inc., Вена, Австрия (с 2013 г.)
- Решетников** Леонид Петрович, к.и.н., генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия (с 2010 г.)
- РНЦ Курчатовский институт**, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Рогачев Илья Игоревич**, директор, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)
- Рыбаченков** Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, Москва, Россия (с 2000 г.)
- Савельев** Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Сатановский** Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2004 г.)
- Семин** Валерий Витальевич, д.т.н., проф., помощник заместителя председателя правительства РФ, Москва, Россия (с 2000 г.)
- Сиринционе** Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США (с 2004 г.)
- Сумский** Виктор Владимирович, д.и.н., директор, Центр АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)
- Тимербаев** Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия (с 2010 г.)
- Толорая** Георгий Давидович, исполнительный директор, Российский национальный исследовательский комитет БРИКС, Москва, Россия (с 2013 г.)

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия (с 2002 г.)

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2010 г.)

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья Международного уголовного трибунала по Руанде, советник, Управление международного права, Конституционный суд РФ, Москва, Россия (с 2001 г.)

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., главный специалист, Офис ядерной безопасности, Департамент ядерной безопасности и физической защиты, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м. н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия (с 2001 г.)

Федоров Валерий Валериевич, к.п.н. генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия (с 2011 г.)

Феоктистов Дмитрий Валериевич, заместитель директора, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия (с 2009 г.)

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР (с 2007 г.)

Эггерт Константин фон, главный редактор, радиостанция *Коммерсантъ FM*, Москва, Россия (с 2002 г.)

СУПР (СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ)
(по состоянию на 20 июня 2013 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный посол, д.п.н., заместитель министра, Министерство обороны РФ, Москва, Россия (с 2009 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2009 г.)

Зевелев Игорь Александрович, д.п.н., директор Московского филиала, Фонд Макартуров, Москва, Россия (с 2009 г.)

Мясников Евгений Владимирович, к. ф.-м.н., директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2013 г.)

Орлов Владимир Андреевич, к.п.н., президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2009 г.)

Пайфер Стивен, посол, старший научный сотрудник, Институт Брукинга, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Скуазони Шэрон, директор, старший научный сотрудник, Программа по предотвращению распространения, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Спаский Николай Николаевич, д.п.н., Чрезвычайный и Полномочный посол, заместитель генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2009 г.)

Холловэй Дэвид, д-р, проф., член Совета директоров, Фонд Плаушерс, Сан-Франциско, США (с 2009 г.)

Хоффман Дэвид, публицист, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Черненко Елена Владимировна, обозреватель, отдел внешней политики, издательский дом *Коммерсантъ*, Москва, Россия (с 2013 г.)

Эллеман Майкл, старший научный сотрудник, Международный институт стратегических исследований, Манама, Бахрейн (с 2009 г.)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 20 июня 2013 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2010 г.)

Джаятиллека Дайан, посол, профессор, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка (с 2008 г.)

Дуарте Сержио, посол, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007–2012), Рио-де-Жанейро, Бразилия (с 2012 г.)

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Будапешт, Венгрия (с 2010 г.)

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2006 г.)

Макгетланенг Сехларе, д-р, директор, Программа государственного управления и демократии, Южно-Африканский институт африканских исследований, Претория, ЮАР (с 2012 г.)

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский центр Залива, президент, Sager Group Holding, Джидда, Саудовская Аравия (с 2012 г.)

Санаи Мехди, доктор политологии, руководитель, Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа, Тегеран, Иран (с 2011 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2006 г.)

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР (с 2011 г.)

Толипов Фарход Фазилович, к.п.н., директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)*, Ташкент, Узбекистан (с 2010 г.)

Унникришнан Нандан, вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия (с 2010 г.)

Эггерт Константин фон, главный редактор, радиостанция *Коммерсантъ FM*, Москва, Россия (с 2006 г.)

